

В.И. Силин

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ КРАЯ

Часть 6

Сыктывкар 2025

Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук
Коми республиканское отделение ВОО «Русское географическое общество»

В.И. СИЛИН

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ КРАЯ**

Часть 6

Сыктывкар, 2025

УДК 913.908(091):914.7
ББК 26.890(2)
DOI 10.19110/978-5-89606-689-7

С36 Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Часть 6. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 224 с.

Предлагаемое читателям издание продолжает серию работ автора, посвященных истории изучения и освоения территории Республики Коми и сопредельных районов, и предназначено в первую очередь для специалистов, занимающихся историей Коми края, студентов естественных факультетов региональных вузов, а также краеведов, учителей географии и истории, школьников.

Издание может быть использовано в качестве учебного пособия по спецкурсу «История освоения и географического изучения территории Республики Коми».

Silin, V.I. Essays on the history of geographical research in the territory of Komi. Part 6. – Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS, 2025. – 224 p.

The proposed publication continue the author's series of works devoted to the history of research and development of the territory of the Komi Republic and adjacent territories. They are intended primarily for specialists on the history of the Komi region, students of natural sciences at regional universities, as well as local historians, geography and history teachers, and schoolchildren.

The publication can be successfully used as a textbook for the special course 'History of development and geographical research of the territory of the Komi Republic'.

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Л. Жеребцов
доктор филологических наук Е.А. Цыпанов

ISBN 978-5-89606-689-7

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025
© В.И. Силин, 2025

*Памяти прекрасного человека, друга,
преподавателя, краеведа, исследователя,
с благодарностью за общение посвящаю эту книгу*

Борис Николаевич Тюрнин
(12.03.1943 – 26.06.2022)

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ТЮРНИН **(1943–2022)**

1932 год – состоялось официальное открытие Коми государственного педагогического института (далее – КГПИ), на котором присутствовали 120 студентов и 12 преподавателей. Один из первых факультетов – естественный (впоследствии – географо-биологический). Открытие КГПИ для Коми края было знаковым событием. Институт в течение нескольких десятилетий являлся единственным высшим учебным заведением, здесь обучались будущие учителя, руководители, научные сотрудники, работники милиции и т. д. и т. п. Практически 80 лет успешной работы, почти весь учительский корпус республики – выпускники КГПИ. За период своего существования институт переживал, как и вся страна, различные времена – и становление, и военное время, и благодные годы постройки новых корпусов, формирования учебной и приборной базы.

В 1960-е гг. в преподавательский состав института влились многие его выпускники и не только, сформировав целое поколение преподавателей, вложивших в студентов свои знания и свою душу. Этих людей, родившихся или после войны, или во время войны отличали целеустремленность, большое трудолюбие и романтическое восприятие учебы и работы. Один из них – Борис Николаевич Тюрнин, выпускник КГПИ, всю жизнь прослуживший в стенах института, прошедший путь от ассистента до заведующего кафедрой. Борис Николаевич никогда не был публичным человеком, и поэтому большой удачей для всех нас является его предсмертный очерк, вышедший в 2022 г., в котором он успел вкратце описать свой преподавательский труд [1].

Б.Н. Тюрнин родился 12 марта 1943 г. в с. Деревянск Усть-Куломского района. Отец Николай Платонович и мать Надежда Андреевна привили сыну любовь к труду, Борис Николаевич никогда не сидел без дела. Возможно, деревенское прошлое, красота села, близость р. Вычегды сформировали его характер, любовь к природе и людям, живущим на территории Коми края, желание знать природу. Я в своей жизни не встречал человека, который бы знал и любил свой край так, как Борис Николаевич.

В 1966 г. Б.Н. Тюрнин окончил факультет естествознания КГПИ. Еще в студенческие годы определились его научные интересы, в частности, промысловая териология, методическая работа. В студенчестве Борис Николаевич не только хорошо учился, но очень активно занимался спортом. Он рассказывал, как они, группа студентов, решили пойти в зимний поход на лыжах на Урал и, чтобы выполнить научные исследования, обратились к первым исследователям Медвежьей пещеры – археологу В.И. Канивцу и геологу Б.И. Гуслицеру – с предложением провести какую-либо работу в пещере, которая и была целью путешествия. Б.И. Гуслицер поручил

чил организовать температурные исследования. Надо учесть, что открытие палеолитической стоянки в Медвежьей пещере, в то время самой северной в мире, стало значительным событием в исторической науке.

Путешествие зимой с такой сложной задачей определенным образом характеризует его участников. Во-первых, поход во время зимних каникул в верховья Печоры требует выносливости и большого опыта, во-вторых, этот случай показывает, что студентам важно было провести

*Б.Н. Тюрнин
на зимней прогулке.*

научные исследования и принести пользу коллегам.

Во время учебы Борис Николаевич встретил свою будущую жену Галину Яковлевну (в девичестве Артееву), тоже студентку факультета, которая на всю жизнь стала ему верной спутницей и надежной опорой. В семье выросли два сына – Сергей и Николай.

После окончания института Борис Николаевич остался там на преподавательской работе, которую начал в 1966 г. в должности ассистента. В это же время была построена биостанция в местечке Кочнойг. С этой станцией связаны многие годы работы Б.Н. Тюрнина (долгое время он был и ее руководителем).

Преподы «веселятся».

В 1969–1972 гг. Б.Н. Тюрнин учился в очной аспирантуре Рязанского университета по специальности «Зоология». Окончил обучение с представлением диссертации к защите, но поскольку на три года диссертационные советы были закрыты, защита состоялась только в 1977 г. Тема диссертационного исследования – «Особенности экологии и хозяйственного использования речного бобра на Северо-Востоке Европейской части СССР (Коми АССР)» [2]. Первые научные работы ученого по распространению, состоянию, акклиматизации речного бобра были опубликованы в 1970 г. (список научных работ см. ниже).

Вернувшись в г. Сыктывкар, молодой зоолог был вовлечен в реформирование производственной структуры института и реконструкцию учебных планов. В 1972 г. открылся Сыктывкарский государственный университет (далее – СГУ), а с 1 сентября 1973 г., в соответствии с приказом Минпроса РСФСР, отделение биологии и химии естественно-географического факультета КГПИ было передано в университет, куда перешли работать многие преподаватели. В университет также было передано значительное количество оборудования. Сейчас часто пишут о том, что вуз был создан с помощью сотрудников Ленинградского государственного университета, и почти никогда не говорят, что в Сыктывкарский университет перешли химики, филологи, историки и биологи из КГПИ. 12 октября 1973 г. был издан приказ о разделении кафедры биологии на кафедру ботаники и кафедру зоологии. Заведующим последней был назначен Н.А. Швелев (состав кафедры: К.С. Сенькина, Л.П. Крылова, Б.Н. Тюрнин, Э.К. Чупрова).

Обед в поле.

В июне 1974 г. Б.Н. Тюрнина командировали на Приполярный Урал (ст. Кожим) с целью выяснения возможности проведения комплексной практики по биологии и географии. В дальнейшем р. Кожим на много лет стала плацдармом проведения комплексных практик. Последнюю экспедицию на Приполярный Урал Борис Николаевич со студентами осуществил в 60-летнем возрасте. Зимой 1977 г. Б.Н. Тюрнин выезжал с обучающимися в Печоро-Илычский заповедник для изучения его материалов.

Большинство преподавателей факультета читали лекции и проводили полевые работы на курсах повышения квалификации учителей. Многие годы с Институтом повышения квалификации учителей г. Сыктывкара работал и Б.Н. Тюрнин.

С 1979 г. Б.Н. Тюрнин трудился в должности доцента и через два года был утвержден в звании «доцент». В 1991 г. его назначили заведующим кафедрой зоологии.

Возможно, главным видом деятельности (по крайней мере, с моей точки зрения – *В.С.*) для Бориса Николаевича была педагогическая – прекрасный лектор, как никто знающий свой предмет, всегда добросовестно относящийся к своему делу, он умел «зажечь» студентов желанием исследовать природу, путешествовать. В институте Б.Н. Тюрнин вел курсы «Зоология позвоночных», «Животный мир Республики Коми», «Биогеография» и др. Под его руководством выполнены и защищены десятки дипломных работ, как правило, основанных на конкретных исследованиях

Борис Николаевич на занятиях.

и опирающихся на большой фактический материал, собранный в многочисленных путешествиях по Коми краю.

Во все свои научные исследования Б.Н. Тюрнин привлекал большое количество студентов. Делясь опытом практической работы, он передавал накопленные знания молодому поколению, учителям, ученикам.

В 1980-е гг. в учебном корпусе № 2 КГПИ под руководством Б.Н. Тюрнина был создан экологический музей «Животный мир Коми АССР». К сожалению, музей в процессе объединения КГПИ и СГУ был утерян. При проведении учебных практик на Межадорской агростанции школы-интерната № 1 была оформлена первая в республике учебная экологическая тропа для воспитанников школы-интерната, а также выпущен методический плакат, показывающий, как нужно организовать подобные мероприятия [3, 4].

Б.Н. Тюрнин много лет руководил зоологическим кружком, члены которого обследовали бассейны рек республики, трижды возглавлял студенческие бригады по Всероссийскому учету речного бобра, ондатры, выдры, норки. Экспедиции со студентами проводились с 1967 по 1990 г. по заказу Управления охотничье-промыслового хозяйства при Совете Министров Коми АССР (позже – ПО «Комипромохота», ПО «Комиохотресурс»). Борис Николаевич писал, что при проведении учетных работ по бобрам «были обследованы до 260 водоемов (многие неоднократно) общей протяженностью 13,3 тыс. км в 11 административных районах Республики Коми. Было зарегистрировано 1950 поселений, где обитали 6750 бобров» [1, с. 724].

В 1990-е гг. Борис Николаевич много сил и энергии отдавал проведению полевых практик студентов, выезжая с ними в различные уголки республики и участвуя в экспедициях в рамках Федеральной целевой программы «Интеграция». Из каждой экспедиции студенты привозили материал, впоследствии служивший основой для написания научных и учебных работ. ФЦП «Интеграция», в которой участвовали преподаватели КГПИ – Б.Н. Тюрнин, В.Ф. Лысова, Б.Н. Мальков, В.И. Силин, Н.А. Шумилов, Э.С. Щербаков, и студенты вуза, проводилась совместно с учеными Института геологии и Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, преподавателями и студентами СГУ им. Питирима Сорокина. Душой и организатором данного проекта был академик Н.П. Юшкин. Эта беспрецедентная научная акция действительно объединяла ученых и студентов разных организаций, участвовавших в разносторонних полевых исследованиях. В течение 20 лет проводились научные конференции с публикацией представленных материалов. Среди них – десятки научных работ, выполненных студентами под руководством Б.Н. Тюрнина. Приведем слова Бориса Николаевича, которые прекрасно характеризуют его взгляды

на работу преподавателя и учителя: «Научно-исследовательская работа имеет важное значение для профессиональной подготовки студентов, так как развивает самостоятельность, способствует приобретению многих навыков, требует проработки большого количества литературы, расширяет кругозор и значительно повышает интерес к предмету. Осознавая это, преподаватели географо-биологического факультета направляли усилия на это. Только хорошо знающий и любящий свой предмет учитель может увлечь ребят и плодотворно работать в школе. Особенно важно знание конкретного материала для учителей биологии и географии, так как учащиеся, особенно выпускники сельских школ, всегда интересуются окружающей природой и, если учитель способен удовлетворить их любознательность, постоянно обращаются к нему с самыми разными вопросами» [1, с. 723].

Борис Николаевич был одним из первых организаторов и постоянным членом жюри биологических олимпиад, организовывал многочисленные мероприятия (лекции, семинары, полевые исследования) в республиканском Институте усовершенствования учителей (далее – ИУУ). Без сомнения можно сказать, что Бориса Николаевича знали учителя по всей республике, мне приходилось много раз в этом убеждаться. В 1992 г. Б.Н. Тюрнин был награжден знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». Вообще, Борис Николаевич был очень скромным и никогда не стремился ни к наградам, ни к должностям, просто добросовестно, с душой делал свое дело.

Отдельно скажем о публикации Б.Н. Тюрниным многочисленных учебных пособий для студентов и учителей. Он считал эту работу очень важной. Многие пособия были опубликованы в КГПИ, ИУУ и Лесном институте. Сейчас эти издания – библиографическая редкость, вместе с тем они вполне могут быть использованы при обучении, «но обучать некого, да и некому». В прежние годы на специальность «Учитель географии и биологии» мы набирали по 60 абитуриентов, в 2024 г. поступило всего шесть человек, и неизвестно, сколько из них после окончания университета попадут в школы.

Отметим работы, которые были написаны Б.Н. Тюрниным в последние годы его деятельности в Лесном институте: «Охотничье-промысловые звери Республики Коми» (2006); «Техника охоты» (2007); «Охотничье-промысловые птицы Республики Коми. Учебное пособие» (2008); «Особо охраняемые природные территории Республики Коми» (2011) и др. Указанные труды не выходили за пределы института и были изданы небольшим тиражом, однако они несут большую информационную нагрузку, необходимую для учителей и краеведов. Возможно, найдется издатель, который эти работы либо издаст, либо оцифрует.

Большую значимость для биологов имеет и научное наследие Бориса Николаевича. Многолетние исследования бобра и других животных в природе позволили Б.Н. Тюрнину изучить экологию, географическое распространение, образ жизни в первую очередь бобра; много работ посвящены экологии норки и выдры. Борис Николаевич тесно сотрудничал с учеными Института биологии, членами охотхозяйства – А.А. Естафьевым, А.А. Поповым и другими, и совместно с ними опубликовал большое количество монографий и научных работ.

Ученый обладал феноменальной памятью, он мог безошибочно сказать, где какой дом расположен в деревне, в которой он был 30 лет назад. В республике, пожалуй, нет такого уголка, где не побывал бы Борис Николаевич. На вопрос, нет ли у него сожаления, что всю жизнь он посвятил изучению Коми края и мало путешествовал в другие места, Борис Николаевич отвечал: «Нисколько не сожалею, лучше нашей республики ничего и быть не может».

Мне посчастливилось работать и путешествовать с Борисом Николаевичем много лет. Благодаря ему наши экспедиции и практики заканчивались благополучно, а задачи выполнялись. В далеких деревнях благодаря Б.Н. Тюрнину, его умению найти общий язык с местным населением в нашем распоряжении были и трактор, и лодка, и необходимая помощь. Приходилось много-много раз видеть, насколько высок авторитет его как преподавателя. В любом районе всегда можно было встретить благодарных выпускников, которые считали своим долгом оказывать нам внимание. Будучи уже в 60-летнем возрасте, Борис Николаевич выезжал на практику со студентами на Приполярный Урал. Несмотря на проблемы с ногами, он всегда обеспечивал нас надежный тыл, и, уходя в маршруты, мы знали, что в лагере нас ждет ужин и тепло. Говорят, что Борис Николаевич был атеистом, но в Ульяновском монастыре мы отстояли с ним длительную утреннюю службу. Он тогда мне сказал: «Что-ж ты не пожалел старика, ведь у меня ноги...». Много можно рассказать об этом прекрасном человеке, любящем свою Родину, семью, работу, но это уже формат другой статьи.

Поскольку в КГПИ не издавались библиографические указатели, в отличие от Коми научного центра или Сыктывкарского университета, у многих создавалось впечатление, что преподаватели КГПИ не занимаются научной работой. Ниже мы приводим библиографию трудов Бориса Николаевича, которую автор передал мне несколько лет назад. Возможно, многие специалисты-биологи, педагоги и студенты откроют для себя что-то новое.

Список научных работ Тюрнина Бориса Николаевича

Тюрнин, Б.Н. Прежнее распространение речного бобра и его истребление в бассейнах рек Печоры, Вычегды и Мезени / Б.Н. Тюрнин // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. с ним А.И. Герцена. – Т. 421. – Сыктывкар, 1970.

Тюрнин, Б.Н. Современное состояние речного бобра в Коми АССР и перспективы рационального промыслового использования его запасов / Б.Н. Тюрнин // Материалы научной конференции «Научные основы охраны природы и их преподавание в высшей и средней школе». – Томск, 1970.

Тюрнин, Б.Н. Итоги акклиматизации речного бобра в юго-западной части Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Известия Коми филиала Географического общества СССР. – Т. 2, вып. 3 (13). – Сыктывкар, 1970.

Тюрнин, Б.Н. Речные бобры в бассейнах рек Вычегды, Сысолы и Лузы / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Материалы VI научной конференции зоологов Педагогических институтов. – Горький, 1970.

Тюрнин, Б.Н. О летнем питании бобра в отдельных северных популяциях / Б.Н. Тюрнин, В.А. Никулина // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. – Т. 105. – Рязань, 1971.

Тюрнин, Б.Н. Некоторые особенности биологии речного бобра в отдельных северных популяциях / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. – Т. 105. – Рязань, 1971.

Тюрнин, Б.Н. Результаты восстановления речного бобра в бассейнах рек Вычегды, Сысолы и Лузы / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. – Т. 105. – Рязань, 1971.

Тюрнин, Б.Н. О прошлом распространении бобра в бассейнах рек Печоры, Вычегды и Мезени / Б.Н. Тюрнин // Доклады МОИП. Зоология и ботаника. – М., 1971.

Тюрнин, Б.Н. Сезонная смена питания речного бобра в бассейне реки Тыбью / Б.Н. Тюрнин // Тезисы Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1972.

Тюрнин, Б.Н. Речной бобр в бассейне реки Ирвы (Коми АССР) / Б.Н. Тюрнин // Доклады МОИП. Зоология и ботаника. – М., 1972.

Тюрнин, Б.Н. Современные запасы речного бобра и их рациональное использование в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Охрана живой природы в Коми АССР. – Вып. 2. – Сыктывкар, 1973.

Тюрнин, Б.Н. Промысел речного бобра на Европейском Севере / Б.Н. Тюрнин // Материалы научной конференции зоологов Педагогических институтов. – Владимир, 1973.

Тюрнин, Б.Н. Запасы речного бобра, итоги и перспективы его промысла в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Тезисы докладов V Всесоюзного совещания по бобру. – Воронеж, 1973.

Тюрнин, Б.Н. Классификация бобровых угодий в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тезисы VI Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1974.

Тюрнин, Б.Н. Питание речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Доклады МОИП. Зоология и ботаника. – М., 1974.

Тюрнин, Б.Н. Типология бобровых поселений в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Экология выхухоли, ондатры и речного бобра. – Рязань, 1974.

Тюрнин, Б.Н. Питание речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Экология выхухоли, ондатры и речного бобра. – Рязань, 1974.

Тюрнин, Б.Н. Современные запасы и рациональное использование бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, В.А. Соловьев // Труды Воронежского государственного заповедника. – Вып. 21. – Т. 1. – Воронеж, 1975.

Тюрнин, Б.Н. Классификация бобровых угодий в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Природные условия и ресурсы Севера Европейской части СССР. – Вып. 1. – Вологда, 1975.

Тюрнин, Б.Н. Антропогенные факторы, влияющие на изменение численности речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Проблемы рационального использования естественных ресурсов и охраны природы. – Сыктывкар, 1975.

Тюрнин, Б.Н. Материалы к размножению речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Доклады МОИП. Зоология и ботаника. – М., 1976.

Тюрнин, Б.Н. Взаимоотношения речного бобра с животными водно-берегового комплекса северо-таежных водоемов / Б.Н. Тюрнин // Тезисы Всесоюзной научной конференции зоологов педвузов. – Пермь, 1976.

Тюрнин, Б.Н. Деятельность речного бобра в изменении биогеоценоза прибрежной полосы северо-таежных водоемов / Б.Н. Тюрнин // Природные условия и ресурсы Севера Европейской части СССР. – Вологда, 1977.

Тюрнин, Б.Н. Современные запасы и рациональное использование речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Охрана и рациональное использование биологических ресурсов Урала. Информационные материалы. – Ч. 3. – Свердловск, 1978.

Тюрнин, Б.Н. Антропогенные факторы, влияющие на динамику бобровых популяций в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Доклады МОИП. Зоология и ботаника. – М., 1978.

Тюрнин, Б.Н. О сезонной и суточной активности речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тез. докл. научной конференции зоологов пединститутов. – Ставрополь, 1979.

Тюрнин, Б.Н. Современное состояние ресурсов и промысла ондатры в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Проблемы ондатроводства. – Киров, 1979.

Тюрнин, Б.Н. Систематический список видов позвоночных животных Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Рекомендации для учителей. – Сыктывкар: ИУУ, 1979.

Тюрнин, Б.Н. Состояние запасов и перспективы воспроизводства бобров в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Природные условия и ресурсы Севера Европейской части СССР. – Вып. 3. – Вологда, 1979.

Тюрнин, Б.Н. Особенности экологии речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тез. докл. VII Всесоюзной зоогеографической конф. – М., 1980.

Тюрнин, Б.Н. Определитель следов млекопитающих Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Методические рекомендации. – Сыктывкар: ИУУ, 1980.

Тюрнин, Б.Н. Сезонная и суточная активность речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Экология. – № 3. – Свердловск, 1980.

Тюрнин, Б.Н. Особенности динамики численности обыкновенного бобра и ондатры в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Грызуны. Мат-лы V Всесоюзного совещания. – М., 1980.

Тюрнин, Б.Н. Полуводные промысловые звери Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Научный отчет за 1976–1980 г. – ВЦНТИ. 1Б941494.

Тюрнин, Б.Н. Биологические экскурсии в природу Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, В.Г. Денисов, Л.П. Крылова // Методические рекомендации. – Сыктывкар: ИУУ, 1981.

Тюрнин, Б.Н. Пищевые связи речной выдры в бассейнах рек Вычегды и Сысолы / Б.Н. Тюрнин, Ю.А. Ксенофонтов, Я.В. Филев // Биологические проблемы Севера. IX Симпозиум. – Сыктывкар, 1981.

Тюрнин, Б.Н. Трофические связи речной выдры в Северном Предуралье / Б.Н. Тюрнин // Экология горных млекопитающих, информационные материалы. – Свердловск, 1982.

Тюрнин, Б.Н. Питание речной выдры в бассейнах рек Вычегды и Сысолы / Б.Н. Тюрнин // Труды Коми филиала АН СССР. – № 51. – Сыктывкар, 1982.

Тюрнин, Б.Н. Факторы, определяющие численность речного бобра на Европейском Севере / Б.Н. Тюрнин // Экология. – № 6. – Свердловск, 1983.

Тюрнин, Б.Н. Современное распределение и численность бобров в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Принципы рационального планирования и пути интенсификации использования бобра. Тез. докл. VI Конф. по бобру. – Воронеж, 1980.

Тюрнин, Б.Н. Полуводные промысловые звери Коми АССР и рациональное использование их запасов / Б.Н. Тюрнин // Проблемы региональной экологии животных в цикле зоологических дисциплин педвуза. – Витебск, 1984.

Тюрнин, Б.Н. Полуводные промысловые звери Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // 13. 12. 83. № 6751 – 83 Деп.

Тюрнин, Б.Н. Берегите родную природу / Б.Н. Тюрнин, В.Г. Денисов, Л.П. Крылова, Т.М. Чеусова // Методические рекомендации. – Сыктывкар: ИУУ, 1984.

Тюрнин, Б.Н. Особенности распространения и хозяйственного использования промысловых млекопитающих Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // IV съезд ВТО. Тез. докл. – Т. II. – М., 1986.

Тюрнин, Б.Н. Опыт количественного учета речного бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Всесоюзное совещание по проблеме кадастра и учета животного мира. Тез. докл. – Ч. II. – М., 1986.

Тюрнин, Б.Н. Особенности распространения и хозяйственного использования промысловых млекопитающих Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // 02.04.86. № 2279 – В 86.

Тюрнин, Б.Н. Пушные звери Северного Предуралья и пути рационального использования их ресурсов / Б.Н. Тюрнин // Горные экосистемы Урала и проблемы рационального природопользования. – Сыктывкар, 1986.

Тюрнин, Б.Н. Пушные звери Коми АССР и проблемы рационального использования их ресурсов / Б.Н. Тюрнин // Развитие производительных сил Тимано-Печорского ТПК и задачи ускорения НТП. – Сыктывкар, 1986.

Тюрнин, Б.Н. Животный мир Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // География Коми АССР. – Сыктывкар, 1987.

Тюрнин, Б.Н. Проблемы охраны природы и рационального использования природных ресурсов / Б.Н. Тюрнин, В.Г. Денисов // География Коми АССР. – Сыктывкар, 1987.

Тюрнин, Б.Н. Природоохранительная работа в школах Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Буклет. – Сыктывкар, 1987.

Тюрнин, Б.Н. Влияние лесозексплуатации на бобровые поселения в условиях Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тез. Всесоюзного совещания «Влияние антропогенной трансформации ландшафта на население наземных позвоночных животных». – М., 1987.

Тюрнин, Б.Н. Словарь основных понятий курса «Зоология позвоночных» / Б.Н. Тюрнин // Материалы для самоподготовки студентов. – Сыктывкар: КГПИ, 1988.

Тюрнин, Б.Н. Методические рекомендации к лабораторным занятиям по гистологии с основами эмбриологии / Б.Н. Тюрнин // Для студентов II курса. – Сыктывкар: КГПИ, 1988.

Тюрнин, Б.Н. Методические рекомендации к лабораторным занятиям по зоологии позвоночных / Б.Н. Тюрнин // Для студентов II курса. – Сыктывкар: КГПИ, 1988.

Тюрнин, Б.Н. Систематический список видов позвоночных животных Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Материалы для самоподготовки студентов. – Сыктывкар: КГПИ, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Современное состояние ресурсов, перспективы воспроизводства и промысла бобра в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов // Тез. докл. Всесоюзного совещания по проблеме кадастра и учета животного мира. – Уфа, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Современное распространение и численность выдры и норки в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов // Тез. докл. Всесоюзного совещания по проблеме кадастра и учета животного мира. – Уфа, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Словарь основных понятий курса «гистология и эмбриология» / Б.Н. Тюрнин // Мат-лы для самоподготовки студентов естественно-географического факультета. – Сыктывкар: КГПИ, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Формы внеклассной работы по экологическому воспитанию учащихся школ Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Содружество семьи, школы и общественности в коммунистическом воспитании учащихся. – Сыктывкар: КГПИ, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Речной бобр – мелиоратор охотничьих угодий / Б.Н. Тюрнин // Тез. докл. VII Всесоюзного совещания. – Сыктывкар, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Экскурсия в природу «По белой тропе» / Б.Н. Тюрнин // Методические рекомендации для студентов естественно-географического факультета и ФНК. – Сыктывкар: КГПИ, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Интенсивность заселения бобрами водоемов различных категорий в условиях Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов // Тез. докл. VII Всесоюзной научно-производственной конф. по бобру. – Воронеж, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Речной бобр – мелиоратор охотничьих угодий / Б.Н. Тюрнин, А.А. Турубанова // Тез. докл. VII Всесоюзной научно-производственной конф. по бобру. – Воронеж, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Современное состояние копытных в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тез. Всесоюзного совещания по копытным. – М., 1989.

Тюрнин, Б.Н. Учебная экологическая тропа – «кабинет» в природе / Б.Н. Тюрнин, К.И. Пыстина, Л.И. Дымова // Плакат. – Сыктывкар, 1989.

Тюрнин, Б.Н. Питание речной выдры в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Вестник зоологии. – № 1. – Киев, 1990.

Тюрнин, Б.Н. Современное состояние численности и промысла речной выдры в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тез. V Всесоюзного съезда териологического общества. – Т. III. – М., 1990.

Тюрнин, Б.Н. Охраняемые природные территории Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, Н.П. Бартош // Методические рекомендации для студентов геобиофака. – Сыктывкар: КГПИ, 1990.

Тюрнин, Б.Н. Формы внеклассной работы по экологическому воспитанию учащихся школ Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Тез. II Республиканского совещания-семинара «Содержание и формы экологического образования в педагогическом вузе». – Пермь, 1990.

Тюрнин, Б.Н. Опыт создания экологической учебной тропы / Б.Н. Тюрнин // Тез. II Республиканского совещания-семинара «Содержание и формы экологического образования в педагогическом вузе». – Пермь, 1990.

Тюрнин, Б.Н. Словарь основных понятий курса «Экология» / Б.Н. Тюрнин // Мат-лы для самоподготовки студентов геобиофака. – Сыктывкар: КГПИ, 1990.

Тюрнин, Б.Н. Современное состояние ресурсов и промысла норки в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Млекопитающие в экосистемах. – Свердловск, 1990.

Тюрнин, Б.Н. Определитель круглоротых и рыб в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Сыктывкарский городской совет общества охраны природы. – Сыктывкар, 1992.

Тюрнин, Б.Н. Биология: Указания к самостоятельной работе. 1-ый год обучения / Б.Н. Тюрнин // Коми государственный педагогический институт. – Сыктывкар, 1992.

Тюрнин, Б.Н. Биология: Указания к самостоятельной работе. 2-ой год обучения / Б.Н. Тюрнин // Коми государственный педагогический институт. – Сыктывкар, 1993.

Тюрнин, Б.Н. Биологические экскурсии в природу Коми АССР / Б.Н. Тюрнин, В.Г. Денисов. – Сыктывкар: ИУУ, 1993.

Тюрнин, Б.Н. География Республики Коми (материалы к разделу «Проблемы рационального природопользования и охраны природы»): учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин, Н.А. Шумилов. – Сыктывкар: КГПИ, 1994.

Тюрнин, Б.Н. Проблемы рационального природопользования и охраны природы в Республике Коми / Б.Н. Тюрнин, Н.А. Шумилов. – Сыктывкар: Коми РИПКРНО, 1994.

Тюрнин, Б.Н. О комплексном плане непрерывного экологического образования на географо-биологическом факультете Коми государственного пединститута / Б.Н. Тюрнин // VII Ломоносовские чтения. Непрерывное экологическое образование: содержание, технология, перспективы. – Архангельск, 1995.

Тюрнин, Б.Н. Питание речной выдры (*Lutra lutra*) в Коми АССР / Б.Н. Тюрнин // Труды Пермского государственного университета. – Пермь, 1995.

Тюрнин, Б.Н. Географо-биологическое отделение / Б.Н. Тюрнин, Н.А. Шумилов // Ориентир. – № 1 (473). – Сыктывкар, 1996.

Тюрнин, Б.Н. Программы и методические указания для поступающих в Коми педагогический институт. Биология / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: КГПИ, 1996.

Тюрнин, Б.Н. Животный мир Республики Коми / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: Коми РИПШКРНО, 1996.

Тюрнин, Б.Н. Охраняемые природные территории мира / Б.Н. Тюрнин, Л.И. Фролова. – Сыктывкар: КГПИ, 1996.

Тюрнин, Б.Н. Определитель млекопитающих Республики Коми / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: КГПИ, 1997.

Тюрнин, Б.Н. Ресурс полуводных кунных Республики Коми / Б.Н. Тюрнин // Вопросы прикладной экологии (природопользования), охотведения и звероводства. – Киров: ВНИИОЗ, 1997.

Тюрнин, Б.Н. Программы и методические указания для поступающих в Коми государственный педагогический институт. Биология / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар, 1998.

Тюрнин, Б.Н. Европейская норка / Б.Н. Тюрнин // Фауна европейского Северо-Востока России. Млекопитающие. – Т. II. – Ч. 2. – СПб.: Наука, 1998.

Тюрнин, Б.Н. Речная выдра / Б.Н. Тюрнин // Фауна европейского Северо-Востока России. Млекопитающие. – Т. II. – Ч. 2. – СПб.: Наука, 1998.

Тюрнин, Б.Н. Фаунистические особенности бассейна верхней Вычегды / Б.Н. Тюрнин // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе». – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998.

Тюрнин, Б.Н. Значение студенческих экспедиций в экологическом образовании / Б.Н. Тюрнин, В.И. Силин // Научно-методологические основы развития экологического образования в современной школе. Сб. матлов. – Пенза, 1999.

Тюрнин, Б.Н. Изменение видового состава фауны позвоночных животных на территории Коми края в 19–20 вв. / Б.Н. Тюрнин, М.Н. Дуркина // Депонировано в ВИНТИ, 1546 – В 99.

Тюрнин, Б.Н. Фаунистическая характеристика бассейна верхней Вычегды Республики Коми / Б.Н. Тюрнин, А.Н. Симоненко // Депонировано в ВИНТИ, 1545 – В 99.

Тюрнин, Б.Н. Фаунистические особенности состава позвоночных животных бассейна Северной Кельтмы / Б.Н. Тюрнин // Геолого-археоло-

гические исследования Тимано-Североуральского региона. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999.

Тюрнин, Б.Н. Биология. Будущему лицеисту. Методическое пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Роль студенческих экспедиций в развитии научно-исследовательской деятельности молодежи / Б.Н. Тюрнин, В.И. Силин // Молодые исследователи Республики Коми. – Сыктывкар, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Влияние лесозексплуатации на речного бобра в условиях Европейского Северо-Востока России / Б.Н. Тюрнин // Научно-технический прогресс в лесном комплексе. – Сыктывкар: СЛИ, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Экскурсия в природу «По белой тропе» / Б.Н. Тюрнин // Пособие для учителей. – Сыктывкар: КРИО и ПК, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Фаунистические особенности позвоночных животных реки Воль / Б.Н. Тюрнин, М.Н. Егоров // Доклады 3-ей научной конференции ФЦП «Интеграция». – Сыктывкар, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Влияние лесозексплуатации на речного бобра в условиях Европейского Северо-Востока России / Б.Н. Тюрнин // Мат-лы Международной конф. «Научно-технический прогресс в лесном комплексе». – Сыктывкар: СЛИ, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Географические полевые работы / Б.Н. Тюрнин, В.И. Силин // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: Геопринт, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Объединение вузовской и технической науки в рамках ФЦП «Интеграция» / Б.Н. Тюрнин, Н.Н. Изъюрова, В.Ф. Лысова, Б.А. Мальков, В.И. Силин, Н.А. Шумилов, Э.С. Щербаков // II-ая Республиканская научно-практическая конференция высшего образования и фундаментальной науки в Республике Коми. – Сыктывкар, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Объединение вузовской и академической науки в рамках ФЦП «Интеграция» как форма привлечения студентов к региональным исследованиям / Б.Н. Тюрнин, Н.Н. Лысова и др. // Интеграция профессионального образования: проблемы и перспективы. Сборник докладов: Межрегиональная научно-практическая конференция. – Сыктывкар: СЛИ, 2000.

Тюрнин, Б.Н. Фаунистические особенности позвоночных животных бассейна северной Кельтмы / Б.Н. Тюрнин, А.Н. Симоненко // Исследования биологов. Сборник научных работ студентов и преподавателей географо-биологического факультета Коми Государственного педагогического института. – Сыктывкар, 2001.

Тюрнин, Б.Н. Обучение в лицее как система целенаправленной подготовки для поступления в ВУЗ на биологические отделения / Б.Н. Тюрнин, Е. Перминова // Межрегиональная научно-практическая конференция

«ВУЗ (лицей) – ученик – учитель сельской школы в системе образования РК». – Сыктывкар: КГПИ, 2001.

Тюрнин, Б.Н. Биология. Указания к самостоятельной работе. 2-ой год обучения / Б.Н. Тюрнин // Методические рекомендации. – Сыктывкар: КГПИ, 2001.

Тюрнин, Б.Н. Использование художественной литературы в экологическом образовании / Б.Н. Тюрнин, В.И. Силин // Идеи В.В. Докучаева и современные проблемы сельской местности. – Смоленск, 2001.

Тюрнин, Б.Н. Биология. Указания к самостоятельной работе. I-ый год обучения. Методические рекомендации / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: КГПИ, 2001.

Тюрнин, Б.Н. Изменение видового состава фауны позвоночных на территории Коми края в XIX–XX веках / Б.Н. Тюрнин // Труды Сыктывкарского лесного института. – Сыктывкар: СЛИ, 2002.

Тюрнин, Б.Н. Позвоночные животные Республики Коми. Пособие для учителей / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: КРИПО и ПК, 2002.

Тюрнин, Б.Н. О сохранении и использовании культурно-природного наследия в Парчевском микрорайоне Республики Коми / Б.Н. Тюрнин, Л.И. Ашихмина, С.В. Дегтева, Ю.А. Ткачев // Экология северных территорий России, проблемы, прогноз, ситуации, пути развития, решения. Матлы Международной конф. – Архангельск, 2002.

Тюрнин, Б.Н. К проблеме сохранения и использования культурно-природного наследия Республики Коми / Б.Н. Тюрнин, Л.И. Ашихмина, С.В. Дегтева, Ю.А. Ткачев // Северный Археологический конгресс. Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.

Тюрнин, Б.Н. Численное и биотопическое распределение водоплавающих и околоводных птиц бассейна среднего течения реки Сысола / Б.Н. Тюрнин, С. Кочанов, В. Оевский // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 5-ой научной конф. Т. V. – Сыктывкар: Геопринт, 2002.

Тюрнин, Б.Н. Фауна позвоночных животных бассейна Вычегды на участке реки Нем – с. Лебяжск / Б.Н. Тюрнин, О.Н. Хлебников // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 5-ой научной конф. Т. V. – Сыктывкар: Геопринт, 2002.

Тюрнин, Б.Н. Изменение видового состава фауны позвоночных животных на территории Коми края в XIX–XX веках / Б.Н. Тюрнин // Разнообразие и управление ресурсами животного мира в условиях хозяйственного освоения европейского Севера: Тез. Международной конф. – Сыктывкар, 2002.

Тюрнин, Б.Н. Методические рекомендации к выполнению лабораторных занятий по зоологии позвоночных / Б.Н. Тюрнин // Методическое

пособие для студентов географо-биологического факультета. – Сыктывкар: КГПИ, 2003.

Тюрнин, Б.Н. Они нуждаются в охране. Позвоночные животные из Красной книги Республики Коми. Методическое пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: КРИО и ПК, 2004.

Тюрнин, Б.Н. Биология птиц и зверей. Лабораторный практикум для студентов специальности «Лесное хозяйство» очной и заочной форм обучения / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2005.

Тюрнин, Б.Н. О некоторых перспективах сохранения и использования культурно-природного наследия на Верхней Вычегде / Б.Н. Тюрнин, Л.И. Ашихмина, С.В. Дегтева, Б.Ю. Тетерюк, Ю.А. Ткачев // Археология Урала и Западной Сибири. Сб. научн. тр. – Екатеринбург, 2005.

Тюрнин, Б.Н. Промысловые звери Республики Коми / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов // Биологические ресурсы: состояние, использование и охрана. Мат-лы Всероссийской конф. – Киров, 2005.

Тюрнин, Б.Н. Современное распространение речного бобра в Республике Коми, перспективы дальнейшего расширения ареала и численности / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов // Биологические ресурсы: состояние, использование и охрана. Мат-лы Всероссийской конф. – Киров, 2005.

Тюрнин, Б.Н. Современное распространение и перспективы восстановления ареала речного бобра (*Castor liber*) на европейском Северо-Востоке // Закономерности зональной организации комплексов животного населения европейского Северо-Востока / Б.Н. Тюрнин, А.А. Евстафьев, Г.В. Железнова, А.А. Попов. – Сыктывкар, 2005.

Тюрнин, Б.Н. Охотничье-промысловые звери Республики Коми: учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2006.

Тюрнин, Б.Н. Влияние концентрированных рубок леса на состояние популяций охотничьих зверей и птиц / Б.Н. Тюрнин // Антропогенное воздействие на окружающую среду предприятий Республики Коми. Тез. докл. – Сыктывкар: СЛИ, 2006.

Тюрнин, Б.Н. Основы охотоустройства. Сборник описаний лабораторных работ / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2006.

Тюрнин, Б.Н. Основы охотоустройства. Самостоятельная работа студентов. Методические указания / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2007.

Тюрнин, Б.Н. Техника охоты. Самостоятельная работа студентов. Методические указания / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2007.

Тюрнин, Б.Н. Биология зверей и птиц. Самостоятельная работа студентов. Методические указания / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2007.

Тюрнин, Б.Н. Современное распространение речного бобра в Республике Коми, перспективы дальнейшего расширения ареала и численно-

сти / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов // Труды Сыктывкарского лесного института. – Т. 7. – Сыктывкар: СЛИ, 2007.

Тюрнин, Б.Н. Техника охоты: учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2007.

Тюрнин, Б.Н. Охотничье-промысловые птицы Республики Коми: учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2008.

Тюрнин, Б.Н. Охотничье-промысловая фауна европейского Северо-Востока / Б.Н. Тюрнин, А.А. Естафьев, А.Н. Королев. – Киров, 2008.

Тюрнин, Б.Н. Европейская норка (*Mustera lutreoba*) и американская норка (*Mustera vison*) в Республике Коми. Электронное издание / Б.Н. Тюрнин // Научные чтения. Сб. материалов. – Сыктывкар: СЛИ, 2009.

Тюрнин, Б.Н. Основы охотоустройства: учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2009.

Тюрнин, Б.Н. Словарь-справочник. Самостоятельное справочное электронное издание / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2010.

Тюрнин, Б.Н. Влияние сплошных концентрированных рубок леса на состояние популяций наземных позвоночных животных Республики Коми. Электронное издание // Научные чтения. Сб. материалов / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2010.

Тюрнин, Б.Н. Особенности распространения и хозяйственного использования промысловых млекопитающих в Республике Коми. Электронное издание // Научные чтения. Сб. материалов / Б.Н. Тюрнин, А.А. Попов. – Сыктывкар: СЛИ, 2010.

Тюрнин, Б.Н. Зеленый пакет. Руководство для преподавателя. Комплект образовательных материалов / Б.Н. Тюрнин и др. – Сыктывкар, 2010.

Тюрнин, Б.Н. Влияние антропогенных факторов на состав и структуру популяций охотничьих животных Республики Коми / Б.Н. Тюрнин, А.А. Евстафьев // V Всероссийская научно-практическая конференция «Состояние среды обитания и фауна охотничьих животных России». – М., 2011.

Тюрнин, Б.Н. Конкурентные взаимоотношения европейской и американской норки в Республике Коми / Б.Н. Тюрнин, А.А. Евстафьев // VI Всероссийская научно-практическая конференция «Состояние среды обитания и фауна охотничьих животных». – М., 2012.

Тюрнин, Б.Н. Особо охраняемые природные территории Республики Коми: учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: КГПИ, 2011.

Тюрнин, Б.Н. Конкурентные взаимоотношения европейской и американской норки на Европейском Северо-Востоке / Б.Н. Тюрнин, А.А. Евстафьев // Актуальные научные вопросы: реальность и перспективы. Сб. научн. тр. – Тамбов, 2012.

Тюрнин, Б.Н. Позвоночные животные Республики Коми. Систематический список видов. Электронное справочное издание / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2012.

Тюрнин, Б.Н. По страницам Красной книги Республики Коми. Позвоночные животные. Электронное справочное издание / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2013.

Тюрнин, Б.Н. Биология зверей и птиц: учеб. пособие / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2014.

Тюрнин, Б.Н. Охотоведение. Сборник описаний лабораторных работ. Электронное издание / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2015.

Тюрнин, Б.Н. Особо охраняемые природные территории Республики Коми. Электронное справочное издание / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2015.

Тюрнин, Б.Н. Биология зверей и птиц. Электронное издание. Лабораторный практикум / Б.Н. Тюрнин. – Сыктывкар: СЛИ, 2015.

Литература:

1. Тюрнин, Б.Н. Ностальгические воспоминания о годах работы в КГПИ / Б.Н. Тюрнин // Коми пединститут: время инновационного развития. 1973–2014: сборник материалов и воспоминаний / гл. ред. В.Н. Исаков. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – С. 721–725.
2. Тюрнин, Б.Н. Особенности экологии и хозяйственного использования речного бобра на Северо-Востоке Европейской части СССР (Коми АССР): дис. ... канд. биол. наук: 03.00.08 / Тюрнин Борис Николаевич. – М.: [б. и.], 1977. – 182 с.; Он же. Особенности экологии и хозяйственного использования речного бобра на Северо-Востоке Европейской части СССР (Коми АССР): автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.00.08 Тюрнин Борис Николаевич; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М.: [б. и.], 1977. – 13 с.
3. Тюрнин, Б.Н. Учебная экологическая тропа – «кабинет» в природе / Б.Н. Тюрнин, К.И. Пыстина, Л.И. Дымова // Плакат. – Сыктывкар, 1989.
4. Тюрнин, Б.Н. Опыт создания экологической учебной тропы / Б.Н. Тюрнин // Тез. II республиканского совещания-семинара «Содержание и формы экологического образования в педагогическом вузе». – Пермь, 1990.

ПЕРВЫМ ЛИ БЫЛ НА РЕКЕ АЛАЗЕЕ ДМИТРИЙ ЗЫРЯН?

Во время моей учебы в Ленинградском университете в сумрачных коридорах географического факультета на первых курсах часто можно было встретить старичка с портфелем, обычно в окружении многочисленных сопровождающих. Мой друг, учившийся на кафедре экономической географии, рассказывал, что этот старик читает им курс «Народонаселение» и на его лекции приходит множество слушателей со всего города, и имя его Лев Николаевич Гумилев. Вернуть бы время, и, конечно, с великим удовольствием я бы тоже послушал этого выдающегося ученого. Разработанная им теория пассионарности подтверждается увеличением нашего государства в XVII и XVIII вв. Громадные пространства северо-востока Азии стали принадлежать русскому государю. Большая заслуга в этом казачества, которое, несмотря на лишения и опасности, способствовало расширению территории государства Российского.

К сожалению, осталось немного документов, по которым мы можем судить о процессе прирастания земель и о конкретных заслугах каждого героя. Частая вольная интерпретация документов и правомочная писательская фантазия порой запутывают многие факты. Например, об открытии р. Алазеи мы встречаем в современной литературе несколько разные данные. В заглавии нашей заметки стоит очень конкретный вопрос. Попытаемся с ним разобраться.

Алазея – крупная река на северо-востоке Якутии, длина ее 1590 км (для примера – длина Вычегды 1130 км).

По сведениям из интернета [1]: «Название реки дано по наименованию народа, кочевавшего по этой территории – племени юкагир, рода алайи. В 1640 г. до реки Алазеи добрался отряд казаков во главе с **Иваном Ерастовым**. В 1647 г. в среднем течении реки был поставлен острог, исчезнувший предположительно к началу XX в. Острог служил перевалочным пунктом по дороге на Колыму и Камчатку»; «Алазея открыта русскими в 1638 г., но еще мало исследована»; «**Иван Родионович Ерастов** (до 1617 – после 1677) – русский землепроходец и мореход. Открыл реку Алазею, первый из русских встретился с чукчами».

В энциклопедии «Республика Коми» приведена статья В. Королева «**Зырян Дмитрий Михайлович**», в которой читаем: «В 1636–37 в отряде Постника Иванова участвовал в открытии рр. Яны и Собачьей (Индиگیرки) сухим путем из Якутска. В 1640–41 руководил отрядом казаков, в числе которых состоял С. Дежнев, в походе из Якутска на рр. Яну и Индиگیرку. В 1641–42 приказчик (представитель Якутского воеводы) на р. Индиگیرке, основатель Олюбенского зимовья, послужившего в дальнейшем опорным

пунктом при продвижении казаков на восток. Руководитель морской экспедиции объединенных отрядов – его и М. Стадухина, первооткрыватель (совместно со Стадухиным) р. Колымы. С 1645 приказчик по Колыме, где в 1646 погиб при неизвестных обстоятельствах» [2, с. 466].

Вот что пишет Михаил Ципоруха в своей книге «Покорение Сибири. От Ермака до Беринга»: «**В 1641 г.** по пути, проложенному Постником Ивановым, из Якутска на Индигирку прошел казачий отряд **Дмитрия Михайловича Зыряна, по прозвищу Ярило (Ярилков)**. А весной следующего года группа служилых и промышленных людей из Нижнего Индигирского зимовья **во главе с Дмитрием Зыряном** на построенных в зимовье кочах вышла в море на поиск новых “землиц” и рек к востоку от устья Индигирки, где еще никто из русских не плавал.

Из расспросных речей одного из участников этого похода енисейского казака Федора Чюкичева, записанных в **январе 1646 г.**, известно: “И они, служилые люди, и с ними Митька Ярилков – пятнатцать человек, зделав на той на Индигирке реки два коча, и пошли на тех кочах вниз тою Индигиркою рекою до моря, шли две недели и с усть де Индигирки реки к востоку бежали по тому морю парусом до усть Алазеи реки, вверх парусом и собою до юагирсково князца Ноочичан полтретья дни... Шли они, служилые люди, вверх по Алазеи реки в тех кочах шесть ден и дошли до лесу, и у того де лесу зимовье поставили... Да к ним же де, служилым, к зимовью приезжали на оленях чюхчие оленей продавать... А живут де те чюхчие промеж Алазейскою и Ковымскою (Колымскою. – М.Ц.) реками на тундре... Да к ним же де, к служилым людям, приезжали на оленях же ковымские мужики, и сказывали им, что де с Алазейки реки на Ковыму реку аргишем (оленный караван. – М.Ц.) пересяают на оленях в три дня. А до них де ниhto русских людей у них не бывал... А сказывают они про себя, что де их бесчисленно людей много... А соболей де у них и иного всякого зверя, и рыбы в той реки много. И как де они, служилые люди, перезимовав на той Алазеи реки, на весны лед скрылся, и они, служилые люди, Митька Ярилков, пошел с усть Алазеи реки к востоку на коче, а с ним одиннатцать человек на Ковыму реку”. Значит, первое плавание на восток от Индигирки закончилось открытием р. Алазеи. Почти следом **за Зыряном на Алазею прибыл отряд Михаила Васильевича Стадухина...**» [3, с. 57, 58].

Далее в той же книге читаем: «Последний (Селиван Харитонов) в названной выше челобитной писал, что летом 1640 г. (в год возвращения Посника Иванова на Лену) от устья реки Яны предпринял морское плавание к устью реки Колымы и “перешел море”. Основываясь на сообщении Харитонova, **С.В. Бахрушин сделал поспешный вывод о морском походе его на реку Колыму в 1640 г.**, то есть на три года раньше принятой

в литературе даты. Серьезных оснований для пересмотра прежней даты об открытии реки Колымы у нас нет. В челобитной Харитонов не точных указаний на время его морского путешествия. Из него лишь видно, что путешествие началось летом 1640 года, но как долго оно продолжалось, неизвестно. Неопределенность заявления Харитонов о его приходе на Колыму есть намек на продолжительность путешествия. Это подтверждается всем ходом последующих событий. В момент первого похода русских на Колыму Селиван Харитонов находился в отряде Дмитрия Зыряна и с ним в 1642–1643 гг. прошел, очевидно, на реку Колыму. Во всяком случае, в 1644–1645 гг. он все еще был у Зыряна, а затем в отряде Второго Гаврилова. Летом 1646 г. последний послал Харитонов и казака Фофанова из Нижнеколымска “морем на коче” в Якутск, куда они благополучно прибыли».

В энциклопедии «Арктика – мой дом» написано: «Зырян Дмитрий Михайлович (г. рожд. неизв. – умер в 1646), енисейский казак, землепроходец, арктический мореход, один из первооткрывателей Восточной Сибири. Уроженец Коми кр. (басс. Печоры, Вычегды и Мезени). Зимой 1640 во главе отряда из 11 человек послан из Якутска на р. Яну для сбора ясака. Переход совершался на лошадях. Летом следующего года перебрался в верховья Индигирки, где провел зиму, во время которой поставил острог и построил два коча. **Вместе с присоединившимся И. Ерастовым и его 15 служивыми людьми в 1642 Д. Зырян спустился к Восточно-Сибирскому морю и две недели “парусом бежал” до новой реки Алазеи.** Достигнув “лесных мест”, стали на зимовку. В тех краях землепроходцы впервые встретили юкагиров, с которых собрали ясак “в семь сороков соболей”. Здесь же они впервые встретили неизвестный ранее народ – “оленных чукчей”, живших в междуречье Алазеи и Колымы. Они рассказали, что на востоке “на расстоянии в три дня пути на оленях” протекает неведомая дотоле русским “большая река” (Колыма). Казаки также выяснили, что Алазея берет начало “из Камени” (Алазейское плоскогорье).

Д. Зырян отослал И. Ерастова обратно в Индигирский острог, чтобы оттуда “переслать отписку” о ходе экспедиции. Сам же в начале весны 1644 пешим ходом по Колымской низм. достиг Нижней Колымы. **Практически одновременно в ее устье со стороны моря вошли кочи М. Стадухина и С. Дежнева.** Эти трое и делят приоритет открытия важнейшей реки Северо-Восточной Азии.

В 1645 г. Д. Зырян получил должность целовальника (начальника) в незадолго до этого построенном Нижнеколымском остроге. Его становлением и обустройством он занимался до конца жизни» [4].

В этой же энциклопедии в статье «Ерастов Иван Родионович» читаем: «(гг. рожд. и смерти неизв.), казак-землепроходец, арктический мо-

реход, один из первооткрывателей Восточной Сибири и северо-востока Азии, сын боярский. В 30-х гг. XVII в. служил на Лене, участвовал в конных походах П. Иванова через Верхоянский хр. (1637–1639), дважды, летом 1637 и 1638, ходил, собирая ясак, по р. Адыче и ее притоку Борулаху, первым проник на Янское плоскогорье. После зимовки на Верхней Индигирке за два летних сезона (1640–1641) спустился на стругах до устья реки, построил кочи и морем перешел к устью открытой им Алазеи, где встретил еще неизвестный русским народ – оленных чукчей (самоназвание – чавчу). **Летом 1642 г. Ерастов поднялся по Алазее**, проследив ее почти по всей длине (1590 км), открыл Колымскую низм. и Алазейское плоског., осенью на оленях возвратился на Индигирку и от князца-заложника собрал сведения о реках басс. Колымы и племенах колымских юкагиров. Летом 1643 г. доставил собранный ясак в Якутск.

Ок. 1645 морем перешел с Лены на Колыму и получил известия об Анандыре (Анадыре); намереваясь добраться до него, снарядил в 1646 г. два коча (документы о плавании не сохранились).

В 1662 г. Ерастов вернулся в Якутск и вместе с С. Дежневым повез соболиную казну в Москву. Не позднее 1666 г. вновь прибыл в Якутск, служил на р. Олёкма и Чечуйском волоке (между Нижней Тунгуской и Леной). В 1669 г. был послан на Яну морем, потерпел крушение и добрался до р. Оленёк. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Вот что пишет в своей работе Л.С. Берг: «Впрочем возможно, что Яна была открыта еще до Бузы. В 1633 г. Иван Ребров подал в Жиганске челобитную о разрешении идти “в новое место, морем на Янгу (Яну) реку”. В другой челобитной, 1649 г., он сообщает, что с Янги он отправился “по морю на новую сторону на Индигирскую реку, а Собачья тож”. На Яне он поставил зимовье, а на Индигирке два острога. “А преж меня – говорит Ребров, – в тех тяжелых службах, на Янге и на Собачьей, не бывал никто – проведаль я те дальние службы”. Как бы то ни было, достоверно известно, что в 1639 г. на Индигирке побывал енисейский служилый человек Постник (Посник) Иванов. 25 апреля он с 30 служилыми вышел на конях из Якутска на Яну; шел “через Камень”, т. е. через Верхоянский хребет, до верховий Яны (“Янги”). Здесь “на вершине Янги реки живут тунгусы имени Ламутки”. Ниже по течению Яны жили якуты и тунгусы. Путь из Якутска до янских якутов занял четыре недели. Во время зимовки на Яне (1638–1639 гг.) получили сведения о реке Индигирке и о живших на ней юкагирах. Летом 1639 года Иванов с 27 людьми пошел на конях “вверх по Толстаку реке” (имеется в виду река Толстах, впадающая в Яну справа, ниже Верхоянска) “на Индигирскую реку и Юкагирскую землицу”. Путь шел через хребты на верховья Индигирки, через земли, населенные тунгусами-ламутами. Придя на Индигирку через четыре недели, взяли здесь

у юкагиrow аманантов, собрали ясак и поставили зимовье, в котором Иванов оставил своих 16 человек» [5, с. 303–304]. Далее у Берга читаем: «В течение 1640 и 1641 гг. Иван Ерастов проведal всю Индигирку вплоть до моря и от взятого в плен юкагирского князья прослышал про пути морем к реке Алазее, где тоже жили юкагиры. Весной 1642 г. **Иван и Ярило Ерастовы** сплыли в низовья Индигирки, а отсюда пошли на Алазейскую реку, в кочах, морем. На реке Алазее им встретилось много юкагиrow, а “с ними были с тундры чюхчи – мужики с своими роды и с улусными людьми”. Это была первая встреча русских с чукчами» [Там же, с. 304]. Кстати, в статье В. Королева [6] дается вольная трактовка происхождения названия чукчи от коми слова чухча – глухарь. Еще Оглоблин утверждал, что наименования чукок и коряков русские заимствовали от юкагиrow (чукча, карек) [7].

А вот строки великого писателя, романтика С. Маркова: «...“а по Индигирке выплыли на море”, – всего шесть слов обронил Семен Дежнев об этом походе. Летом 1643 г. Дежнев увидел воды Ледовитого океана. С Дмитрием Михайловым Зыряном наш герой, как мы помним, расстался после похода на Яну. Бывалый “зырянин” пошел на северо-восток. О Дмитрие Зыряне с тех пор не слышно ничего до 1643 г. Он исчезает на целых два года. Зато в летописях покорения Индигирки и Алазеи вдруг появляется имя Дмитрия Михайлова Ерило. Он держит в своих руках Индигирский острожек, ставит зимовье с Косым острогом в устье новой реки, получает “наказную память” о составлении чертежа. Летом 1643 г. Ерило ведет кочи морем на “Алазейскую реку”, и стаи юкагирских стрел впиваются в свежие корабельные доски. Ерило упоминается в 1643 г. еще один раз, а затем бесследно исчезает. Куда же он исчез? Его держит в могучих объятьях Семен Дежнев! Ерило оказывается тем самым “зырянином”, возможно – выходцем из Яренска, Дмитрием Михайловым, делившим с Семейкой трудности похода на Яне. **Дмитрий Ерило и Дмитрий Зырян – одно и то же лицо.** Сопоставьте годы, месяцы, числа, пройдите шаг за шагом вслед за Ерилой – и вы придете к этому неизбежному выводу. Вся беда в том, что многие служилые были известны тогда не только по имени и фамилии, но и по разным их прозвищам. Все это вызвало такую путаницу, что потом историки даже изобрели Ивана и Ерила Ерастовых, побратав живого Ивана Ерастова с Ерилом. Так и получилось, что, выйдя из Якутска с Дежневым, доблестный Дмитрий Михайлов на Яне еще звался Зыряном, а стоило ему пойти на Индигирку и Колыму, как он превратился в Ерила!» [8].

Является ли Ерило и Дмитрий Зырян одним человеком? Пропажа героя в документах – обычный случай, в различных условиях погибали и пропадали десятки казаков, обо всех в документах не указано. Н. Оглоблин пишет: «На всех этих дальних службах, многие служилые люди убиты, переранены, “перемежли голодной смертью” и т. д. В походах они “души

свои осквернили – в среду и пяток, и в посты мясо и молоко и всякую скверную едь ели...”» [9, с. 40].

Что касается путешествий Михаила Стадухина, Л.С. Берг пишет, опять же основываясь на работе Н.Н. Оглоблина: «В 1641 г. якутский воевода П. Головин отправил Михаила Стадухина на Емокон, т. е. Оймекон, в бассейн верхней Индигирки; здесь он объясачил тунгусов и якутов. И проведаль про реки Индигирку и Колыму. Построив коч, Стадухин “поплыл вниз по Индигирке и морем дошел до Ковыму реку”, где поставил ясачное зимовье (Нижеколымск) и собрал с юкагиров ясак. **Это было в 1644 г.**» [5, с. 305].

Так, в работе В.Ю. Визе мы читаем: «(Беляна – В.С.) в 1642 г. перешел сухим путем на Индигирку вместе с отрядом Посника Иванова. Спустившись вниз по Индигирке, Беляна в 1643 году ходил морем в устье Алазеи. Здесь при сборе ясака произошел бой с юкагирами. После этого Беляна ходил вверх по Алазее и, дойдя до лесу, поставил зимовье и острог» [10].

В 1645 г. Иван Беляна путешествовал с Алазеи на Колыму, в 1647 г. Стадухин ходил с Колымы на Анадырь. Устье Анадыря было открыто в 1648 г. Семеном Дежневым. Вот вкратце история открытий рек Северо-Востока России.

В 1965 г. Б. Полевой приводит челобитную Ленских служилых людей (Мишка Стадухин, Митька Михайлов Ярило (Зырян), Фторко Гаврилов и др.), которая доказывает открытие Колымы общими усилиями, под руководством Стадухина в 1643 г. [11].

В Сборнике документов, составленном М.И. Беловым, в документе № 9 «**Из расспросных речей казака Федора Чюкичева о походе с отрядом Посника Иванова на Индигирку, о плавании на реку Алазею с Дмитрием Зыряном и возвращении с государственной казной на Лену**» читаем: «И в прошлом же во 149 г. пришел к ним на ту Индигирку реку на перемену служилые люди Митька Михайлов сын Ярилков, а с ним одиннадцать человек. И они, служилые люди, и с ними Митька Ярилков – пятнадцать человек, зделав на той на Индигирки реки два коча, и пошли на тех кочах вниз тою Индигиркою рекою до моря, шли две недели и с усть де Индигирки реки к востоку бежали по тому морю парусом до усть Алазеи реки, вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноочичан полтретья дни...». Далее М.И. Белов дает свой комментарий: «Настоящий документ подробнее, чем другие, передает обстоятельства снаряжения и осуществления первого похода русских казаков и промышленников на реки Алазею и Колыму. Инициаторами походов была казачья голытьба, прослышавшая о богатствах северо-восточных рек. Плаванием руководил выдающийся полярный мореход Дмитрий Зырян (Ярилков). В отряде был, кроме Федора Чюкичева, Иван Родионов Ерастов. В литературе

часто можно встретить неверное утверждение, что якобы Алазею открыл Ерастов. Некоторые, делая грубую ошибку, считают, что было два Ерилы – Иван Ерило и Дмитрий Ярило; на самом же деле были Дмитрий Зырян (Ярило) и Иван Ерастов, причем Ерастов являлся рядовым участником похода, тогда как Зырян командовал им».

Так или иначе, первоисточниками для большинства писателей по истории открытия, в частности, р. Алазеи явились материалы, опубликованные Николаем Николаевичем Оглоблиным (1852 – г. смерти не уст.) – известным архивариусом, служившим после окончания Археологического института в Петербурге (1880), в Московском архиве Министерства юстиции. В архиве Оглоблин принимал деятельное участие в разборке и описании документов XVI–XVIII вв., опубликовав большое количество материалов не только по классической истории Сибири, но и по истории освоения и изучения Востока России. В частности, опубликовал несколько работ о картографе С. Ремезове, одном из первооткрывателей Камчатки – Владимире Атласове, о первенстве С. Дежнева в открытии пролива между Азией и Америкой, о трудах Г. Миллера и многое др.

Высокую оценку публикациям Н.Н. Оглоблина как историка-географа дал критик многих классических работ, известный исследователь освоения Востока России Б.П. Полевой [12]: «На рубеже XIX–XX вв. самыми полезными по истории географических открытий были работы известного московского архивиста Н.Н. Оглоблина. На основе документов XVII–XVIII вв., хранившихся в архиве Министерства юстиции, он написал ряд ценных работ по истории первоосвоения русскими восточных земель Азии. Правда, и в них порою встречались те или иные неточности (например, при освещении биографии В.В. Атласова)». В 1897 г. Н.Н. Оглоблин оставил службу в архиве, но еще долгие годы выходили из-под его пера исторические материалы.

В 1903 г. была опубликована небольшая по объему, но «классическая» по содержанию работа Н.Н. Оглоблина «Восточно-Сибирские полярные мореходы», и практически все исследователи путешествий наших казаков использовали ее в своих трудах. «Заметки говорят главным образом о следующих девяти мореходах – Михаиле Стадухине, Иване Реброве, Василии Бугре, Елисее Бузе, Иване Ерастове, Прокофии Брагине, Иване Беляне, Василии Власеве и Юрии Селиверстове. Из них более известны Стадухин и Селиверстов, первый как соперник, а второй как сотрудник Дежнева по Анадырской службе. Известны несколько плавания Е. Бузы, Реброва и Власьева, остальные же мореходы доселе неизвестны. Кроме этих девяти лиц, которым посвящены отдельные заметки, в тексте упоминаются многие другие мореходы» [9, с. 38].

Итак, вышеописанная работа Н. Оглоблина лежит в основе большинства литературных трудов об открытии р. Алазеи. В очерке о Михаиле

Стадухине говорится, что в 1641 г. якутский воевода Головин отправил отряд Стадухина в количестве 14 чел. на Оймякон. «Здесь ему “ведомо учинилось про новые реки” – Индигирку и Колыму». Построив кочь, Стадухин «поплыл вниз по Индигирке и морем дошел на Ковыму реку, где поставил ясачное зимовье “с нагорнею”, “поимал в аманаты юкагирских лутчих 3 мужиков” собравши под них 2 сорока соболей. На бою с юкагирами при этой “имке” аманатов, Стадухин ранен стрелою в грудь. За два года пребывания на реке Колыме, он собрал ясака 8 сороков соболей» [9, с. 41]. Конкретных дат путешествия Стадухина с одной реки на другую Н. Оглоблин в этом очерке не приводит. Далее мы имеем дату: «В 1647 г. тот же воевода Пушкин послал Стадухина, с 9 казаками», «морем, для проведения новых землиц, за Ковыму реку» [Там же, с. 42]. В этой же заметке приведены челобитные Гаврилова и Сергея Ортемьева с указанием их участия в экспедиции под руководством Стадухина, но конкретных дат, кроме 1641 г., здесь также не приводится.

В очерке про Ивана Реброва читаем, что ему принадлежит первенство в открытии Яны и Индигирки.

В очерке, посвященном Ивану Родионовичу Ерастову (Ярастову), отмечено, что сначала Ерастов в 1638 г. был в отряде Посника Иванова. Сухим путем они добрались в том же году до Яны, здесь собирали ясак, бились с местными жителями. В 1639 г. казаки перешли на р. Индигирку. В сентябре они поставили зимовье, собрали ясак за 1639 и 1640 гг. Далее по Оглоблину: «Собранный ясак повезли в Якутск Посник Иванов и Афанасий Стефанов (один из челобитчиков), а на Индигирке осталось всего 16 русских (остальные были убиты на боях, умерли от ран и проч.), под командой Кирила Нифантьева. На 1641 г. вновь собрали ясак “и привели к шорти” некоторых юкагирских князцов.

В 1641 г. из Ленского острога прислан **Дмитрий Михайлов Ерило** с товарищи на перемену К. Нифантьева. Последний сдал Ериле острожек и аманатов, а соболиную казну повез в Якутск. С ним отправились и все смененные казаки, кроме трех “челобитчиков” – Ерастова, Чукичева и Алексеева, которых Нифантьев “оставил в Индегерском зимовье, сильно (т. е. против их воли), потому что-де вам здешняя Индегерская служба за обычай”. В том же году **Ерастов** с товарищи (15 товарищи), **под командою Ерилы**, отправились, по указаниям Индигирских юкагиrow, вниз по этой реке, где встретили еще не объясаченных юкагиrow, “не дошед до моря за полднище”, по берегам левой и правой протокам реки. На требования ясака юкагиры “отказали невежливо”, произошел бой, и русские разбили их, “разгромили у них 15 юрт” и проч. Тогда юкагиры подчинились и стали вносить ясак» [Там же, с. 54]. «Ерило поставил здесь “зимовье с косым острожком”...Оставив здесь казака Онисима Иванова с “невели-

кими людьми”, остальные, в том числе и Ерастов, вернулись зимовать в Верхне-Индигирское зимовье, где собрали на 1642 г. ясака 9 сороков 20 соболей.

Весной 1642 г., оставив в этом зимовье, с соболиною казною и аманатами казака Лаврентия Григорьева Кайгородца с товарищи, Ерило с 15 казаками (Ерастов и др.) “сплыли вниз по Индигирке в Олюбинское зимовье. Олюбенские аманаты в расспросе рассказали, что есть отсюда недалеко, по Индигирской реке выплав на море правую протокою, а морем бежать парусом от устья до Алазейской реки небольшое днище, а по той-те реке живут и кочуют многие алазейские юкагирские люди, которые ясака никому не давали и с русскими не встречались. Взявши “вожжа” из ясачных юкагиrow, Ерило и Ерастов с товарищи пошли на “Алазейскую реку, в кочах, морем”. На р. Алазее встретили русских многие “алазейские люди – князцы Невгоча и Мундита, а с ними были с тундры чухчи – мужики с своими роды и улусными людьми”» [9, с. 54]. «На Алазее казаки встретились с местными племенами, стали их уговаривать заплатить ясак и подчиниться русскому государю, те не соглашались, и была битва. Но “юкагиры и чухчи в государственном ясаке отказали и по обе стороны Алазейской реки обошли, и учили нас они улазии с обеих сторон стрелять. И мы дралися с ними съемным боем целый день до вечера”. 9 казаков было ранено, в том числе Ерастов “в левую холку о поясницы”, Чукичев и Алексеев. У неприятеля же были убиты князец **Евгоча** и несколько мужиков, да взят в полон “доброй мужик” **Мамыка**. После такого “разгрома алазеев от нас бегом ушли, избиты и изранены. Казаки поставили зимовье и стали собирать ясак”. Еще упоминается взятый в аманаты знатный шаман **Олюганей**.

Весною 1643 г. Ерило отправил в Ленский острог ясачную казну, с Чукичевым и Алексеевым, “кочем морем”. Ерастова же и енисейского казака Поспелку Кузмина сослал еще “зимнею порою, через горы на оленях”, обратно на р. Индигирку, чтобы досмотреть “Индегерское службы” и послать отписку в Ленский острог» [Там же, с. 55]. «Затем Ерастов нес службу на Индигирке, в 1644 г. вернулся на Лену». О Ериле у Н.Н. Оглоблина больше никаких записей нет.

Зато есть заметка об Иване Кузьмиче Беляне: «Знакомство Беляны с полярным краем началось с 1642 г., когда Якутский письменный голова Василий Поярков послал его из Якутска на р. Индигирку в отряде Посника Иванова, так как “в те годы морского ходу на реку не было”, то они отправились “конным” путем, перевалив “через Янский хребет на Собачью реку, а Индигирка тож”. Для этого похода Белян купил двух коней за 50 рублей. Шли они до Индигирки “10 недель”. На Индигирке Посник Иванов послал Беляну в Олюбинское зимовье, на перемену казака Кирилла

Нифантьева. Собравши здесь ясак, Белян в 1643 г. “ходил морем за Алазейку реку, на иноземцев и на юкагирских тунгусов”, с казаком Дмитрием Зыряном и 6 промышленными людьми.

Весь 1634 г. Беляна провел на Алазее реке, в Алазейском острожке. Весною 1645 г., построивши коч на свои средства, он спустился вниз по Алазее, “и вышли на море, и морем шли две недели, и пришед на Ковыму реку и по Ковыме шли вверх 12 ден”» [9, с. 59]. В 1637 г. Беляна снова был на Алазее. Таким образом, по челобитной можно предполагать, что Беляна также является первооткрывателем р. Алазеи.

Выше рассмотрено большинство взглядов на историю открытия р. Алазеи и других рек Российского Северо-Востока. **Из документов следует, что первооткрывателями были казаки, в 1643 г. пришедшие на Алазею с Индигирки, но так как руководил ими на тот момент Дмитрий Алексеев Ерило, то его и надо считать первым. Поскольку сейчас никто не отрицает, что он и Дмитрий Зырян – одно и то же лицо, то и вопрос здесь можно считать снятым с повестки дня.**

Литература:

1. <http://water-rf.ru>; <https://slovar.cc/enc/brokhaus-efron/1573187.html>; <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Королев, В. Зырян Дмитрий Михайлович / В. Королев // Республика Коми: энциклопедия. – Т. 1. – Сыктывкар, 1997.
3. Ципоруха, М. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга // [tps://profilib.com/chtenie/110946/mikhail-tsiporukha-pokorenie-sibiri-ot-ermaka-do-beringa-78.php](https://profilib.com/chtenie/110946/mikhail-tsiporukha-pokorenie-sibiri-ot-ermaka-do-beringa-78.php) (дата обращения: 15.05.2025).
4. Магидович, В.И. Арктика – мой дом / В.И. Магидович. – http://www.ahmerov.com/book_1217.html (дата обращения: 15.05.2025).
5. Берг, Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга / Л.С. Берг. – М.; Л., 1946. – 379 с.
6. Королев, В. Большая река Дмитрия Зыряна / В. Королев // Дым Отечества / Республика. – Сыктывкар, 2013. – 21 сентября.
7. Вдовин, И.С. Известия Всесоюзного географического общества. – 1944. – № 5. – С. 253.
8. Марков, С.Н. Подвиг Семена Дежнева / С.Н. Марков. – М.: Географгиз, 1948. – 88 с.
9. Оглоблин, Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века / Н. Оглоблин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. – Май. – С. 38–63.
10. Визе, В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв. Биографический словарь / В.Ю. Визе. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. – 72 с.

11. Полевой, Б.П. Русские Географические открытия на дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в. / Б.Н. Полевой: автореф. дис. ... д-ра историч. наук. – Л., 1985.
12. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Celob_otkryv_Kolymy/text.htm (дата обращения: 15.05.2025).

СУДЬБА БАРЕЛЬЕФА (А.А. КЕЙЗЕРЛИНГ И П.И. КРУЗЕНШТЕРН)

Хотелось бы обратиться к событиям полуторавековой давности. Россия первой половины XIX в. – огромная территория, практически не изученная ни в каком отношении, неграмотная, крепостная. В Европе университеты стали возникать с XII в., в России – с XVIII в. Наиболее старые российские университеты находились в западных губерниях, в которых дворяне, как правило, немцы. В начале XIX в. наука была представлена выходцами из этих университетов. Научные книги в основном издавались на немецком языке (в том числе и книга А.А. Кейзерлинга). Многие немцы в течение нескольких поколений, находясь на русской службе, служили добросовестно и честно (в том числе и морская династия Крузенштернов).

В 40-х гг. XIX в. русский император пожелал создать геологическую карту на Европейскую часть империи. Один из отрядов большой экспедиции, снаряженный корпусом горных инженеров, под руководством Александра Андреевича Кейзерлинга (1815–1891) в 1843 г. работал на территории современной Республики Коми. С целью проведения астрономи-

Александр Андреевич Кейзерлинг.

Павел Иванович Крузенштерн.

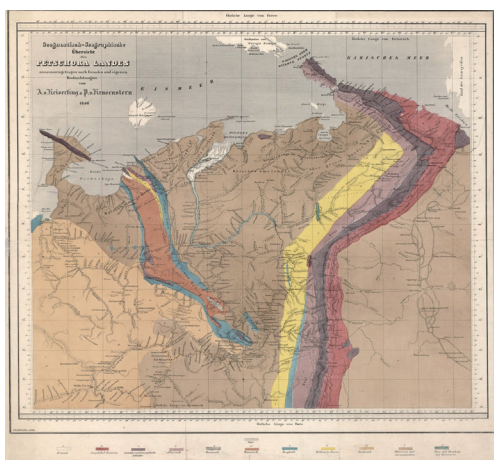
ческих и картографических исследований в отряд был прикомандирован военный моряк Павел Иванович Крузенштерн (1809–1881). В результате работы экспедиции были составлены геологическая и топографическая карты на громадную территорию, выделены тектоническая и орографическая структуры Тиманского кряжа, описано Ухтинское месторождение. В 1945 г. было создано Русское географическое общество, и первую комплексную многолетнюю экспедицию общества командировали на Север Урала. Вначале возглавить ее приглашали А.А. Кейзерлинга, но он был занят обработкой результатов Печорской экспедиции, и руководить ею стал еще один немец – Эрнст Карлович Гофман. П.И. Крузенштерн в 1826–1829 гг. участвовал в кругосветном путешествии на шлюпе «Сенявин». В 1869 г. уволился со службы в чине вице-адмирала. Он еще много раз работал на Печоре, участвовал в организации Печорской компании совместно с В.Н. Латкиным и М.К. Сидоровым.

В настоящее время за А.А. Кейзерлингом и П.И. Крузенштерном сохраняется приоритет первых научных исследований на Печоре и Севере Урала. Нет ни одного научного значительного труда по геологии и географии нашей территории, где не упоминались бы их работы. Естественным стало решение увековечить память славных исследователей и как специалистов, и как достойных путешественников, и даже как представителей немецкого народа.

В 1993 г. состоялось открытие мемориальной доски, посвященной экспедиции А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна, изготовленной из металла. Инициатива создания памятника принадлежит Ухтинским краеведам: Р.Л. Поповой, В.П. Потолицыну и А.Н. Козулину, возможно, и др. Со

Научные наблюдения экспедиции.

Геологическая карта А.А. Кейзерлинга.

*Владимир Афанасьевич
Рохин.*

Барельеф.

стороны Общества изучения Коми края активное участие в создании барельефа приняла Л.П. Рощевская. Подробно процедуру его открытия описывает Р.Л. Попова в своих мемуарах «Будем достойны наших предков».

Доска была установлена на стене самого старого дома города (бывший дом купца С.Г. Суханова) по ул. Орджоникидзе, 2 (сейчас здание принадлежит Национальному музею Республики Коми, здесь же размещен Литературный музей им. И.А. Куратова). Текст на мемориальной доске был таков: «В честь первой научной Печорской экспедиции 1843 года Российским ученым Александру Андреевичу Кейзерлингу, Павлу Ивановичу Крузенштерну – исследователям Коми края».

Автор барельефа – известный скульптор Владимир Афанасьевич Рохин. Географы знают и другие его произведения, посвященные истории освоения республики и деятелям науки: А.В. Журавскому, С. Пермскому, Ф.С. Прядунову, В.Н. Латкину (кстати, экспедиция Кейзерлинга в 1843 г. встречалась с ним в Коми крае), В.А. Варсановьевой, В.А. Дедееву, М.В. Фишману, Н.П. Юшкину. Барельеф на Сухановском доме представлял художественное произведение. Наряду с портретами ученых, мы видим Троицкий собор, рядом с которым определялись первые географические координаты г. Усть-Сысольска, карту Печорского края и Урала и в верхней части светит, как Полярная звезда, роза ветров.

К сожалению, варварская рука не пощадила барельеф, он был утерян. Вот уже прошло много лет, знаменитый дом отреставрировали, сделали прекрасные интерьеры для Литературного музея. В 2023 г., благодаря усилиям Коми отделения РГО, Общества изучения Коми края, барельеф был восстановлен по сохранившемуся в Музее истории просвещения Коми края при СГУ им. П.А. Сорокина макету. И сейчас гости города и его жители могут видеть памятник первым исследователям Коми края.

По поводу вандализма: всем известен памятник адмиралу Ивану Федоровичу Крузенштерну, отцу нашего героя П.И. Крузенштерна, в Санкт-Петербурге. С этого памятника в день праздника ВДВ исчезли кортик и пуговица. К счастью, потерю достаточно быстро восстановили.

Экспедиция А.А. Кейзерлинга, работавшая в 1943 г. в Печорском крае, встречалась с проводившим исследование известным этнографом, финно-угроведом Маттисом Кастреном, которому была установлена памятная доска в г. Сыктывкаре и которую постигла такая же участь – она пропала.

Известный путешественник и краевед В.Н. Королев в 1992 г. писал: «Маттис Александр Кастрен (1813–1852) – выдающийся финский путешественник и ученый, исследователь Коми края. В 1991 г. в ходе посвященной ему экспедиции были установлены мемориальные доски в с. Колва, где в 1848 г. состоялось знакомство его с В. Латкиным, и в Сыктывкаре в дни проведения II Международного фестиваля фольклора финно-угорских народов. Авторы мемориальной доски В. Рохин и И. Тютюник. Мемориальная доска М.А. Кастрену установлена на здании филологического факультета СГУ: открыта 18.08.1991 г.» [1, с. 46]. (Кстати, в этой публикации приведена фотография барельефа Кастрену плохого качества – В.С.).

Учитывая важность исторической памяти, курс движения общества к воспитанию у молодежи чувства патриотизма необходимо направить на восстановление памятных барельефов.

Литература:

1. Королев, В.Н. Коми центр путешественников «Биармия» – финно-угорский центр воспитания детей / В.Н. Королев // Вестник культуры Коми ССР. – 1992. – № 1. – С. 44.

*Памятник
И.Ф. Крузенштерну.*

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА РЕКИ ИЖМЫ

Ижемский район Республики Коми – район молодой, образовался в 1929 г., ранее назывался Ижемско-Печорский уезд в составе Автономной области Коми (Зырян). До революции территория района входила в состав Архангельской губернии (Мезенский уезд, Печорский уезд).

Населенные пункты малоизвестного Припечорского края в XIX в. являлись базой для исследователей этого края и проведения экспедиций (А. Шренк, А. Кейзерлинг, П. Крузенштерн, Э. Гофман и др.). Выяснить время образования селений – важная задача в изучении истории географического освоения территории.

В 1862 г. Михаил Федорович Истомина – уроженец Ижмы, составил интересный очерк о селе середины XIX в.: «Селение, собственно Ижма, имеет в окружности до 3,5 верст. В нем считается домов до 138 и 537 ревизских душ государственных крестьян.

О времени основания Ижемского селения, нельзя сказать ничего положительного, потому что относительно этого предмета не сохранилось до нас письменных памятников, но что берега р. Ижмы были обитаемы с давнего времени, в том нельзя сомневаться» [1, с. 133].

Интересны описания М.Ф. Истоминым ижемцев: «В отношении умственных и нравственных качеств, Ижемцы*, совмеща в себе, все как добрые, так и дурные качества русских крестьян, отличаются от них какою-то особенною энергиею во всех своих поступках. Они весьма деятельны, предприимчивы и смышлены; но как инородцы, скрытны и недоверчивы, особенно к русским. Зато очень усердны ко храмам Божиим, и гостеприимны до того, что в их селении в редкий год не пребывает до сотни крестьян из других мест, для прокормления своего и сбора подаяний» [Там же, с. 141].

В XIX в. территория района входила в огромный по площади Мезенский уезд.

Через два года в том же издании выходит статья Швецова, в которой автор указал даты возникновения всех селений по р. Ижме и дал краткую характеристику Мезенского уезда на 1864 г. [2]. К сожалению, он не привел письменных источников, которыми пользовался, но, по всей видимости, эти источники существовали и, может быть, существуют теперь. Зыряне* проживали постоянно, в основном на территории бассейна р. Ижмы, самоеды** кочевали по тундре, на Нижней Печоре основную массу жителей составляли русские.

«Жители Мезенского уезда состоят из трех элементов: 1) собственно Русских частью прибывших в этот край с давнего времени по делам торговым и промышленным, и тут основавших свое жительство, частью высланных сюда из внутренних губерний, по распоряжению правительства, на жительство за проступки. Вообще русских, которые все государственные крестьяне, числилось к 1 января 1963 года, 21 098 душ, в том числе 10 141 мужского, и 10 947 женского пола; 2) Зырян добровольно в давнее

* Ижемцы, зыряне – современные коми.

** Самоеды, самоедь – современные ненцы.

время, выходцев из Вологодской губернии Яренского уезда. Зыряне говорят особым языком и все государственные крестьяне, – их по 1 января 1863 года числилось 11 049, в том числе: 5334 мужеского и 5715 женского пола и 3) Коренных местных жителей Самоядь, говорящих так же особым языком. Самоедь к тому же 1 января числилось: 5854 души, в том числе 3060 мужеского и 2704 женского пола» [2, с. 94].

«О времени основания русских населений местных сведений не имеется; напротив, того между Зырянами сохранились письменные заметки, из которых видно, что первое поселение Зырян в Запечорском крае Мезенского уезда началось с 1400 г. и окончилось в 1838 г. Так из слободы Глотова Яренского уезда, расположенной на реке Ижме, зыряне в 1400 г., переселились в расстояние 60 верст от впадения реки Ижмы в реку Печору, где и образовалось Ижемское селение. Затем по реке Ижме в 1734 г. образовалось селение Сизябское, в 1737 г. – Мохченское, в 1742 г. д. Гамская, в 1753 г. деревня Красноборская, Дибожская, Малогаховская, в 1755 г. д. Мошьюская, Кельчигорская, и Устьижемская; в 1760 г. Поромежская, в 1762 г. д. Картаельская, в 1765 г. д. Кедвавомская, в 1790 г. д. Косельская; к 1800 г. д. Щельская, в 1813 г. д. Сюзская, Порогская, и Большепоженская, и в 1812 г. д. Усть-Ухтинская, при р. Нерице, д. Нерицкая в 1755 г. и при р. Печоре в 1770 г. Устькожвиская, Пилегорская, Няшабожская и Усть-Усинская; в 1755 г. д. Щельягорская, в 1795 г. д. Брыкаловская; в 1813 г. – Устыльжинская, в 1838 г. д. Новик-Божская; наконец когда основалась д. Прасконская и Кырьинский Материк – сведений нет» [Там же, с. 95].

Эти данные не всегда совпадают с официальными (таблица).

Таблица

Населенный пункт	Швецов [2]	Жеребцов И.Л. [3]	«Республика Коми» [4]
1	2	3	4
Сизябское	1734	между 1745 и 1763	1728
Мохченское	1737	между 1745 и 1763	1737
Гамская	1742	между 1745 и 1763	1745–1763
Красноборская	1753	между 1763 и 1765	1753
Дибожская	1753	–	–
Малогаховская	1753	после 1763, упомянута в 1782	
Мошьюская	1755	между 1745 и 1763	1745–1763
Кельчигорская	1755	между 1763 и 1770	1795
Устьижемская	1755	между 1763 и 1766	1763–1766
Поромежская	1760	–	1782
Картаельская	1762	между 1763 и 1768	1763–1768

1	2	3	4
Кедвадомская	1765	между 1763 и 1768	1784
Косьельская	1790	упомянута в 1859	1859
Щельская	1800	известна с 1840-х	не позднее 1843
Сюзская	1813	–	–
Порогская	1813	упомянута в 1846	–
Большепоженская	1813	–	–
Усть-Ухтинская	1812	1836	1799
Нерицкая	1755	1731	–
Устькожвинская	1770	упомянута в 1795	1795
Пилегорская	1770	1804	начало XIX в.
Няшабожская	1770	обозначена на карте 1846	1770
Усть-Усинская	1770	1782	1765
Щельгорская	1755	известна с начала 1840-х	1753
Брыкаловская	1795	1777	XIX в.
Устьлыжинская	1813	обозначена на карте 1846	конец XIX в.
Новик-Божская	1838	1840	1840

Сравнивая данные, приведенные в таблице, видим, что отличаются они незначительно. Дело в том, что при составлении энциклопедии «Республика Коми» характеристики селений проводились разными авторами, которые пользовались разными источниками. Например, некоторые авторы (М. Бурьян, О. Витязева, Ю. Эрнст), возможно, использовали приведенный выше источник – статью Швецова. Некоторые села описаны И.Л. Жеребцовым. В этом случае данные энциклопедии о времени возникновения селения совпадают с его книгой. Поскольку сведения И.Л. Жеребцова взяты из ревизий, которые проводились периодически, возможно, данные Швецова более конкретные. Некоторые сведения и в энциклопедии непонятно откуда взялись. Мы не знаем, какими источниками пользовался Швецов, но, может быть, взять его статью за основу?

Возникали деревни. Продолжалась жизнь. Люди работали, зарабатывая себе пропитание на день насущный. Швецов приводит в своем очерке и сведения об основных занятиях местных жителей.

«Зыряне – занимаются преимущественно оленеводством на Самоедских тундрах Мало- и Большеземельской, через посредство самоедов – и частью сами. Сверх того приобретают от Самоедь, пушные их промыслы. И перепродают их на Нижегородской ярмарке, на Пинежских:

Никольской, и Благовещенской, Важской Вологодской губернии Яренского уезда и Евдокиевской Шенкурского уезда, где также продают в значительном количестве птичье перо, гусиный пух, и оленнюю шерсть. На Нижегородскую ярмарку Зыряне отправляются в конце июня рекою Ижмою, ее притоком рекою Ухтою, затем реками Шом-Ухтою, Емвою, Вычегдою, Сухоною до города Устюга, а оттуда сухопутно через город Никольск до Нижнего Новгорода. На Никольскую отправляются с 15 ноября, на Благовещенскую с 10 марта, на Евдокиевскую с 15 февраля и на Важскую с начала января.

Занятия Самоедь состоят в оленеводстве собственном и по найму у Зырян и в промысле пушных зверей» [2, с. 96].

Прошло более 150 лет, люди так же на этой территории зарабатывают на хлеб, но занятия уже не столь однообразны, национальный состав населения стал более пестрым, однако точных сведений о возникновении сел мы до сих пор не имеем.

Литература:

1. Истомин, М. Ижма / М. Истомин // Памятная книжка Архангельской губернии на 1862 год. – Архангельск, 1862. – С. 130–144.
2. Швецов. Очерк промышленности Мезенского уезда / Швецов // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. – Архангельск, 1864. – С. 94–117.
3. Жеребцов, И.Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 1994. – 272 с.
4. Республика Коми: энциклопедия / УрО РАН. Коми науч. центр; гл. ред. М.П. Рощевский. – В 3-х т. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997–2000.

ЭКСПЕДИЦИЯ ВАСИЛИЯ БОРОВСКОГО В ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ 1853 ГОДА

В 2017 г. работники Национальной библиотеки Республики Коми обратились с просьбой прокомментировать некоторые картографические материалы из своих фондов [1]. Среди них была «Карта Печорского края образуемого материком Печорской системы вод, состоящим частях, уезда: Мезенского, Архангельской, Усть-Сысольского Вологодской и Чердынского Пермской губерний и объемлющего сего пространства приблизительно 35, 000.000 десятин, составлена, запасным лесничим штабс-капитаном Боровским в 1853 г. Масштаб в английском дюйме 60 верст (1:2 500 000)». На карте отражены сведения по населению края

(для каждой деревни показаны число дворов и число душ мужского пола), сведения о типах лесонасаждений (господствующие породы – ель, лиственница и др.), отмечена северная граница леса. Приведена таблица, «показывающая состав, обширность, степень населенности и материальные силы Печорского края» – число рук мужского пола по уездам (рабочие ресурсы), число лошадей, площадь лесов и др. Составлена карта на основе: геогностической карты всего края, изданной в 1846 г. А.А. Кейзерлингом и П.И. Крузенштерном; наблюдений в 1852 г. флота капитаном 2 ранга Крузенштерном некоторых водяных путей всего края части Мезенского уезда; съемочных планов 1801–1802 гг., составленных на Печорскую часть Мезенского уезда землемером титулярным советником Кузнецовым и флота лейтенантом Бабаевым; общих географических карт Европейской России; собственных топографических наблюдений на месте и частью по показаниям местных жителей.

Анализ карты приведен в работе [2]. Тогда автору статьи не были знакомы исследования, проведенные в 1853 г. в Печорском крае штабс-капитаном Корпуса лесничих Василием Боровским, командированным министром Государственных имуществ.

Наиболее полный отчет о деятельности Боровского в Печорском крае опубликован в газете «Лесоводства и охоты» в 1855 г. [3]. Этот же отчет был приведен в работе [4]. Насколько автору известно, отчет в литературе не рассматривался ранее, вместе с тем в нем много интересных сведений для историко-географов.

Исследованная Боровским территория охватывала восточную часть Мезенского уезда, Архангельской губернии, восточную часть Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и северо-восточную часть Чердынского уезда Пермской губернии.

В начале отчета дается качественная характеристика климата территории (стационарных наблюдений в крае тогда не было). Во время полевых работ с 18 июля по 1 ноября проводились регулярные наблюдения температуры – три раза в день в 10, 14 и 18 часов. Но в связи с постоянным перемещением экспедиции эти данные сложно использовать. Боровской упоминает о встрече в Усть-Цильме

с лесничим грузинским князем поручиком Е.О. Палавандовым, который в течение многих лет выращивал картофель, свеклу, лук, морковь, салат и капусту. Небольшой климатический очерк в основном составлен очень подробно. Далее Боровской приводит гидрографическую характеристику края, отмечает все значимые притоки Печоры, а ниже дает и подробный ее гидрографический анализ, отмечая судоходность реки почти до Усть-Волосницы. Ежегодно, по его замечанию, весной спускаются вниз до устья Печоры, а осенью обратно, до 50 одномачтовых каюков, некоторые из которых несут до 7 тыс. пудов груза и от 1 до 5 небольших барок, строимых в основном в Усть-Волоснице. Боровский приводит сведения о гидрологическом режиме Печоры, сроках становления и разрушения ледяного покрова рек и др. По собранным сведениям, Печора вскрывается ото льда в верховьях 1 мая, в устье – 15 мая. Превышения уровня воды в половодье в верховьях достигают двух саженей, в устье – до трех. Продолжительность половодья от 20 до 30 дней. Льдом Печора покрывается в конце сентября, следовательно, время навигации продолжается три и даже 3,5 месяца.

Интересны мнения Боровского о путях сообщения и перспективах устройств новых сообщений. Он перечисляет все основные пути в (из) Печорский край посредством волоков.

В. Боровский рассматривает вопрос народонаселения Печорского края, используя данные девятой ревизии, и даже дает рекомендации заселения этой территории при возможном промышленном освоении, предлагает создать в Печорском крае 51 населенный пункт.

Поскольку работа Боровского не цитировалась в региональной литературе, позволим себе привести некоторые сведения из его отчета по населению Печорского края: «По собранным на местах официальным сведениям, жителей мужского пола, по последней ревизии, числится в Печорском крае:

а) Архангельской губернии в Мезенской части, в 5-ти сельских обществах, на пространстве 29 785 050 десят., всего оседлого народонаселения в 70-ти деревнях и выселках считается 7159 душ мужского пола; почему на каждую ревизскую душу причитается всей площади по 4140 десятин.

б) Вологодской губернии в Усть-Сысольской части, на приблизительно пространстве 4 029 000 десятин, в 39-ти деревнях, составляющих отдельное сельское общество, значится по последней ревизии 1379 душ мужского пола; сверх того, у верховья р. Ижмы имеется до 10-ти, большею частью вновь населенных пунктов (новых починков), принадлежащих к составу другого сельского общества, и в них числится 50 ревизских душ мужского пола. Усть-Сысольская часть края, сравнительно с Мезенскою, несколько населеннее, в оной на 1 ревизскую душу приходится 3239 десятин всего пространства.

в) В самой малой, Чердынской части края, в Пермской губернии, на приблизительном пространстве 223 116 десятин, имеется 5 деревень, из коих в 3-х, принадлежащих к сельскому обществу на материке Камской водной системы, числится по ревизии всего 86 душ мужского пола; сколько же находится душ в остальных двух деревнях, состоящих в другом обществе (Вильгортском, о том сведения не получено. В сей части отношение числа душ к площади менее 1:2594.

Таким образом, на всем Печорском материке, заключающем в себе 34 638 000, в 120-ти отдельных деревнях и выселках, вся масса оседлого народонаселения простирается только до 8800 душ мужского пола, и степень населенности края, в котором первые поселения, по сведениям историческим, стали появляться еще в XII или не позже начала XIII столетия, представляет самый жалкий вывод: 1 ревизская душа приходится на 3935 десятин.

Цифра ныне кочующего в Мезенской части края Самоедского народонаселения с точностью неизвестна; по сведениям 1841 года, их считалось собственно в пределах Печорского края, т. е. выключая тундру Канинскую, всего 1959 душ мужского пола; но по отзывам многих лишь на месте, заслуживающем веры, числительность этого племени при каждой новой ревизии оказывается все меньшим и меньшим» [3, с. 6].

Боровский делает следующий вывод: «Увеличение местного народонаселения могло бы быть верным залогом будущего процветания края и пробудило бы, так сказать, от долгого усыпления природные силы его. Поэтому важность Печорского края для общей пользы имеет существенным условием своим большее население оно, а увеличение народонаселения может быть достигнуто промышленным оживлением края, развитием более деятельной правильной торговли, учреждением разных операций в большом размере, которые доставляли бы прибыльную работу, и наконец, по особенной обстановке в отношениях географическом и климатическом, с помощью новых облегчительных мер переселения при попечительном содействии со стороны правительства» [Там же]. Значительный объем рассуждений Боровского относится к образу жизни жителей Печорского края. Он подчеркивает, что население при наличии природных богатств живет очень бедно, исключения составляют жители низовий Печоры и ижемцы, особенно сложное положение у Усть-Сысольских зырян.

Основная задача экспедиции – это исследование лесов. Боровский отмечает, что границ лесничеств тогда не существовало, но вместе с тем приводит цифры для Мезенского, Усть-Куломского и Чердынского лесничеств. Территорию Печорского края Боровский разделил на четыре части. Первая – северная (между 69° и 67° с. ш.) – это бесполезная для рассмотрения с точки зрения перспективы использования тундра. Остальные части

им охарактеризованы достаточно подробно, описаны лесные породы, особенности их произрастания и состава древесины. Вторая – юго-западная часть средней полосы (между 67° и 63° 30' с. ш. и 47° и 52° в. д.), здесь заметно преобладание лиственницы с сосною перед елью и березою, кедра и пихты здесь еще нет. Третья – восточная часть средней полосы (между 67° и 63° с. ш. и 52° и 63° в. д.). От 65° 20' с. ш. появляется пихта, сперва единично, затем становится второстепенною примесью смешанных участков леса, достигая размеров большемерного строевого дерева. Южнее 65° с. ш. и восточнее 57° в. д. появляется Сибирский кедр. Боровский отмечает, что местные жители добывают орехи варварским способом, срубая кедр. Четвертая – южная часть Печорского бассейна (от 63° с. ш. и южнее) – это область почти чистых сосновых лесов, при этом и лиственница, и кедр, здесь произрастающие, достигают корабельных размеров. Для каждой части Боровский отмечает определенные конкретные урочища с наиболее хорошим древостоем. В качестве отрицательных моментов, влияющих на леса, исследователь видит перезрелость древостоя и значительные лесные пожары и при этом указывает на то, что значительная часть пожаров связана с человеческим фактором.

Боровский пишет: «На половинном почти пространстве Печорского края, считаемом приблизительно под лесами, без погрешности можно принять до 10 % лесной площади, истребленной пожарами, и именно из 16,5 миллионов наверное 1 миллион десятин. Пожары почти исключительно происходили в участках сосновых лесонасаждений, хотя по уверениям местных жителей и следственным показаниям, все они были следствием громовых ударов, но можно с достоверностью допустить, что большая часть имела место и от неосторожности или небрежности человека» [3, с. 12].

Описав состояния лесов Печорского бассейна, Боровский приводит данные запаса: лиственницы и сосны, годных для кораблестроения, и распиловочной сосны и других видов, заслуживающих внимания в лесохозяйственном отношении. Боровский посчитал количество сосновых корабельных деревьев, годных для кораблестроения: в Мезенской части (Ижемская дача) – 400 тыс. деревьев, в Усть-Сысольской – 2 900 тыс., Чердынской – 600 тыс. Всего в Печорском крае 3 900 тыс. деревьев. Такое же количество может быть принято и относительно «приспевающей» корабельной сосны. Экспедицией не было встречено ни одного мачтового соснового дерева, хотя местные жители утверждали, что единичные экземпляры существуют.

В бассейне р. Печоры отмечены и значительные запасы распиловочной сосны. По оценкам Боровского, в Чердынской и Мезенской (Ижемская дача) частях – по 2 млн деревьев, в Усть-Сысольской – 8 700 тыс. Всего в Печорском крае около 13 млн деревьев. При этом Боровский отмечает, что на тот период времени весь этот лесной запас не использовался.

Не мог В. Боровский не высказаться о путях сбыта лесного богатства. Он с критикой отнесся к планам П.И. Крузенштерна об организации порта на Индиге, но отметил: «Всем, кто живо сочувствует пользам России, остается только желать открытия водяного пути из устья р. Печоры. Это обстоятельство в особенности и прежде всего, было бы важно для края в отношении пользования капиталом, состоящим в лесном богатстве и остающимся пока мертвым. Без открытия этого единственного пути сбыта для лесов, ценность их попрежнему будет отрицательная» [3, с. 15]. Боровский высказывается о пользе постройки порта в устье Печоры, создания здесь судостроительного предприятия, лесопильных заводов, в перспективе – сухопутного пути с Камы до устья Печоры.

В заключении отчета Боровский приводит копию письма в Ижемское волостное правление крестьянина деревни Сизябск Акакая Ивановича Артеева о возможности устройства водного пути в Верховьях Усы в Сибирь.

В работе, посвященной истории открытия Печорского угольного бассейна, М.М. Рабинович [5], приводит выдержки из Записки лесничего Боровского в Штаб корпуса горных инженеров от 1855 г. [6] о возможности использования Печорских углей для обеспечения флота. Боровский обосновывает возможность снабжения Балтийского флота «позорихским антрацитом с р. Печоры». М.М. Рабинович пишет: «Автор записки (Боровский – В.С.) рассмотрел два варианта доставки Печорского угля на Балтику: первый – по каналу, соединяющему системы Печоры и Северной Двины (проект которого в 1831 г. был предложен сенаторами Мартенсом и Корниловым, но который в реальности не существовал – В.С.), и второй – гужом в зимнее время сразу на Северо-Двинскую систему. При обоих вариантах по расчетам автора перевозки печорского угля в Петербург могли быть на 700–750 верст короче, чем донецкого» [5, с. 56]. Для освоения углей Боровский предлагал использовать местное население. М.М. Рабинович приводит строки Боровского, в которых обосновываются выгоды Печорского угля: «(1) антрацит позорихо-печорский находится в земле казенной дачи, между тем как Донецкий большей частью принадлежит разным частным владельцам; 2) разработка первого производилась бы охотно в течение всего лета всем народонаселением Усть-Сысольского и Яренского уездов, жители коих не имеют у себя никаких заработков и с этой целью отлучаются на 700 и более верст в Пермскую губернию для снискания работ на заводах, а по зимам, нуждаясь в пропитании, уходят в отдаленный Ижемский район. На Донце же, как в стране хлебобродной, жителей, естественно, должно отвлекать хлебопашество» [Там же].

Приведем замечания Боровского к своему же отчету: «Для действия пароходов Печорский край, мог бы доставлять собственный камен-

ный уголь, который, по уверению Чердынского 2-й гильдии купца Федора Филипповича Мичурина, находится на одном из берегов р. Большой Соплессы, по которой добывается также точильный камень, а по словам Усть-Сысольского купца Латкина – 40 верстами ниже по какой-то другой речке. Каменный уголь, по уверению Правящего Чердынским округом Государственных имуществ г. Евреинова, находится также на р. Каме в Чердынском уезде, в 200 верстах от г. Чердына, и 28 верстами выше ближайшего с. Гаин. Сверх того, каменный уголь находится еще по берегам р. Большого Аранца, Печорского притока и образчик этого угля, хотя и выветрившийся, доставлен нам г. Усть-Сысольским лесничим Подпоручиком И. Поповым» [3, с. 15].

Выводы:

1. Экспедиция В. Боровского до сих пор не получила должного освещения.
2. Работы экспедиции показали реальное положение дел в Печорском крае.
3. Боровский на основе изучения бассейна Печоры предложил мероприятия по развитию края на перспективу: устройство дорог, развитие торговли и предприятий по переработке леса, по строительству судов в устье Печоры, по заселению края. Одним из первых поднял вопрос об использовании Печорских углей.
4. Труд В. Боровского надо считать одним из первых специализированных исследований по изучению лесов в Печорском бассейне.
5. Карта, составленная в результате работ экспедиции, и сейчас представляет ценный материал по населению края и топонимике.

Литература:

1. Силин, В.И. Презентация карт из Национальной библиотеки Республики Коми / В.И. Силин, А.В. Коснырева, Е.Г. Нефедова // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал / гл. ред. А.К. Гагиева. – Сыктывкар, 2017. – Вып. 2 (17). – С. 5–11.
2. Силин, В.И. Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г., как демографический источник / В.И. Силин // Историческая демография. – 2019. – № 2 (24). – С. 75–77.
3. Боровский. Печорский край в географическом, статистическом и лесном отношениях / Боровский // Прибавление к газете «Лесоводства и охоты». – 1855. – 26 февраля. – № 9. – С. 1–16.
4. Borowsky. Über den Fluss Petschora und seine mögliche Bedeutung für Handel und Schifffahrt / Borowsky. // Ermans. Archiv für wiss. Kunde von Russland. – XV. – 1856. – P. 483–489.

5. Рабинович, М.М. К истории открытий Печорского угольного бассейна / М.М. Рабинович // Летопись Севера. – Т. 6. – М.: Мысль, 1972. – С. 54–66.
6. Центральный государственный архив Ленинграда (ЦГИАЛ). Ф. Штаб корпуса горных инженеров. Оп. 3. Д. 150. Л. 39–49. Ссылка дается по публикации М.М. Рабиновича [5].

АТЛАС АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 1890 г. был опубликован «Атлас Архангельской епархии» [1], содержащий интересную информацию по населению всей Архангельской губернии, которая на тот момент включала в свои границы громадные территории Европейского Севера: современную территорию Мурманской и Архангельской областей, северную часть Республики Коми. Анализ разнообразных картографических источников может быть активно использован демографами как дополнительный, а иногда и единственный, источник по формированию знаний о населении территорий. Ранее автором уже рассматривалась карта Печорского края, составленная В. Боровским в 1853 г., как источник по населению [2].

Характеристика церковного населения и картографические изображения в Атласе приводятся отдельно по каждому благочинию. Благочиние – часть епархии, объединяющая несколько приходов. Возглавляется благочинным. По картам благочиний мы можем оценить среднее количество приходов в благочиниях, среднюю численность прихожан по приходам и другие сведения, интересные историкам церкви. В Атлас вошли 30 карт благочиний и листы с комментариями к картам, в которых указаны статистические сведения для отдельных приходов по населению, а также количество прихожан по полу.

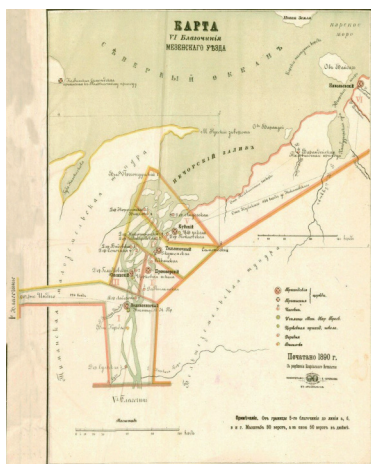
Архангельская епархия была учреждена в марте 1682 г. и до 1731 г. именовалась Холмогорская и Важская, в 1731–1787 гг. – Архангелогородская и Холмогорская, в 1787–1799 гг. – Архангельская и Олонецкая, в 1799–1985 гг. – Архангельская и Холмогорская, в 1985–1995 гг. – Архангельская и Мурманская, в 1995–2011 гг. – Архангельская и Холмогорская. В конце 1995 г. из состава Архангельской епархии выделены Мурманская и Сыктывкарская епархии. Решением Священного Синода от 27–28 декабря 2011 г. включена в состав Архангельской митрополии; из состава Архангельской епархии выделены Котласская и Нарьян-Марская епархии. Решением Священного Синода от 9 марта 2017 г. из состава епархии выделена Плесецкая епархия [3].

С 1885 по 1890 г. возглавлял епархию епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил (в миру Николай Иванович Соборов) [4]. Ни-

колай Иванович родился в 1824 г. в семье протоиерея Рязанской епархии. Окончил Рязанскую духовную семинарию, в 1851 г. – Киевскую духовную академию со степенью магистра богословия. В 1851 г. назначен учителем Воронежской духовной семинарии. В 1852 г. пострижен в монашество, затем рукоположен во иеродиакона, в этом же году – в сан иеромонаха. С 1858 г. – инспектор Воронежской духовной семинарии, затем инспектор Орловской духовной семинарии. В 1862 г. возведен в сан архимандрита. В 1866 г. назначен ректором Тверской духовной семинарии и настоятелем Отроча монастыря. В 1872 г. хиротонисан во епископа Новомиргородского, викария Херсонской епархии. В 1879 г. – епископ Архангельский и Холмогорский. С 6 марта 1882 г. – епископ Псковский и Порховский. В Пскове восстанавливал древние монастыри. 16 февраля 1885 г. вновь перемещен, согласно своему желанию, епископом Архангельским и Холмогорским.

В Архангельской епархии священнослужитель преобразовал женское епархиальное училище, в котором было подготовлено около 200 учительниц. Много заботился о просвещении лопарей и корелов, строил храмы и открывал школы и библиотеки. Развил миссионерскую деятельность. Начал издавать «Архангельские епархиальные ведомости», в которых напечатал много своих трудов. Обратил в православие большое количество язычников. Составил подробный атлас Архангельской губернии с указанием приходов и описанием всех сел, деревень и городов. Возобновил Трифоно-Печенгский монастырь, устроил церковь на Новой Земле и учредил там миссию. Возобновил древний Корельский Никольский монастырь.

3 июня 1890 г. уволен на покой в Тотемский Спасо-Суморинский монастырь Вологодской епархии. В 1896 г. назначен управляющим Московским Спасо-Андрониковым монастырем на правах настоятеля. Несмотря

Атлас Архангельской епархии.

на свои преклонные годы, отличался необыкновенной энергией и почти ежедневно совершал богослужения в монастырях, соборах и приходских церквях г. Москвы, причем всегда произносил проповеди. Скончался 29 апреля 1907 г. в Москве в возрасте 83 лет [4].

Историка, занимающегося изучением прошлого Коми края, в Атласе могут заинтересовать характеристики благочиний Мезенского уезда: I благочиние (окрестности г. Мезени, север Тиманской тундры); II благочиние (по рекам Мезени и Вашке); III благочиние (по рекам Мезени и Вашке до границ Вологодской губернии); IV благочиние (по р. Ижме, почти в пределах современного Ижемского района); V благочиние (по р. Печоре до границ Вологодской губернии и р. Цильме); VI благочиние (низовья р. Печоры).

Для примера статистических характеристик по отдельному благочинию рассмотрим карту IV благочиния Мезенского уезда (таблица).

В благочиние входили девять самостоятельных приходов. На территории находились 10 церквей: четыре каменные и семь деревянных, приписных деревянных церквей – одна, училищ Министерства народного просвещения – три (села Красноборск, Ижма, Мохченское) и одна церковно-приходская школа (с. Сизябское), сел и деревень – 28, домов разных владельцев – 1775, жителей мужского пола – 7810 чел., женского – 8310, всего жителей – 16 120 душ. На карте показано, что самый большой по

Таблица

Приход	Церкви	Деревни	Дома	Прихожане	
				Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5	6
<i>Дибовжский</i>					
с. Дибовжское	1 дер.	1	45	144	163
д. Малогадовская, д. Кельчевская	-	2–3	50	180	255
д. Устьижемская	-	4	37	206	139
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	2–15	4–42	4–38
Итого:	1 дер.	4	149	576	599
<i>Красноборский</i>					
с. Красноборское	1 дер.	1	122	531	579
д. Диюрская	-	2	39	191	230
д. Шельевская	-	3	64	340	348
д. Цилигорская	-	4	13	69	79
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	2–5	2–110	2–105
Итого:	1 дер.	4	245	1243	1343

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
<i>Сизябский</i>					
с. Сизябское	1 кам.	1	151	791	832
д. Брякинская	-	2	26	130	128
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	3–8	8–23	6–22
Итого:	1 кам.	2	188	950	988
<i>Бакуринский</i>					
с. Бакуринское	1 дер.	1	69	365	399
д. Варышевская	-	2	52	279	302
Итого:	1 дер.	2	121	644	701
<i>Ижемский</i>					
с. Ижемское	2 кам.	1	284	1004	1094
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	32	71	69
Итого:	2 кам.	1	316	1075	1163
<i>Мохченский</i>					
с. Мохченское	1 кам.	1	297	1260	1317
д. Злобская	-	2	63	244	268
д. Гамская	-	3	75	302	344
д. Костьельская	-	4	18	85	71
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	2–6	4–18	5–16
Самоеды оседложивушие	-	-	4	16	26
Итого:	1 кам.	4	465	1929	2047
<i>Ластинский</i>					
с. Ластинское	1 дер.	1	47	236	256
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	2–2	3–10	5–8
Итого:	1 дер.	1	51	249	269
<i>Мошьюгский</i>					
с. Мошьюгское	1 дер.	1	57	229	236
д. Щельская	-	2	18	64	87
д. Картаельская	-	3	28	108	135
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	1	6–49	4–42
Итого:	1 дер.	3	103	456	504
<i>Поромовский</i>					
с. Поромовское	1 дер.	1	36	139	144
д. Кедвавомская	-	2	31	180	180
д. Винленская	-	3	8	39	38
д. Порогская	-	4	11	62	63

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
д. Усть-Сюзская	-	5	7	25	32
д. Усть-Ухтинская	1 дер. приписная	6	22	123	123
д. Великопожнинская	-	7	8	37	40
Духовные и воен. отставн. нижн. чинов.	-	-	14	81	80
Итого:	2 дер.	7	137	686	700

площади приход – Поромовский, он же включал в себя наибольшее число деревень. Самые большие по количеству прихожан приходы – Мохченский – 3976 душ и Красноборский – 2586 душ, самый маленький – Ластинский – 518 душ.

Литература:

1. Атлас Архангельской епархии. – Архангельск, 1890. – 60 с.
2. Силин, В.И. Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г., как демографический источник / В.И. Силин // Историческая демография. – 2019. – № 2 (24). – С. 75–77.
3. Архангельская епархия. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/31091.html> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Епископ Нафанаил // «Древо» – открытая православная энциклопедия. – <https://drevo-info.ru/articles/13672070.html> (дата обращения: 15.05.2025).

ПОЕЗДКИ ПО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ЕПИСКОПА ПАЛЛАДИЯ

На открытие Усть-Сысольского духовного училища пришли несколько поздравлений, в том числе от архиепископа Карталинского и Кахетинского, экзарха Грузии Палладия. Меня, как краеведа, данный факт очень заинтересовал. Почему священник прислал поздравление и каким образом он связан с Усть-Сысольском?

Биографии этого героя посвящены многие работы [1–3 и др.].

Павел Иванович Раев (при рождении Писарев) родился 20 июня (2 июля) 1827 г. в с. Пешелань Арзамасского уезда Нижегородской губернии в семье священника. Окончил Казанскую духовную академию в 1852 г. со степенью магистра богословия и был определен учителем логики и психологии в Нижегородскую духовную семинарию, а также пре-

подавателем татарского языка. На четвертом году службы в семинарии, 15 августа 1856 г., был рукоположен в сан священника.

В 1860 г. Павел Иванович овдовел и остался с детьми. 15 января 1861 г. принял монашеский постриг с именем Палладий в честь преподобного Палладия, пустынника Антиохийского; 18 февраля 1862 г. – возведен в сан архимандрита. Карьера священнослужителя развивалась стремительно. С 28 августа 1863 г. – инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии; со 2 декабря 1864 г. – ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии.

18 декабря 1866 г. митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским) в соборе Александро-Невской лавры хиротонисан во епископа Ладожского, первого викария Санкт-Петербургской епархии.

С 15 июля 1869 г. был назначен епископом Вологодским и Устюжским.

Епископ Палладий прекрасно понимал, в какой край он приехал, каковы здесь духовные традиции, какие святые просияли в этих местах, что видно из его речей при вступлении в должность [4, 5]. Описано и его прибытие в г. Вологду [6].

Четыре года епископ исполнял службу в Вологодском крае, громадном по территории, сложном по этническому строению (восток губернии был заселен зырянami) и по состоянию веры населения (много староверов). Для выяснения особенностей службы Палладия мы решили просмотреть «Вологодские епархиальные ведомости» за годы пребывания его на кафедре в Вологде. Постепенно вырисовывалась мощная фигура церковнослужителя, ратующего за свою паству, четко исполняющего свои служебные обязанности. Обратим внимание на совершенные ревизионные поездки епископа Палладия, особенно на путешествие в Коми край.

В 1870 г. Его Преосвященство инспектировал южные и средние уезды епархии: Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Тотемский, Устюжский и Никольский. Из северных уездов инспекции распространились на небольшую часть Сольвычегодского уезда и вовсе не коснулись Вельского, Яренского и Усть-Сысольского уездов [7].

В 1871 г. епископ обследовал многие уезды, в том числе до Ульяновского монастыря, «отстоящего от Вологды слишком за 1000 верст». Выехала инспекция из Вологды

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Ряев).

17 июня. Осмотрели церкви около Кубенского озера, Кадниковский, Вельский и Сольвычегодский уезды. 1 июля участники поездки были в Красноборске, затем приехали в Сольвычегодск и остановились в Введенском монастыре. На следующий день осмотрели Благовещенский собор и склеп рода Строгановых. Утром 5 июля Его Преосвященство принимал духовенство в Яренске. «После собора осматривал городскую Покровскую церковь; затем свидетельствовал пепелище дома Яренского духовного училища, сгоревшего на 15-е число минувшего июня сего года, и осмотрел обывательский дом, который училищное начальство полагало отдать под квартиру училища. Событие с училищным домом и другая епархиальная дела остановили Владыку в Яренске до следующего дня. Июля 6-го, в восемь часов утра, Преосвященный отправился из Яренска и чрез 22 версты прибыл на станцию Межецкую, с которой начинается население, уже чисто Зырянское; здесь, в деревне Межецкой, осматривал каменную часовню значительного размера, в которой иконостас очень хорошей работы вызолочен по голубому фону и имеет в середине полукруглое углубление (арку) в виде врат; иконы живописные; несколько подсвечников и паникадило о 12-ти свеч в новом вкусе; жители деревни имеют, слышно, намерение ходатайствовать по времени о разрешении устроить в этой часовне церковь» [7]. Везде по дороге епископ осматривал церкви, встречался со священниками, посещал школы и др.

Из отчета о путешествии интересна еще одна инициатива Палладия – организация в Зырянском крае женской обители, что со временем способствовало созданию Кытловского монастыря: «Еще в первый год по вступлении на кафедру Вологодскую, Преосвящ. Палладий, вникая заботливо во все нужды своей обширной епархии, между прочим, предположил, в видах просвещения зырянского края, основать в нем женский монастырь с приютом и училищем для девиц духовного происхождения, равно для девиц и крестьянского сословия из зырян, так как женская часть населения этого края особенно нуждается в образовании. Изыскивая место для основания этого монастыря, Владыка признал Устьвымский погост во многих отношениях удобнейшим для этой цели, с чем соглашается и все духовенство края, заявившее большое сочувствие благому предположению Архипастыря. Ныне, лично посетив Устьвымь, Преосвященный на другой день по прибытии туда, ранним утром нарочито обозревал местность этого погоста, распределяя, где быть разным зданиям предполагаемого рассадника образования» [Там же]. 7 июля в восемь часов вечера Владыка прибыл в Усть-Сысольск к Троицкому собору.

Прибытие священника такого уровня в уездный город было редкостью, не каждый Владыка физически мог вынести дорогу до верховий

Вычегды. За столетний период сюда до Палладия доехали только четыре епископа: Евгений (Болховитинов), Феогност, Христофор и Павел.

Встреча была торжественной, в соборе отслужили службу. Остановился Палладий на квартире протоиерея Усть-Сысольского Троицкого собора В. Кокшарова. На следующий день Владыке представились: городское духовенство, гражданские чины и некоторые из почетных граждан. В 10 часов Преосвященный отправился в собор к литургии, во время которой на часах посвятил в стихарь двух исправлявших причетнические должности при церквях Усть-Сысольского уезда: Подъельской Троицкой – А. Фаддеева и Вильгортской Сретенской – А. Рогова; возложил на соборного священника Андрея Попова камилавку и наградил набедренником священника Объячевской Николаевской церкви Иосифа Багина. Литургию совершал протоиерей В. Кокшаров. После литургии Владыка осмотрел собор, затем городскую кладбищенскую Вознесенскую церковь, посетил тюремный замок и вновь строящийся громадный храм просветителю зырян Св. Стефану Пермскому.

9 июля Владыка отправился вверх по Вычегде, по пути осматривая все деревенские церкви: Корткеросскую Успенскую, Пезмогскую Прокопьевскую, Важкурскую Богородскую, Небдинскую Преображенскую и Подольскую Троицкую, Аныбскую Преображенскую и Деревянскую Христорождественскую. При последней, по случаю начинаемой постройки новой каменной церкви, Преосвященный сделал полезные указания. Состоянием церквей епископ остался доволен.

«10-го июля, прибыв к Троице-Стефановскому Ульяновскому монастырю, Преосвященнейший встречен был у переправы через р. Вычегду экономом монастыря, а у самой обители вне монастырской ограды Архимандритом Матфеем со всею братиею, в преднесении хоругвей и икон. По вступлении в церковь и по окончании входной литии, Владыка произнес приветственно-назидательное к братии слово, в котором, напомнил им кратко обязанности иноческого звания и указал на особенную цель служения их в этой отдаленной, пустынной, малопросвещенной и отчасти зараженной духом раскола стране, поучал, чтобы они всемерно старались подавать собою во всем пример истинно-христианской жизни и самого искреннего древлеотеческого благочестия, и тем располагать и привлекать к православной церкви удаляющихся от нее своих соседственных по месту жительства собратий. Затем, после краткого отдыха, Преосвященный осматривал церкви, кельи и другие монастырские здания» [8].

В описании путешествия отмечается прогресс в жизни обители после прихода в 1866 г. сюда иноков из Соловецкого монастыря во главе с иеромонахом Матфеем.

Поскольку описание монастыря того времени является историческим документом, считаем необходимым его здесь привести: «Монастырь расположен на правом возвышенном берегу р. Вычегды; обнесен деревянною с небольшими по четырем углам башнями оградой; въездные ворота с западной стороны. По вступлении в ограду, в нескольких саженях от нее направо – возвышается настоятельско-братский двухэтажный деревянный корпус, на 15 сажен длины и на 7 шир.; середина корпуса, на лицевой стороне с тремя окнами, выдается фронтоном, придающим красивый вид зданию; в этом корпусе имеет помещение настоятель и большая часть братии; тут же и братская трапезная. Другой, точно такого же размера и устройства деревянный двухэтажный корпус находится насупротив первого, на левой стороне по входе в ограду; в этом корпусе, называемом “гостинным”, устроены помещения для приезжающих богомольцев (тут и останавливался ныне Владыка); в нем же помещается и часть братии. Настоятельский корпус соединяется крытым коридором с новоустроенною в 1867 г. деревянною одноэтажною церковью во имя Препод. Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев; церковь эта именуется “трапезною”, и в ней преимущественно отправляется ныне богослужение. Внутренность этой церкви богато и обильно украшена св. иконами не только в предалтарном иконостасе, но и по стенам храма; многие иконы покрыты серебряными ризами и окладами, а некоторые украшены еще жемчугом и ценными камнями. Сосудов богослужебных, напрестольных крестов и евангелий, подсвечников и всякой другой утвари, равно и облачений в ризнице, с избытком достаточное количество, и все это новое и большей частью не малое. В числе напрестольных крестов один, серебряный, с перламутровым изящной работы Распятием, пожертвован в Бозе почившим Высокопреосвященным Митрополитом Московским Филаретом, за несколько дней до блаженной его кончины, лично самим святителем двум инокам Ульяновского монастыря Паисию и Феофилакту, бывшим в Москве за сбором подаяний. В той же церкви показывают еще, как неоцененную святыню, два металлических посеребренные ковчега, устроенные в виде гробниц, заключающие в себе частицы многих св. мощей. В связи с Зосимосавватиевскою церковью находится и колокольня; но на ней помещаются только старые, до прибытия Соловецких иноков бывшие, колокола; вновь же недавно приобретенные, довольно значительного веса, временно помещаются на особой, устроенной на столбах, колокольнице. Старая деревянная церковь во имя Спаса Нерукотворенного Образа и Похвалы Божией Матери, называемая “кладбищенскою”, остается в прежнем виде, впрочем значительно поправленная в своих ветхостях. Но, что особенно обращает на себя теперь внимание посетителя этой пустынной и еще столь недавно получившей свое существование, обители, то это громадная, на-

чатая в 1869 году, постройка каменной двухэтажной шестипрестольной церкви, длиною на 15, шириною на 10 саженьх (эти шесть престолов имеют быть следующие: 1) Живонач. Троицы, 2.) Нерукотвор. Образа Господня (в честь древней, находящейся в обители иконы сего образа, почитаемой чудотворной, 3) Похвалы Пресвятой Богородицы (также в честь древней почитаемой чудотворною иконы обители), 4.) Св. Стефана, Епископа Пермского, 5.) Препод. Зосимы и Савватия Соловецких, 6.) Св. мученицы Ульяны (Іуліаніи) (в память одной благочестивой девицы Ульяны, по преданию, утонувшей в р. Вычегде и выброшенной волнами на берег в том месте, где ныне обитель, отчего будто бы и самая местность получила название Ульяновки). В нынешнее лето работы по сооружению этого храма доведены почти до самой верхней крыши, и уже для нижнего этажа, в три имеющие быть в нем придела, заказаны иконостасы за 2200 рублей; сделан также подряд и на написание икон в эти приделы (на какую сумму, неизвестно). Нынешним же летом заготовлялся кирпич и другие материалы для новой колокольни, с которою в связи предполагено выстроить каменный корпус для помещения братской трапезы и монашеских келий, а в нижнем этаже самой колокольни устроить трапезную церковь. Кроме всех вышеупомянутых зданий, еще находятся при монастыре следующие деревянные постройки, большей частью сделанные в 1867 и последующих годах; а.) деревянная двухэтажная на 6 сажень. гостиница для богомольцев, которые во все время своего пребывания питаются от монастыря безвозмездно, что ныне составляет редкость и в богатых монастырях; б.) и в.) два одноэтажные дома для разных мастерских; г.) баня; д.) прачечная; е.) скотный дворъ, на которомъ рогатого скота до 80 головъ и до 25 лошадей; ж.) кирпичный заводъ и з.), мельница водяная. Число братии в Ульяновском монастыре в настоящее время до 70-ти человек» [8].

11 июля Палладий отбыл из монастыря и вскоре снова был в Усть-Сысольске, жители которого упростили его провести епископское богослужение.

13 июля Его Преосвященство совершил в Троицком соборе божественную литургию, на которой были посвящены в стихарь причетники: Усть-Сысольского собора – М. Трубачев, Пезмогской Прокопиевской церкви – А. Трубачев и Кажимской Димитриевской церкви – В. Колмаков; а псаломщик Визенской Троицкой церкви И. Тюрнин рукоположен в сан диакона.

На следующий день епископ отбыл на Устюг по дороге на юг вдоль Сысолы, проведя осмотр Вильгортской Сретенской, Пажгинской Благовещенской и Ибской Вознесенской церквей. «При последней из этих церквей, находящейся на возвышенной и прекрасной местности, Владыка встречен был местным и соседних церквей духовенством, далеко за цер-

ковной оградой, с иконами. Увидев издали эту процессию, Архипастырь вышел из экипажа и полверсты шел к означенной церкви. В числе икон, с которыми здесь встречали Владыку, была, между прочим, весьма замечательная по древности и народному к ней уважению, почитаемая чудотворною икона Св. Стефана Пермского, нарочито принесенная сюда ко времени прибытия Владыки от Вотчинской Богородской церкви. Икона эта, по преданию, писана в Москве вскоре по преставлении Св. Стефана и оттуда, за 400 слишком лет до настоящего времени, перенесена в основанный им (давно упраздненный) Вотчинский монастырь, на месте которого находится нынешняя Вотчинская Богородская церковь. Пред этою иконою, по желанию Владыки, отслужен был молебен Св. Стефану» [8]. Затем состоялся осмотр Визингской Троицкой церкви, где Владыка посетил местного священника Георгия Попова, председателя съезда депутатов Яренско-Устьсысольского училищного округа, и дал ему предложение о созыве экстраординарного съезда депутатов по случаю сгоревшего училищного дома, и указал принять все меры к открытию училища к началу учебного года. Затем обозреваемы были церкви: Чукайбская Николаевская, Киберская Спасская, Норубская Спасопреображенская (в приходе которой население было уже на половину зырянское и на половину русское), Лоемская Успенская, которую кончается Усть-Сысольский уезд (священник этой церкви А. Баклановский за особенно похвальную жизнь награжден набедренником).

17 июля Владыка прибыл в Лальск. В пять часов вечера 19 июля торжественный звон 25 церквей г. Устюга возвестил жителям о приближении Архипастыря. В Устюге состоялись встречи с духовенством, городской администрацией, посещение церквей и монастырей. Утром 23 июля Преосвященный, преподав Архипастырское благословение жителям г. Устюга, отправился из города по тракту на Тотьму, осматривая по пути многие церкви. 25 июля прибыл в Тотьму, совершив путь для обозрения своей обширной епархии более 2,5 тыс. верст, и остановился в доме Духовного училища. В городе тогда начиналась холера.

Первые признаки холеры появились с 17 июля; хотя эпидемия в течение недели унесла еще не много жизней, но опасение и уныние в народе были сильны, а потому приезд Владыки отрадно подействовал на дух граждан, которые видели в нем молитвенника о прекращении бедствия. В Тотьме епископ участвовал в крестном ходе с иконами из Спасо-Суморина монастыря.

27 июля Владыка покинул Тотьму [9]. 28 июля он прибыл в Кадников, осмотрел Николаевский собор и на следующий день благополучно прибыл в Вологду, совершив в течение предыдущего дня и ночи 158 верст, а в продолжение всей поездки по епархии – 2525 верст, обозрев на этом

пути лично 10 монастырей и 124 церкви с соборами; сверх того обревизованы от 147 церквей причты церковные, являвшиеся с документами.

Служение епископа Палладия было высоко оценено духовенством и паствою Вологодской губернии [10–12].

В 1873 г. Высокопреосвященнейший Палладий был назначен на Тамбовскую архиерейскую кафедру, в 1876 г. – на Рязанскую, с 1882 г. – на Казанскую. В 1887 г. Всемиловейше повелено быть Его Высопреосвященству Экзархом Грузии и Членом Святейшего Синода, Архиепископом Карталинским и Кахетинским [13].

Высочайшим рескриптом от 18 октября 1892 г. Палладий назначен «на кафедру царствующего града С.-Петербурга, с возведением в сан митрополита и в звание первенствующего члена Святейшего Синода». Прибыл в Санкт-Петербург 19 ноября того же года.

Умер митрополит Палладий 5 (17) декабря 1898 г. в Санкт-Петербурге.

Литература:

1. Рудкевич, С.Г. Александро-Невская лавра / С.Г. Рудкевич. – СПб.: Синодальная типография, 1913. – 1131 с. – <https://www.prilib.ru/item/316840> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Панкратов, В. Архипастыр. Страницы биографии митрополита Палладия / В. Панкратов. – Арзамас, 2011. – 183 с. – <https://arzemass.ru/news/arzamasskie-sobory/arzamasskij-arhipastyr-213.html> (дата обращения: 15.05.2025).
3. К истории Вологодской иерархии. Биографические сведения о Преосвященном Палладии, епископе Вологодском и Устюжском // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1873. – № 14. – 15 июля. – С. 505–511. Исторические сведения о всех иерархах Древнепермской и Вологодской епархии напечатаны в последовательном порядке в Вологодских епархиальных ведомостях 1865–1868 гг.
4. Речь, сказанная при вступлении на паству Вологодскую Преосвященным Палладием, Епископом Вологодским и Устюжским, 1869 года, 1-го октября // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1869. – № 20. – 15 октября. – С. 755–757.
5. Слово Преосвященного Палладия, Епископа Вологодского и Устюжского, произнесенное в Софийском Кафедральном Соборе, при первом служении, по вступлении на паству, 5 октября 1869 года // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1869. – № 20. – 15 октября. – С. 757–763.

6. Прибытие в Вологду Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1869. – № 20. – 15 октября. – С. 764–768.
7. Поездка его преосвященства, преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского, для обозрения церквей и духовенства Вологодской епархии, с 17 июня по 29 июля сего 1871 г. // Вологодские епархиальные ведомости. – 1871. – № 18.
8. Поездка его преосвященства, преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского, для обозрения церквей и духовенства Вологодской епархии, с 17 июня по 29 июля сего 1871 г. (Окончание) // Вологодские епархиальные ведомости. – 1871. – № 20.
9. Сведения из Тотмы. О пребывании здесь Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского, во время нынешнего обозрения епархии // Вологодские епархиальные ведомости. – 1871. – № 17.
10. Памяти Высокопреосвященного митрополита Палладия // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1899. – № 3. – 1 февраля. – С. 54–63.
11. Речь при прощании с Вологодской паствою Преосвященного Палладия, бывшего епископа Вологодского и Устюжского, сказанная 1873 года, июля 15 дня, в Софийском кафедральном соборе // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1873. – № 14. – 15 июля. – С. 499–503.
12. Речь Преосвященному Епископу Палладию, бывшему Вологодскому, при отъезде его с паствы Вологодской на паству Тамбовскую, 1873 г. июля 15 дня // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1873. – № 14. – 15 июля. – С. 503–504.
13. Высокопреосвященнейший Палладий, экзарх Грузии // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1892. – № 2. – 15 января. – С. 15–24.

СЛОЖНО НА РУСИ БЫТЬ ПАСТЫРЕМ!

Начало XX в. в России. Сложно! Большинство хотят быть демократами, революционерами. Многие считают, что пора с самодержавием заканчивать, народ вправе сам решать, как ему жить. В обществе не модно быть сторонником царя – студенты волнуются, рабочие бастуют, многие профессора на стороне студентов. Вологодский край не последний, конечно, в империи. Расположен достаточно близко от столицы. В начале века в Вологде пост губернатора занимал А.Н. Хвостов – монархист, сторонник царской

власти. Молодой, энергичный, в будущем министр внутренних дел царского правительства [1, 2 и др.]. После революции расстрелян большевиками. Духовную власть в Вологодской губернии, в том числе и в Усть-Сысольском уезде, возглавлял в эти годы тоже сторонник царской власти епископ Никон – известный в России богослов, публицист, философ и писатель.

Отец Никон, в миру Николай Иванович Рождественский, родился 4 апреля 1851 г. в с. Чашникове Верейского уезда Московской епархии. «Его отец, Иван Андреевич, скромный сельский дьячок; мать, Ольга Ивановна, была, как говорил впоследствии сам владыка, “Христова крестоносица” – она несла большой и тяжелый крест по воспитанию детей: в семье было двадцать два ребенка. Жили в чрезвычайно бедных, стесненных условиях, так что можно представить тот груз забот, который лежал на плечах этой сельской женщины» [1].

От природы Николай был хилым мальчиком, к тому же в 5-летнем возрасте он ослеп на один глаз. Однако уже в детстве у него проявились редкостные способности. К 8-летнему возрасту он три раза прочел славянскую Библию, знал наизусть немало житий святых. В отроческие годы некий старец предрек ему святительское служение, сказав отцу отрока Николая: «Это наш будущий архиерей». В 1863 г. подростком он совершает паломничество в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. В 1877 г. становится послушником в Ново-Иерусалимском монастыре.

«После окончания сельской церковноприходской школы Николай поступил в Московское духовное училище, где считался тоже первым учеником. Закончив несколько духовных училищ, Рождественский не стал поступать в Духовную академию, поскольку ему надо было добывать хлеб самому. Так что высшего богословского образования Николай не получил,

А.Н. Хвостов.

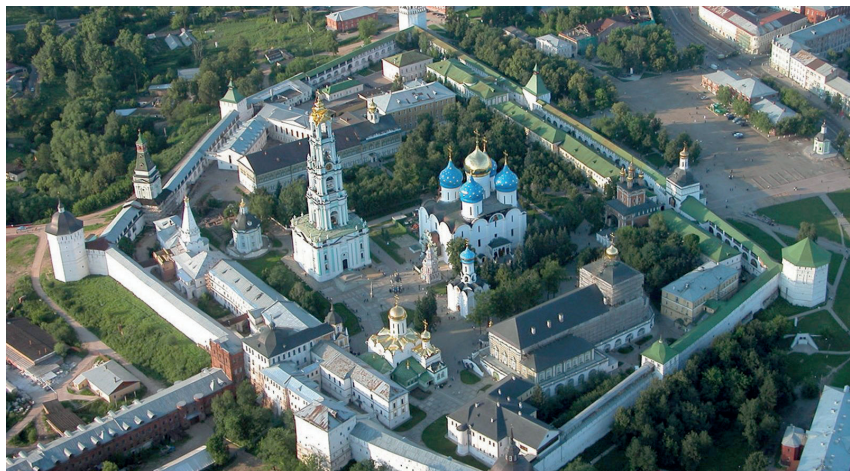
Архиепископ Никон.

но впоследствии, по обширным его знаниям, он будет избран почетным профессором Московской Духовной академии» [3].

В 1880 г. Николай Рождественский принял постриг с именем Никон (в переводе на русский язык «побеждающий»). В 1882 г. рукоположен во иеродиакона, затем в иеромонаха. В 1885 г. назначен соборным иеромонахом московского Донского монастыря. В том же году у Никона вышла книга «Житие и подвиги преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца», выдержавшая много изданий и до нашего времени считающаяся лучшим трудом по жизнеописанию Святого Сергия. В 1892 г. Никон возведен в сан архимандрита. В 1893 г. становится казначеем Лавры, а в 1901 г. – председателем Епархиального училища иконописания. К этому же периоду относится и начало издательской деятельности будущего архиерея: он занимается изданием «Троицких листков», «Троицкой библиотеки», «Божией Нивы», «Троицких цветков», «Троицкой Народной Беседы» и «Троицкого Слова».

14 марта 1904 г. Никон хиротонисан во епископа Муромского. 8 ноября того же года становится епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. В жизни повседневной поддерживал московских монархистов. Осуждал Революцию 1905 г., вместе с митрополитом Московским участвовал 6 апреля 1906 г. в открытии 2-го Всероссийского съезда Русских Людей в Москве; писал статьи, обличающие революционеров; обвинял в сознательных издевательствах над религиозными святынями и народной нравственностью «жидов» и «жидовские газеты».

25 апреля 1906 г. Никон был назначен на Вологодскую кафедру. Многие монархисты восприняли это назначение как наказание за актив-

Троице-Сергиева Лавра.

ное участие в монархическом движении. Но епископ не изменил своим идеалам. В Вологде он стал почетным председателем отдела Союза Русского Народа (СРН), оставшись для монархистов одним из главных духовных авторитетов, к нему чаще всего обращались за благословением и поддержкой. Трогательную телеграмму владыка прислал в адрес 3-го Всероссийского съезда Русских Людей в Киеве 1–7 октября 1906 г. (Всероссийский съезд Людей Земли Русской). В ней, в частности, говорилось: «Братья, будьте единомысленны, сплотитесь теснее в единый крепкий союз в защиту бедной Родины нашей, столь терзаемой смутю. Священным для всех вас именем преподобного Сергия умоляю вас: не дробитесь, не делитесь на партии, забудьте то, что представляет собою некоторые оттенки в ваших личных взглядах, все сплотитесь воедино под священным знаменем, на коем красуются святые нашего народного сердца: Вера Православная, Царь Самодержавный и Народ Русский как самобытная собирательная личность».

31 января 1907 г. епископ Никон стал членом Государственного совета от Святого Синода, с 1 января 1908 г. — членом Святого Синода. Он прислал обстоятельное приветствие и благословение Московскому съезду (Съезд Русских Людей в Москве 27 сентября — 4 октября 1909 г.), в котором предостерегал: «Объединимся же теснее и пойдем дружно на защиту от врагов родной Церкви, родного нашего народа и его заветных идеалов. Иначе придут языцы в достояние Божие, придут иудеи и возобладают казни. И будут тогда последняя горше первых: плен иудейский горше плена татарского». Как член Государственного совета и Святого Синода он подолгу жил в столице и 24 апреля 1911 г. был избран членом Совета Русского Соборания (РС) (выбыл 8 марта 1912 г.). 29 мая 1912 г. уволен по болезни от управления епархией с оставлением членства в Святом Синоде.

В 1907 г. архипастырь Никон впервые посетил наиболее значимые города Вологодской губернии — Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, и Коряжемский монастырь [4]. В 1911 г. на пароходе совершил поездку в Ульяновский монастырь, посетив многие населенные пункты Коми края.

В 1913 г. возведен в сан архиепископа и 4 апреля назначен председателем Издательского совета при Святом Синоде. В мае 1913 г. принимал участие в осуждении русских афонских монахов-имяславцев в Андреевском скиту на Афоне. Был послан Святым Синодом на Афон на военном корабле; по его указанию несколько десятков монахов было в итоге выдворено в Россию.

В 1916 г. Никон отошел от активной деятельности, по прошению был освобожден от должности председателя Издательского совета и сосредоточился на служении в Лавре. В конце жизни он способствовал изданию книг Сергея Нилюса «Близ есть, при дверех» и др. Умер 30 декабря 1918 г. (12 января 1919 г.) в Троице-Сергиевой Лавре, где и был погребен.

По одной из версий, владыка подвергся нападению «революционной черни», был жестоко изуродован и убит. Это случилось за воротами Лавры.

До революции имя Никона было широко известно в России, и прежде всего благодаря его выступлениям в «Троицком Слове» – самом популярном церковном издании тех лет.

Поездка в Тотьму, Устюг и Сольвычегодск 24 июня – 4 июля 1907 года

В результате описания этой поездки мы имеем пример наставлений, сделанных епископом для своей паствы. В Тотьме епископ поклонился мощам: «Святыня этого города – святые мощи великаго сподвижника Феодосия, почивающих в Спасосумориной обители, основанной преподобнымъ. Нетленное тело Чудотворца покоится на вскрытии в гробнице, привлекая множество верующего народа».

26 июня епископ прибыл в Великий Устюг. «Встреченный, Пресвященным Устюжским Алексеем и представителями духовенства и города, он проследовал при колокольном звоне у всех церквей в Успенский собор, на паперти которого любил привитать и днем и ночью, и в жару, и в ненастье прав. Прокопий, Христа ради юродивый, в котором пред иконою Благовещения он со слезами молился о прощении грехов жителей города и об отнесении от него каменной тучи, выпавшей по молитвам праведнаго в пустынном месте в 20 верст, от Устюга».

Владыка трижды осенил присутствовавших в храме и в сопровождении духовенства направился в Прокопьевский собор, находящийся вблизи Успенского. В притворе храма преосвященного встретил причт собора, причем священник о. Сергей Авессаломов высказал ему приветствие в таких словах: «На этом месте некогда встретил прав. Прокопий Марию, мать святителя Стефана, и предсказал ей о рождении сына, сделавшегося впоследствии светильником нашей страны, объятой мраком язычества. Без сомнения пред гробницею праведника нередко молился св. Стефан, родившийся и воспитавшийся в нашем богоспасаемом граде. Святой Стефан просветил верою во Христа Зырянский край и привел жителей его от тьмы к свету истины. Ты, Владыко, являешься продолжателем дела св. Стефана. Тогда господствовало в стране нашей поклоненье идолам, теперь распространяется безверие, равнодушие к вере, пренебрежение христианскими святынями, и эта язва распространяется все шире и шире. Знаем, что болит сердце твое о недугах врученной твоему попечению паствы. Какъ бы ни велики были силы человека, но они недостаточны для несения бремени епископского служения, необходима благодатная помощь Все-

щедрого Бога и молитвы св. Угодников, внемлющих искренним прошениям верующих. Да вознесется здесь пред гробницею великого праведника Прокопия твоя святительская молитва о себе и о всех нас духовных чадах твоих, чтобы достойно пройти земное наше поприще и получить вечныя обители на небе со всеми святыми, угодившими от века. Благословенно буди вхождение твое!». После эктении и отпуска Владыка помолился пред ракой праведного и приложился к ней. В это время подошел к преосвященному соборный староста Дербенев и, сказав несколько приветственных

Тотьма. Спасо-Суморин монастырь. Начало XX века.

Город Великий Устюг. Начало XX века.

слов и пожеланий, поднес ему икону прав. Прокопия, молящегося пред образом Благовещения Божьей Матери об отнесении от Устюга каменной тучи, а также книжку в изящном переплете – житие праведного. Поблагодарив старосту, владыка проследовал в Иоанновскую церковь, где почивают св. мощи Иоанна прав., а оттуда в Михайло-Архангельский монастырь, у ворот которого скончался прав. Прокопий.

В Устюге владыка осмотрел множество церквей, прочитал множество проповедей и молитв. «С трех часов дня и до позднего вечера преосвященный Никон занимался обозрением учебных заведений и некоторых городских храмов. Он побывал в новом здании Епарх. женского училища, в домово́й церкви которого был встречен преподавателями-священниками, в Духовном Училище: в храме, в классах и др. комнатах, справляясь у г. смотрителя о назначении их. Посетил владыка также св. Стефановскую церковную двухклассную школу, находящуюся на Красной горе; эта школа “существуетъ съ 1887 г., въ 1898 г. она по случаю празднования 500-летия со дня кончины Свят. Стефана наименована Стефановскою, а с 1902 г. помещается в собственном прекрасном, вполне приспособленном для учебного дела здании. В этой школе находится церковно-учительская библиотека, учрежденная в благодарную память царствования Императора Александра III”. Епископ Никон несколько дней посещал храмы Великого Устюга, присутствовал на службах. Перед отъездом за литургией быть рукоположен в священники села Кайгорода Устьсысольского уезда Александр Соколов. Ставленнику владыка сказал краткую речь: “Поздравляю тебя с принятием благодати священства; сегодня для тебя такой же День, что для Апостолов день пятидесятницы, Дух Святый, тогда видимо, в виде огненных языков, а ныне, невидимо, зажег в душе твоей лампаду, которая да святит и греет всех пасомых твоих; подливай же в эту лампаду елей добрыхъ дел, наипаче смирения, считай себя самымъ худшим и нисшим всехъ прихожан, назидай их словом Божиим, питай благодатию Св. Духа”». Затем епископ Никон посетил Котлас, Сольвычегодск и Коряжемский монастырь. Поскольку текст сейчас – библиографическая редкость, приведем описание посещения Сольвычегодска, как пример описания старого города и его святынь.

«Преосвященный прибыл в город около полуночи и проследовал в Введенский монастырь на ночлег. 30 июня утром он обозревал сей монастырь, основанный при Иоанне Грозном. Храм въ обители построен известными Строгановыми въ виде четырехугольнаго высокаго столпа, из обожженного красного кирпича с известью, снаружи в карнизах и колоннах частью из белого тесанного и резного камня. Стиль церкви обращает внимание своею оригинальностью. Внутри церкви находится весьма замечательная икона Введения Божией Матери во храм с весьма искусно

написанными мелкими изображениями событий из жизни Божией Матери, частью заимствованных из Евангелия, частью из преданий церковных. После осмотра монастыря владыка слушал панихиду по похороненному накануне настоятелю обители архимандрите Александре, снижавшем любовь за свою доброту, у его свежей могилы, украшенной цветами, а также обратил внимание на могилы юродивыхъ, погребенныхъ въ монастыре: Иродюна, Фомы, Михаила и Иоанна, сведения, о жизни которых не сохранились.

Введенская обитель.

Благовещенский собор. 1911 год.

Из монастыря владыка выехал для обозрения приходских церквей г. Сольвычегодска: Борисоглебской, где сохранилось, немало старины, Владимирской, Воздвиженской, Спасообыденной, построенной по случаю моровой язвы, побывал в часовне, построенной на месте нахождения прекратившего существование Сретенского женского монастыря и наконец, прибыл в собор. Соборный храм весьма древний, построен был Строгановыми; не наружным видом обращает он на себя внимание, но внутренним убранством. На первый раз он производит на посетителя весьма сильное впечатление. Точно попадаешь в иной мир, где так много высокого, хорошего, дивного. На момент забываешь настоящее, подчас столь неприглядное, и уносишься мыслью в прошлое, за 300 лет назад, когда христиане не жалели ни сил, ни средств на созидание храмов Божьих и украшение их, когда жертвы текли рекой, когда украшение церквей иконами, живописью, считалось делом священным, дорогим, и за него брались не ради прибытка, но ради Бога и любви к труду. Въ Сольвычегодском соборе – множество памятников дивного усердия тогдашних чад церкви, а также замечательного церковного зодчества, архитектуры и иконописи.

Чтобы внимательно осмотреть собор, нужны дни, недели. Глаз не может оторваться от произведений церковного творчества. Владыка любовался храмом и церковными вещами, любовался иконами старинного письма в прекрасных ризах с драгоценными камнями, старинными предметами церковной утвари: сосудами, ладаницею, стопою, ковшиками с оригинальной надписью; он обратил внимание на редкий древний киворий над св. престолом, рассматривал саккос, якобы принадлежавший Свят. Стефану, холщовый с живописными изображениями, прекрасную шитую пелену, при виде которой воскликнул: “сколько на нее труда положено, это дело целой жизни”, покров с гробницы Митр. Алексея Московского Чудотворца и т. д. Входил владыка также в комнату, где хранится множество резных изображений Свят. Николая, и в библиотеку церковную. Внизу под собором помещались в былое время каменные мешки, куда сажали Строгановы преступников; остатки мешков сохранились до ныне. Владыка при свете, факелов, точно в прежних катакомбах, через узкие проходы пробирался в палатки, где хранятся некоторые старинные вещи, и к каменным мешкам.

Для нас интересно описание путешествия по Вологодской епархии епископа Никона в 1911 г. Это описание имеет как этнографическое, так и историческое значение для современного читателя, поэтому здесь оно приводится полностью (фотографии взяты из открытых источников – В.С.) [5].

Поездка по епархии

Часть 1

Приглашаю моих добрых читателей мысленно сопутствовать мне по епархии. Пишу эти строки в Ульяновом монастыре, в 1183 верстах от Вологды. Было время, когда такой путь требовал и трудов нелегких, и потери времени; теперь он совершается на пароходе в течение 5–6 дней, да еще с большими остановками у городов.

Еду по Вычегде. Эта река помнит апостольские подвиги святителя Стефана. Начиная от Яренска и даже ранее слышится зырянская речь. По берегам красуются высокие белые храмы Божии. Зыряне любят строить такие храмы: они не доросли еще до того, чтобы любоваться внутренним благолепием храмов Божиих, и потому внутри храмы лишены живописи; белые стены как-то однообразно смотрят на вас, в то время как снаружи храм иногда прямо поражает вас своим величием. Кстати: любовь к построению храмов иногда доходит до излишества: при одном священнике, например, в Устькуломе (1210 верст от Вологды) в одной ограде теснятся три каменных храма с несколькими престолами в каждом, и ни один из них внутри не украшен стенописью.

В Устькулом пришел пароход в 5 часов утра 17 июня. Несмотря на ранний час, собралась масса народу. Я говорил поучение о том, как жить, чтобы душу спасти, всячески стараясь упростить речь для этих простецов. Мужчины почти все говорят по-русски, женщины больше по-зырянски. Священник говорит с ними по-зырянски.

Из Устькуломы мы вернулись в Ульянов в тот же день утром. Это – лавра зырянского края, отросток Соловецкого монастыря. Величественный храм и своеобразная, с четырьмя башнями по углам колокольня, несколько корпусов, обнесенных каменной оградой, по которой можно совершать крестные ходы – все это расположено на высоком холме, с вершины которого, особенно с колокольни, открывается вид на безбрежное море лесов, на сотни верст расстилающихся вокруг обители, и на долину реки Вычегды, прихотливо извивающуюся среди этой дремучей тайги северо-восточной Европы. Говорят, чем дальше к Печоре и Уралу, тем природа суровее, леса дремучее, болота непроходимее.

И вот в такой обстановке приютилась обитель иноков с ее строгим, можно сказать, суровым уставом. Братия большею частью зыряне. Подобно Соловкам здесь живет до сотни годовиков-мальчиков по обету. Их обучают главным образом тому, чем занимаются сами иноки – сельскому хозяйству.

Здесь я совершил Божественную литургию в воскресенье, 19-го числа. Поют дружно, но о нотах, о гармонизации и понятия не имеют. Зато звон – единственный в крае. Большой колокол весит 1012 пудов. Это

радость и утешение велие для простеца зыряннина. С удовольствием при-слушался и я к могучим звукам, разносившимся в воздушном океане над вершинами беспредельных лесных пространств.

Здесь мне очень понездоровилось. Однако, все же я побеседовал с братией о сущности монашеского подвига. Слушали внимательно. Под-ростков-годовиков оделил я Троицкими образками.

20-го ждали парохода, но он запоздал, и мы двинулись вниз по Вы-чегде на двух больших лодках. Верстах в 10 нам встретился пароход, иду-щий в Устькулом. Мы спросили: когда он будет обратно в ближайшем селе Деревянске? Ответ был: в 9 часов вечера. Мы заказали себе каюты и направились вниз – к Деревянску. Здесь второклассная школа. В храме собралось множество народа. Я побеседовал с ними, благословил их, оде-лил Тр. книжками. Затем зашел в школу. Там был один сторож, но вслед за нами собрались дети-подростки. К сожалению, немногие из них могли мне ответить на самые простые вопросы по Закону Божию, и то при по-мощи взрослых крестьян, служивших переводчиками на зырянский язык. Помогала и матушка, жена священника, хорошо знающая зырянский язык. А местный о. дьякон подбадривал детей: «Гора, гора!» – громче, смелее!

Местный священник, по должности благочинного, с моего разре-шения, был в отлучке. Его заменила матушка – тип старинных неученых в школе, но «толченных» жизнью матушек – добрых спутниц сельских па-стырей. Многому могли бы научиться у таких простушек современные молодые матушки из епархиалок. Чтобы не смущать ее смирения и хри-стианской простоты, я не буду здесь распространяться о ее деятельности в качестве помощницы мужу по приходу; скажу только, что благодаря ее

Ульяновский монастырь. Начало XX века.

заботам построена и в некоторой степени обеспечена приходская богадельня, в которой призирается пять-шесть старушек, а иногда принимают и бесприютных круглых сирот. Матушка тут и начальница, и попечительница, и кормилица. Она даром доставляет сюда и молочко, и все, что Бог ей пошлет... Дай Боже побольше, таких тружениц-помощниц нашим пастырям. Вековой опыт показывает, что им не столько нужно школьное образование ума, сколько доброе воспитание христианского сердца и закаление воли в добре. Увы! Ныне моды предпочитают здравому смыслу, и ради этой моды бедные священники в ниточку тянутся, чтобы дать своим дочкам «научное» образование – не только в епархиальных училищах – это бы еще добро, но и высшее, на каких-то высших курсах, откуда чаще всего выходят существа неопределенного пола с искаженной до неузнаваемости душою... Больно то, что не могут устоять против сего искушения и очень почтенные батюшки и матушки и уступают просьбам своих неразумных умиц-дочек, во что бы то ни стало стремящихся в столицы на разные курсы.

В Устьсысольск мы пристали вместо 20-го – только 21-го к вечеру. Город очень красиво расположен на слиянии с Вычегдою Сысолы. Краса города – Стефановская церковь. В ней я и решил 23-го совершить литургию. 22-го – была устроена, в здании духовного училища, беседа с духовенством. Об этих моих беседах скажу следующее.

И по громадным расстояниям, и по немощам моим я не могу объезжать свою епархию так, как делают другие архиереи: от села до села. Посему я собираю священников в пункты моих остановок и беседую с ними, сколько позволит время и силы. Говорю о всем, что подскажут мне архиерейская совесть, наблюдения над жизнью епархии и опыт пастырского служения. Говорю о том, что мы, служители Церкви, – сотрудники Самого Господа в деле спасения душ человеческих, в деле воспитания чад Царствия Божия. Говорю о том, какое в этом счастье для нас, с каким благоговением должны мы проходить свое святое служение. Напоминаю обетование Господа не забыть наши нужды, если мы будем пещись о деле Его. Даю советы, как бороться с народными пороками, пьянством, распутством, сквернословием, бессовестностью. Как составлять поучения без записи оных на бумагу, вести беседы вне храма, в семьях, на дому, в школах с детьми. Как пользоваться святоотеческой и старческой литературой, дабы использовать святой опыт духовной жизни, в ней заключающийся. Касаюсь пороков самого духовенства: нетрезвости, немирства, сутяжничества и умоляю отцов избегать всего этого. Иногда священники сами предлагают вопросы и дают темы для беседы. Не знаю, много ли пользы от таких бесед; но мне думается, что такие свидания с архиереем, хотя малое с ним знакомство для священников полезно: в свою очередь

Стефановская церковь. Начало XX века.

и я выношу с таких бесед чувство сближения с Богоданными мне сотрудниками, узнаю их лично и составляю себе понятие о духовенстве моей епархии не по бумагам уже, а из личных наблюдений. И слава Богу: среди них немало смиренных тружеников на Божией ниве, с верою в помощь Божию, не ища похвалы людской, делающих свое дело. Касаюсь в беседах и современных опасностей, угрожающих Церкви Божией от ее заклятых врагов, коим и числа нет в наше многоскорбное время. Не хочу оскорблять собратий моих во Христе подозрением в лести: нет, они искренно благодарят меня за такие беседы, и мы расстаемся по-родному. В Устьысольске даже упросили меня сняться с ними на общей карточке.

Я посетил женскую прогимназию, где оказались и ученики мужской прогимназии, и побеседовал с учащимися о том, в чем счастье для человека. Всех оделил Троицкими образками. Был в приходском и городском училищах и там беседовал с детьми и оделял образками.

Посещая школы, я думаю: дети так редко в жизни видят архиерея лицом к лицу, что грешно было бы целым сердцем не приласкать их. Ведь у них на всю жизнь останется воспоминание о том, что делал, что говорил им архиерей: как же не воспользоваться случаем бросить им в души, в их открытые в то время сердца – семечко благодатного Христова учения? И вот, пользуешься сими посещениями школ, чтобы сказать детям то, что в эти минуты общения с ними подскажет совесть пастырская, сказать в духе горячей любви к этим еще неиспорченным душам, показать им светлый, любящий Лик Христов, тронуть их нежное сердечко красотою добродетели, указать им простейшие средства общения с Богом в молитве,

в доброделании... И надо видеть, с каким иногда вниманием они слушают простое слово архипастыря! Глазки блестят, уста открыты, личико как-то преображается, одухотворяется... После приходится слышать от их родителей, что детки по частям пересказывали дома, о чем говорил архиерей. Разве это не великая награда сеятелю слова Божия на детские сердца? Разве не счастье быть такими сеятелями? Иногда думаешь: что мог бы сделать хороший законоучитель среди малых сих! Но много ли понимающих это счастье? Ездил в село Вильгорт, верстах в 7 от города. Здесь строится церковь. Беседовал с народом, посетил школу, долго беседовал с детьми.

23 июня я служил и говорил слово о непобедимости Церкви вратами ада и о кознях ада в наше время. Обширный Стефановский храм был полон народа, 24-го выехал на пароходе в Устьвым, а оттуда на лошадях, чрез село Серегово, в женский Крестовоздвиженский монастырь, в 14 верстах от Серегова.

Лишь только мы вышли из лодки, переправившей нас на левый берег Выми, как нас облепила всякая мушкара, начиная с мошки-невидимки, комаров и слепней и кончая оводами, не уступавшими по величине майским жукам. Сопровождаемые этими докучливыми насекомыми и обороняясь от них всякими способами, мы ехали лесной просекой, проложенной напрямик к монастырю. Был уж 12-й час ночи, когда впереди открылась в полусвете северной белой ночи красивая панорама обители. Монастырь расположен на возвышении прямо пред вами – в глубине картины временный деревянный храм с такою же колокольней; влево – каменный пятиглавый трапезный храм, еще не оконченный отделкой, тут же деревянные кельи, а кругом, точно темно-зеленая рама – хвойный лес и лес.

«Обитель тружениц» – вот лучшее название для этого монастыря. Во главе сестер – почтенная старица игуменья Филарета и 11 монахинь. Всех, живущих в обители, до 150-ти. Основал эту обитель и обеспечил ее существование известный в этом краю купец А. Бульчев, скончавшийся иноком в Соловецком монастыре: его дочь А.А. Беляевская свято блюдет заветы своего отца, продолжая благотворить юной обители. Она строит теперь трапезный храм и корпус для сестер и в скором времени предполагает начать постройку собора и колокольни. Теперешний временный храм очень тесен и не вмещает даже всех обитательниц монастыря, а обитель посещают многие богомольцы из Яренского и Устьсысольского уездов.

С раннего утра до поздней ночи, исключая время Богослужения, сестры трудятся: кто – ткет и шьет, кто пишет иконы, кто делает обувь, кто работает на гончарном, смоляном и скипидарном заводах; на гончарном черноризница при мне сделала несколько чашечек и молочник, на котором я, по просьбе монахинь, собственноручно надписал на мягкой глине: «Будь послушен Богу, как глина горшечнику». Видел и великий труд этих

отшельниц – корчевание огромных пней для расчистки поля под пашню: пни выворачиваются при помощи рычагов, коими служат целые бревна; за каждый вывороченный пенёк, смотря по величине, сестры получают гононар в виде сухих баранок, которые здесь почему-то зовутся калачами, почему и поле, разработанное таким способом, именуется «Калашниковым».

Здесь я служил литургию и говорил поучение народу, а с сестрами беседовал особо накануне пред всенощной. С отрядным чувством душевного отдыха я покинул обитель. Старица-игумения провожала меня до 7-й версты по пути в Серегово.

В это большое торговое село мы прибыли вечером и прямо в церковь. Беседа с народом и благословение заняли немало времени. Пришлось ночевать. Рано утром в двух больших лодках мы спустились по Выми до Устьвыми. Тут меня уже ожидали священники со всего благочиния, и я отслужил соборне с ними молебен святителю Стефану Пермскому, который 13 лет жил здесь (почему Устьвым и называлась «Владычным городом»), и трем его преемникам: Герасиму, Ионе и Питириму, почивающим здесь под спудом. После молебна я довольно долго беседовал с народом. В этом селении особенно живы предания о святителе – просветителе зырян: храмы, по преданию, построены на холмах, насыпанных по его повелению; указывают места, где был его владычный дом, где росла волшебная прокудливая береза, им срубленная... К сожалению, вещественных памятников после него никаких не сохранилось.

Кылтовский монастырь.

Поездка по епархии

Часть 2

После беседы с священниками я отправился на пароходе в захудалый городок Яренск.

И здесь служил, говорил поучение народу о том, что есть Церковь и почему должно повиноваться ей; вел беседу со священниками, посетил школу, где собрались дети из разных школ и прогимназий города. Стоит отметить особенную любовь детей к местному о. протоиерею: где бы ни показался на улице этот почтенный старец, священствующий уже 52-й год, дети, как только завидят его, бегут к нему, чтобы принять его благословение. Чем он заслужил эту любовь детскую? Конечно – лаской и отеческой добротой. Всегда я говорю ставленникам-иереям: не опускайте случая приласкать ребенка, хотя бы то был еще несмысленный малютка на руках матери. Пусть в его детском воображении рядом с дорогим ему образом матери запечатлеется и ваш облик, ваша духовная одежда, блистающий на вашей груди крест. Не худо для таких малюток иметь при себе какие-либо грошовые лакомства: верите, что это привлечет к вам любовь не только сих маленьких будущих прихожан ваших, но и их родителей, особенно матерей. Лишь только покажетесь вы в деревне, как детишки побегут к вам со всех концов навстречу, чтобы принять ваше благословение. А вы пользуйтесь этими встречами, чтобы побеседовать с ними, чтобы заронить в их чистые сердца семечко учения Христова. Коли есть у вас свободная минутка, то присядьте где-нибудь у избы на завалинке или на бревнах и поведите отеческую беседу с детьми – о том, что Бог на душу положит; к вам непременно подойдут матери их, а может быть, и отцы, и вот устроится у вас сама собою беседа – «набревная» по подобию беседы Христовой, именуемой «нагорною»... Ведь для таких бесед не нужно никакой обстановки, никаких помещений. Зато посмотрите, какою любовью отплатят вам простые души слушателей ваших: ведь русская душа жаждет «божественного» и тоскует по нем.

Из Яренска мы спустились до Коряжемского монастыря. Здесь почивают под спудом мощи преподобного Лонгина, одного из духовных потомков великого аввы Сергия Радонежского. Монастырь расположен на крутом высоком берегу Вычегды. В нем всего до 50 человек братии, общежительный. Строится новый храм с трапезою и кельями. У самого монастыря – кедровая роща. Иноки рассаживают это дерево с любовью.

Здесь я беседовал с братией, осматривал хозяйство и ночевал. Утром рано отправился в Сольвычегодск на пароходике, присланном из сего города почтенным Я.В. Хаминовым.

Сольвычегодск известен своим собором, который представляет собою наиболее уцелевший тип храмов Божиих XVI столетия. Это – целый

музей священных древностей того века. Лишь войдете в него, как на вас повеет седою стариной: старинный иконостас, узорчатые с слюдой царские врата, старые фрески на стенах, древние иконы в иконостасе, на стенах: кругом всего собора по стенам тянется пояс из древних икон. В ризнице множество шитых пелен такой чудной работы, что знатоки затрудняются указать что-либо подобное. Здесь была куплена за 500 р. древняя плащаница, перекупленная потом в Париже императором Александром II за 25 000 р. Все эти сокровища древности – дары создателей храма, предков графов Строгановых.

Коряжемский Николаевский монастырь. Архангельская губерния.

Храм в Сольвычегодске.

В этом храме я совершил литургию 3 июля. В пении приняли участие дети всех учебных заведений города, с которыми я накануне провел беседу. Приятно было молиться в этом святилище Божиим: его древности будили в сердце те струны, которые некогда звучали в сердцах наших благочестивых предков, и душа чувствовала: что значит наша Русь православная в ее прошлом... Когда видишь ее как бы лицом к лицу в этих остатках древности, сохранившихся в такой неприкосновенности, то начинаешь понимать не только религиозные, но и эстетические идеалы ее, сердцем ощущать духовную красоту этих идеалов, сравнивать их с занесенными к нам с латинского запада чужими идеалами и любить, крепко любить нашу родную старину за эти, так сказать, переживания, оживляющие в нас наше народное самочувствие, народное самосознание... И невольно повторяешь кем-то давно сказанные слова:

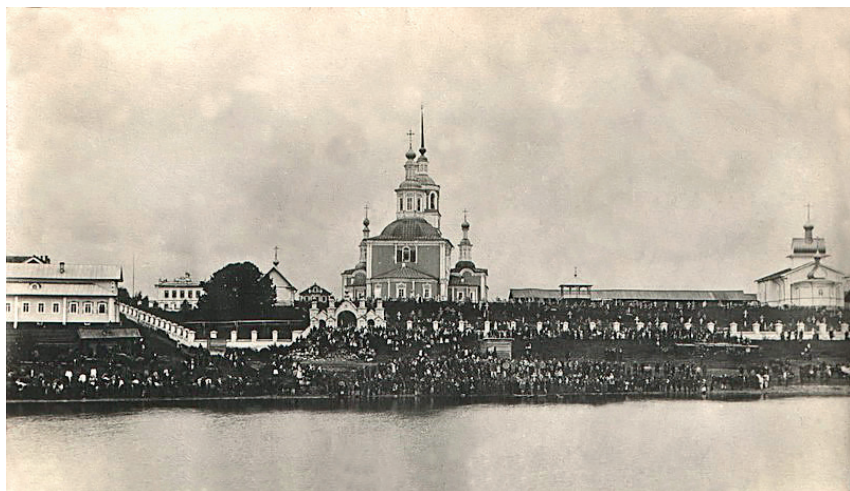
«О, Русь моя родная! Нет-то тебя в мире краше, нет сердцу милее». Счастливы художники вроде В.М. Васнецова, умеющие читать в памятниках старины родной заветы, этой старины и воплощать эти заветы в своих поистине бессмертных произведениях искусства! Счастливы писатели и поэты, являющиеся истолкователями этих заветов в своих словесных творениях! Но еще более счастливы те носители духа народного благочестия, которые воплощают эти заветы в жизни.

Из Сольвычегодска мы отправились вниз по Большой Двине до села Черевкова. Здесь три священника и больше 1200 жителей. Мы прибыли в 2 часа ночи; 4 июля в 8 часов утра в обширный храм собралось множество народа. Я долго беседовал с ним, благословлял, оделял книжками и образками. Ввиду близости раскольников особенно раскрывал учение о Церкви, о послушании пастырям Церкви, предостерегая от раскольничьих заблуждений. Зашел в часовню, на могилку страдальца иерея Петра, убитого поляками в 1610 г. Местные обыватели чтут его память как угодника Божия, невинно пострадавшего за веру и отечество. В часовне на могиле стоит столик для совершения панихид. У меня просили разрешения поставить надгробие.

В полдень пришел снизу пароход, на котором мы и отправились обратно вверх до Красноборска. Этот небольшой заштатный городок весною пострадал от пожара. Храм Божий уцелел, и я совершил в нем всенощное бдение по случаю праздника преподобного Сергия. После всенощной в местной школе я долго беседовал с собравшимся из соседних сел духовенством, а на другой день совершил литургию и говорил слово о преподобном Сергии.

В этом храме очень изящный, в стиле рококо, иконостас, но неприятно поражают глаз изваяния крылатых существ, рассаженных по карнизу этого иконостаса, а в алтаре, около престола, по углам сени стоящие фи-

гуры ангелов с свечами в руках. Я сказал: «Изваяния крылатых существ», не желая назвать их херувимами, ибо понятие херувима как-то не вяжется с изображением обнаженных детей, хотя и с крыльями. А у алтарных ангелов руки безобразно толсты. Тела раскрашены и производят антихудожественное впечатление.

Храмы села Черевково. 1910 год.

Красноборская церковь.

ственное впечатление. Приходилось встречать такие изображения и в некоторых других церквях: в Тотьме, например, в Предтеченской церкви сень над престолом поддерживается четырьмя фигурами ангелов с обнаженными ногами, а у царских дверей с одной стороны стоит ангел-хранитель с младенцем, которому показывает рукою на небо, а с другой – архангел Михаил, поражающий сатану. Но копьё архангела давно сломано, осталась только поднятая рука, а сатана с рогами, оскалив зубы, смотрит на молящихся и будто смеется... Я приказал немедленно убрать эти фигуры, а обнаженные ноги ангелов, держащих сень, прикрыть парчой. В Красноборске над самым престолом, на плафоне сени, резное изображение Бога Отца с простертыми вниз руками, тоже раскрашенное, я также велел снять. Уж очень тяжелое впечатление производят такие фигуры на молящихся: по крайней мере я это испытал на себе. Церковная власть не раз делала распоряжение, чтоб не допускать резных изображений, кроме распятий искусной резьбы; и, однако же, эти распоряжения часто нарушаются и даже находятся защитники «елисаветинской старины», которые обращаются к архиереям с просьбами беречь эту «старину». Пусть бы это были еще художественные изображения, без всякой раскраски: можно бы их за «старину» потерпеть, но когда такое изображение раскрашено, когда оно, как вышеупомянутое изображение сатаны, граничит с кощунством, по крайней мере вызывает шутки у зрителей, то пусть гг. археологи простят мне это – я требую убрать их с иконостаса... Закон художества говорит, что два искусства: ваяние и живопись не терпят смешения: возьмите статую великого неподражаемого ваятеля древности Фидия и поручите ее раскрасить не менее великому живописцу Рафаэлю – получится безобразие... Зачем же допускать такое безобразие в наших святых храмах? Ваяние и без раскраски слишком плотяно, слишком грубо-вещественно, чтоб служить православной Церкви: оно усвоено латинской церковью, как наследство времен языческих (известно, например, что одна фигура Юпитера в Риме превращена в изображение Апостола Петра: только вместо перунов в руку его даны ключи). Нам нужно помнить, что в церковном искусстве наша Церковь полагает в основу одухотворение, а латинская – оплотнение; отсюда у нас идеал иконы – иконопись, а на западе – живопись, у нас – иконы, а там – статуи, у нас – дивный обряд, а там – театральная церемония... Восемнадцатый век, век измены родным идеалам старины православной, без всякого разбора насаждал у нас и вносил во святая святых – в наши св. храмы плотяный реализм западного искусства и вот – его плоды: эта портретная живопись с натурщиков и натурщиц, эти статуи почти топорной работы, эти обнаженные фигуры у самого престола Господня, эти обнаженные дети, сидящие на карнизах иконостасов... Ужели все это надо охранять как «елисаветинскую старину»? Ужели

беречь и этого сатану, злобно-насмешливо выглядывавшего в открытых царских дверях? Думаю, что ни один православный археолог не станет защищать все это. Я не говорю, что нужно уничтожать, а просто убрать из Божиего храма: если угодно – берегите это в музеях, как памятник неразумного увлечения наших предков западными реалистическими идеалами и пренебрежения высокими, чистыми, духовными идеалами старой Руси, вследствие непонимания их... Кстати сказать: в Сольвычегодске под историческим собором есть целый музей таких статуй, особенно статуй Христа в темнице: все они производят очень тяжелое впечатление. А в нашем Вологодском древнехранилище есть даже гроб с резным изображением Христа... Что же: ужели и это все оставлять в церквах?

В Красноборске мы сели на пароход до Устюга, куда и прибыли утром 6-го числа. Два дня посвятил я осмотру монастырей, училищ, некоторых церквей, беседовал с духовенством, а 8-го числа, в день праведного Прокопия Юродивого, служил у его св. мощей вместе с пресвящ. Алексием, викарием Великоустюжским. Слово было сказано мною о том: храним ли мы заветы праведника и не грозит ли нам туча гнева Божия, которую некогда предвидел великий святитель Московский Митрополит Филарет?

Устюг – самый красивый город во всей Вологодской губернии. Подъезжая к нему на пароходе – только и видишь: церкви, церкви и церкви... На одной площади пять приходских церквей! Невольно задумываешься над этой любовью наших предков к постройке церквей: казалось бы, какая нужда была строить их столько? Что в Устюге, то и в Тотьме, и в Сольвычегодске, и даже в некоторых селах. Теперь при некоторых приходских есть даже по две, по три приписных церкви. Видно, церковное строение было в старину потребностью русской души; видно, наши предки почитали это дело, независимо от того, нужен или не нужен храм для прихода, делом, Богу угодным, душеспасительным... И почти в каждом храме имеется по несколько приделов. Когда осматриваешь эти храмы, когда переходишь от одного к другому, то будто переносишься духом в старые добрые времена, когда все эти храмы были полны народа, когда все они, без сомнения, имели свои причты, когда благочестие народное питалось богослужением в этих храмах... И грустно становится, когда ту старину сравниваешь с нашим временем, когда и в храмах стало просторно, хотя, без сомнения, народонаселение значительно увеличилось, когда и служба Божия совершается уже не так истово, как было во дни оны древние...

Вот скорбь великая и забота неотложная: большинство храмов (в Устюге, например, 11) стоит на берегу капризной Сухоны, которая каждый год подмывает их беспощадно. В Устюге один храм уже перенесен сажень на 50 выше, и прежнее место его под водою. В древних храмах появляются трещины, свидетельствующие о том, что берег оползает, а чтобы

Устюг. Набережная.

укрепить берег, нужно полмиллиона. Вычегда также грозит разрушением знаменитому Сольвычегодскому собору: берег песчаный, говорят, каждый год отмывает на сажень. До сего времени обращаемые ходатайства оказывались безуспешными... Да и не такова нынешняя Дума, чтоб ожидать от нее заботы о храмах Божиих.

8 июля к вечеру мы расстались с Устюгом и направились вверх по Сухоне к Тотьме, куда и прибыли 9-го ко всенощной, 10-го я с трудом отслужил литургию в Тотемском Богоявленском соборе и весь день лежал больной. Вечером едва поднялся, чтоб провести беседу с собравшимся духовенством, 11-го посетил духовное училище, куда собралось до 300 учащихся из разных учебных заведений города, с коими провел две беседы, а вечером сел на пароход до села Шуйского, куда прибыли рано утром 12-го. Здесь уже ждало меня собранное духовенство, с коим я побеседовал часа полтора, и отправился в Вологду.

Наконец-то я дома. Вот итоги моего путешествия по епархии: посетил 5 городов, 9 монастырей, до 50 церквей; провел более 30 бесед с народом, с священниками, с учащимися; видел до 150 священников. Видел многих добрых пастырей и утешался беседою с ними, видел любовь народную к носителю Божией благодати – епископу, любовь к Церкви святой, к богослужению, совершаемому благолепно. Слышал трогательный отзыв одного старца иерея о простечах-зырянах, о их благоговении к сану иерея: «Когда идет батюшка после обедни, то следует целовать следы ног его: ведь он Христа в себе несет»... Не правда ли: поучительно не для простых только, но и для так называемых интеллигентов? Как трогательно

Богоявленский собор (1816–1822, 1863–1872). Фото начала XX века.

это усердие простецов, жаждущих архиерейского благословения! Многие с крестным знаменем подходят под благословение архиерея и снова крестятся, получив благословение. Многие матери подносят и подводят своих детей к архиерею: младенец на руках да два-три малютки держатся за платье матери: как тут не призвать от всего сердца благословения на сих чад царствия Божия? Кажется, не ушел бы из церкви, если бы не немощь моя, если бы не необходимость спешить дальше к таким же верным чадам Церкви Божией, ожидающим меня в другом месте... Как жаль, что архиереи не имеют возможности быть в постоянном общении с своею паствою вот при такой обстановке!

Надо, чтоб архиерей был для своей паствы не каким-то полубогом, витающим в недоступных для простецов палатах, а истинным пастырем; отцом, к которому был бы открыт доступ всякому пасомому, который жил бы среди пасомых, по крайней мере, возможно, чаще посещал бы все приходы своей епархии. Волки-хищники – еретические наставники – часто объезжают своих единомышленников, а мы, архиереи, далеко не всегда имеем к тому возможность. Причин к тому слишком много, чтобы перечислить их.

Это путешествие было совершено отцом Никоном в 1911 г. Мы видим озабоченность епископа ситуацией и в епархии, и в стране, живое участие в делах своей паствы.

Как провидца ситуации в России растущая революционность начала беспокоить Никона задолго до революций. Природное чутье заставляло его бить в колокола еще в конце XIX в.

В 1903 г. широко праздновалось 110-летие Прославления Серафима Саровского, в Саровский монастырь стекались реки русских православных. Свои описания этого праздника Никон заканчивает следующими словами: «И приходит скорбная мысль: уж не потому ли Господь умножает чудеса на Русской земле, чтоб нас сделать безответными на страшном судище Своем? Вразумлял, и многожды вразумлял Он нас разными бедствиями – не слушаем Его вразумлений, живем не по-православному, не являем дел веры своей; и вот Он, в бесконечном милосердии Своем, начинает нас вразумлять Своими благодеяниями, Своими чудесами... Слава Богу, народ благоговеет пред сими знамениями милости Божией – но что наша так называемая интеллигенция, наши мнимобразованные?.. Разверните их любимые газеты за 19 июля: их идеал, богоотступник расстрига Комб, коему они изволят посвящать передовицы в такой день, да некое “иное”, только не церковное просвещение... И больно-больно становится на душе, когда вспомнишь, что и во времена Христовы тогдашняя “интеллигенция” так же относилась к Спасителю мира, и... все мы знаем, чем кончилась история богоизбранного народа.

Будем же крепко молиться Господу, да молитвами новоявленного чудотворца не попустит Он, милосердный, всем этим отщепенцам совратить православный народ наш на пути развращенные, да вразумит Он и самих этих несчастных слепцов духовных, на коих грех пребывает по слову Христову, да обратит их на путь светлой истины Православия [6]». Это написано еще до 1905 г. Никакие предупреждения не возымели действия.

Революционная ситуация в стране усиливается, и в 1912 г., описывая гонения на Святителя Гермогена, Никон еще призывает: «Как это по-

Романовы в Серафимовском монастыре.

хоже на то, что и в наше смутное время говорят нам, пастырям Церкви, современные нам приспешники масонов и иудеев: не ваше дело мешаться в политику! Как будто любовь к отечеству – политика! Как будто охрана православной веры в России – политика! Святитель Гермоген не слушал тогдашних изменников: он дал нам пример и завет, как относиться к таким толкам. Он отстаивал правду Божию по архиерейской совести, а не по толкованию тех, кто и Бога потерял и врагу продался...

Не бойся, забудь свою личную жизнь, не смотри на те беды, которые, может быть, грозят тебе за правду Божию: смело стой за святую веру православную, если видишь где-нибудь и в чем-нибудь опасность для нее! Истина Христова, вера православная, дороже нашей жизни. Святое православие есть душа русской души народной. Не будет православия на Руси – не будет и народа русского. За истину святого нашего православия мы должны быть готовы отдать все: и честь нашу, и все блага земные, и самую жизнь. Станем же в своей совести пред лицом этого великого стоятеля за православие, святителя Гермогена, и спросим себя: готовы ли мы на это? Не лукавим ли во имя разных либеральных бредней, во имя масонской свободы совести, гуманизма и прочих бессмысленных глаголов? А время, нами переживаемое, несмотря на проповедь всяческих “свобод”, именно требует такого мужественного исповедания и не лишено возможности гонений...» [7].

Уже близко к смерти, критикуя творчество Тараса Шевченко, как крамолу, епископ Никон пишет: «Каждый год, каждый месяц, каждый почти день выходит множество книг, брошюр, журналов и газет, несущих в душу несчастного русского народа – как народа в собственном смысле, так и нашей интеллигенции, – все тот же яд уже не просто отрицания, нигилизма, а и смрадной отравы открытого богохульства и порнографии... Некоторые издатели специализировались на том, чтоб выпускать целые серии, в которых систематически, с иллюстрациями, популяризуется материализм, дарвинизм и прочие “измы”. Рядом печатается изображение скелета обезьяны и человека и тут же услужливо объясняется их родство (с чем и поздравляю авторов и издателей! См. Псал. 48, 21). В книгах, с виду совершенно научных, от имени науки проповедуется, что Ветхий Завет, в нынешнем его составе, весь подделан, что народ еврейский искони был безсовестнейшим народом, что таковы были и его предки, например Авраам (это – тот, о коем Апостол Павел пишет, что он друг Божий наречен), что все патриархи были люди... ну – словом – недостойные уважения, – и все это читается нашей интеллигенцией, и отсюда-то черпают писатели-публицисты свои “исторические и критические” познания Библии.

Но, оказывается, и этого все еще мало для требующих “свободы” печати: недоумеваешь – да чего же еще им нужно?..

И сжимается сердце болью-тоскою за несчастную Русь, и хочется крикнуть снова и снова: – Да куда ж мы идем? Что мы делаем? Гнев Божий на свою Русь призываем!!! [8]».

Наше время тоже беспокойное. Прошло 100 лет, мы познали горький опыт громадных потерь. Разрушенная православная церковь встает на ноги. Спорим о патриотизме и свободных западных ценностях. По-прежнему, со слезами на глазах боимся за Родину. Благодаря трудам отца Никона знаем о подвигах Сергия Радонежского и Гермогена, о жизни простых служителей церкви. Возможно, и в вере вологодских жителей осталась крупинка веры Никона.

Литература:

1. Силин, В.И. Авантюра губернатора Хвостова / В.И. Силин // Дым Отечества. – Сыктывкар, 2001. – Кн. 6. – С. 422–427.
2. Силин, В.И. Путешествия губернатора А.Н. Хвостова по Коми краю / В.И. Силин // Вестник КГПИ. – 2007. – Вып. 5. – С. 172–183.
3. https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Rozhdestvenskij/ (дата обращения: 15.05.2025).
4. Среди пасомых: (Поездка Преосвященного Никона, епископа Вологодского в г. Тотьму, Устюг и Сольвычегодск) // Церковное слово. – 1907. – № 44. – С. 696–704; – № 45. – С. 717–720; № 46. – С. 732–736; То же. – Сергиев Посад, 1907. – 21 с.
5. Архиепископ Никон. Мои дневники / Никон. – Вып. 1–7. – Сергиев Посад, 1914–1916.
6. Архиепископ Никон. Саровская Пасха. К 110-летию со дня прославления преподобного Серафима Саровского. 1903 г. / Никон // 31.07.2013. – <http://www.blagogon.ru/digest/435/> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Архиепископ Никон. Памяти великого священномученика за Отечество. К 400-летию со дня мученической кончины Патриарха Гермогена. 1912 г. / Никон. – <http://www.blagogon.ru/digest/435/> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Архиепископ Никон. Куда мы идем? / Никон. – <http://www.blagogon.ru/digest/435/> (дата обращения: 15.05.2025).

ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВИЯ Н.Н. ОГЛОБЛИНА

Пути краеведа бывают самые разнообразные, порой начинаешь работу с одним намерением, а заканчиваешь совсем не так, как предполагал. Вот и в этот раз, оттолкнувшись от библиографической ссылки на путеше-

ствие по р. Вычегде незнакомого путешественника Николая Николаевича Оглоблина, пришлось и удалось познакомиться с жизнью интереснейшего ученого-историка, архивариуса, бытописателя.

В глобальной сети интернет нашлись сведения о жизни и работах Н.Н. Оглоблина – это публикации в старых энциклопедиях и словарях, современные работы Нижегородского историка Н.Н. Морохина [1–3], много лет собирающего по крупицам сведения о жизни Н. Оглоблина, многочисленные статьи И.А. Силаевой, в которых рассматриваются работы нашего героя по истории Сибири. Статья за статьей, книга за книгой – удалось познакомиться с богатым творческим миром писателя.

Родился Н.Н. Оглоблин в Киеве в семье священника Н. Оглоблина, учился в Киевской духовной академии и в Археологическом институте в Петербурге, по окончании которого получил золотую медаль за Карту Полоцкого повета во второй половине XVI в. и объяснительную записку к ней. В 1880 г. поступил на службу в Московский архив Министерства юстиции.

Архив был создан в 1852 г. в результате объединения Разрядно-Сенатского, Поместно-Вотчинного и Московского государственного архивов старых дел, позже сюда был передан архив бывшего Великого княжества Литовского. Возглавлял учреждение известный русский архивист Н.В. Калачов.

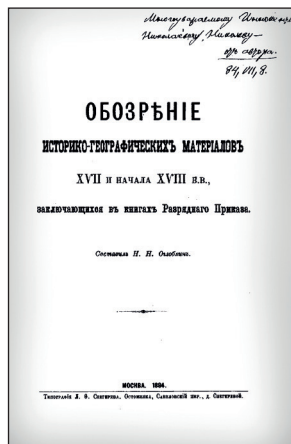
Служа в «Ученом Отделении» при Московском архиве Министерства юстиции, Н.Н. Оглоблин получил, под руководством Н.В. Калачова, специальную архивно-историческую подготовку. Эти условия и, конечно, трудолюбие помогли Н.Н. Оглоблину стать одним из ведущих специалистов по истории Сибири.

В архиве Оглоблин принимал деятельное участие в разборке и описании документов XVI–XVIII вв. Он разработал метод научного тематического описания, при котором в описи делалась искусственная группировка документов, объединенных каким-либо общим признаком (отраслью деятельности учреждения или формой документов). Образцами подобных описаний являются изданные самые крупные книги Н.Н. Оглоблина – «Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа» [4], а также «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)».

Первое из вышеуказанных изданий вышло в свет в 1884 г. и представляло собой обзор исторических материалов, их расположения в структуре архивных документов. Сейчас такую книгу называли бы «путеводителем» по архиву с подробными комментариями. В работе приводятся описания городов, крепостей, расстояние между населенными пунктами, наличие дворов по уездам и многое другое. Если бы Н.Н. Оглоблин написал только этот труд, он уже бы стал одним из крупнейших историко-гео-

*Московский архив Министерства юстиции
(1852–1925).*

графов России. Приведем слова автора: «Русская историческая география находится в первом периоде развития – в периоде собирания и изучения своих источников. Многие из них обнародованы и подвергаются обработке, но более значительное количество лежит нетронутым в наших архивах. Московский Архив Министерства Юстиции заключает в себе громадную массу историко-географических материалов. <...> Они (книги Разрядного приказа – В.С.) очень богаты историко-географическими материалами, обработка которых прольет новый свет на многие стороны русской географии XVII и начала XVIII веков. Значительное количество книг Разрядного Приказа и сравнительно небольшой период времени, посвященный их изучению, не позволили мне приступить к полной обработке материалов: я должен был ограничить свою задачу только систематическим обозрением их. Цель его – дать ответы на вопросы: 1) в каких книгах приказа встречаются историко-географические материалы?; 2) какое содержание и значение этих материалов? и 3) какие местности России и за какое время обнимаются ими? Необходимость такого обозрения не подлежит сомнению: без него пользование материалами крайне затруднительно, так как каждому исследователю приходится произвольно прерывать массу разрядных книг, чтобы натолкнуться на то или другое необходимое ему географическое сведение» [4, с. 1].

В 1886 г. выходит в свет еще одна работа Н.Н. Оглоблина под названием «Провинциальные архивы в XVII в.».

В 1889 г. Н.Н. Оглоблин пишет две статьи, посвященные работам в Сибири первого российского историка-профессионала Миллера, обвиняя его в некомпетентности при сборе и классификации исторического материала [5, 6].

Возможно, прав А.Б. Каменский, утверждая: «От современников Миллера отличало и еще одно обстоятельство: в России XVIII в. он был единственным, для кого занятия историей были работой, за которую он получал жалованье, а не увлечением. В этом смысле, хотя Миллер и не получил непосредственно исторического образования, о нем можно говорить, как о первом русском профессиональном историке. При этом изначально историк оказался в уникальной и идеальной для исследователя ситуации: перед ним был предмет исследования, о котором у него не было практически никакого предварительного знания. Не существовало и историографии, которую необходимо было бы изучить, и на которую можно было бы опереться. Но зато был необъятный массив неизученных источников, и нужно было лишь время для того, чтобы приобрести опыт и выработать приемы работы с ними.

Только с учетом этого можно правильно оценить и резкие суждения о Миллере-историке, принадлежащие Н.Н. Оглоблину, который обвинил Миллера в небрежном копировании документов во время путешествия по Сибири и таким образом поставил под сомнение его источниковедческие достижения. Однако эта критика не учитывала как раз то, что никакого опыта подобного рода работы у Миллера, как, впрочем, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как не существовало еще никаких правил и археографических приемов. Им только предстояло быть выработанными в ходе практической деятельности. Миллер к тому же, приступая к этой деятельности, еще не владел русским языком, и документы для него первоначально копировали служащие местных сибирских учреждений. Между тем, по словам С.В. Бахрушина, “в 1733 г., из Петербурга выезжал еще новичок,

*Герхард Фридрих Миллер
(Федор Иванович Миллер).*

*Иннокентий Сибиряков –
русский меценат и благотворитель.*

приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии... десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба»» [7].

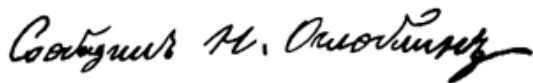
Историки Сибири знакомы с работами по историографии В.Г. Мирзоева. Основываясь на их анализе, И.А. Силаева пишет: «Несмотря на выявление искажений у Г.Ф. Миллера, В.Г. Мирзоев приходит к выводу о том, что данным “отца сибирской истории” следует доверять, несмотря на интуитивное суждение Н.Н. Оглоблина по этому вопросу. Как показал В.Г. Мирзоев, сначала Г.Ф. Миллер, а затем и Н.Н. Оглоблин оценили преимущество исторических трудов С.У. Ремезова. Н.Н. Оглоблин осуществил глубокий анализ источников С.У. Ремезова, использованных для “Чертежной книги”. Именно благодаря Н.Н. Оглоблину роль С.У. Ремезова была признана и оценена историками» [8].

В 1891 г. была опубликована статья Н.Н. Оглоблина об источниках «Чертежной книги Сибири» [9]. Сам Ремезов в составленном им описании к «Чертежной книге» различает три рода главных источников, которыми он пользовался при составлении чертежей: 1) прежние сибирские чертежи, 2) географические рукописи и 3) допросы сведующих людей. Н.Н. Оглоблин в своей статье последовательно проводит анализ каждой из этих трех составляющих, при этом дополняя их некоторыми другими источниками, которые были им выявлены при составлении описей Сибирского приказа. В частности, он упоминает о трех чертежах, обнаруженных в архиве: «Но во всех 2048 столбцах Сибирского приказа мне удалось найти только 3 чертежа: 1) “чертеж” волостей по р. Тунгуске, Илимского и Енисейского уездов, 192 года, составленный Енисейскими боярскими детьми Алексеем Галкиным и Федором Роспутиным; 2) “Ленским волостям чертеж” Якутского и Илимского уездов, 200–201 гг., местной работы; 3) “чертеж” р. Амура и его системы, 207 г., московской работы: он приложен к “докладу” Сибирского приказа о принятии мер к соблюдению в порубежных сибирских городах “посольских договоров” боярина Ф.А. Головина с Китаем. Пользовался ли этими “чертежами” Семен Ремезов? У него нет упоминаний о чертеже 200–201 гг., но он пользовался какими-то чертежами 192 и 207 гг. Вряд ли, однако, он имел найденный мною чертеж 192 г. – смежных по р. Тунгуске волостей Илимского и Енисейского уездов. Этот чертеж был составлен по частному поводу и представлял очень незначительный уголок Сибири. Но чертежом р. Амура, 207 г., изображающим обширный край и, притом, порубежный с Китаем, Ремезов должен был пользоваться». Оглоблин приводит сведения о наличии в материалах архива многочисленных источников: «Перехожу ко второму отделу источников “Чертежной книги Сибири” – к рукописям, содержавшим географическое

описание Сибири. Таких рукописей во времени Ремезова хранилась масса и в Сибирском приказе в Москве, и в Тобольской приказной палате, и в других сибирских городах. Часть их сохранилась и до нашего времени. Это очень содержательные в географическом отношении – “писцовые” и “переписные книги” сибирских уездов, “ясачные книги”, “доезды” служилых людей об осмотренных или покоренных ими “новых земляцах”, “статейные списки” посольств в порубежные мунгальские, калмыцкая и другие страны, и проч., и проч. Пользовался ли Ремезов всем этим богатым географическим материалом – трудно сказать, так как сам автор мало говорит об этом источнике. Он упоминает собственно об одной географической рукописи, которая была у него в руках: это – “доезд” атамана Ивана Петрова, посланного в 7075 г., “преж Ермакова взятия Сибири”, “для проводывания земель” сибирских. С И. Петровым ездили тогда какие-то “подьячие” и мурза Бурнаш Алышев с товарищи. О “доезде” Ремезов замечает, что он и “доднесь в Тобольску у снискателей носится» [9]. Далее Н.Н. Оглоблин пишет: «Затем несомненно, что Ремезов пользовался описанием общего Сибирского чертежа 176 г. Полагаю, что именно это описание разумеет Ремезов, когда по поводу чертежа 176 г. говорит о “первом чертежном описании Сибири”. Это “чертежное описание” представляет найденная мною “ропись против чертежу” 176 г. Вот начало ея: “Роспись против чертежу... Сибирских земель городом и острогам и слободам, и где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости, и реки, и озера, и сколько где у крепостей, по высмотру стольника и воевод Петра Ивановича Годунова с товарищи (этот чертеж был сделан в 1667 г. – *В.С.*), посадить драгун, и к Китайскому государству ход, и Китайские города, и рубеж, и азбука – почему знать города и остроги и слободы” и проч., “за свидетельством всяких чинов людей”, которые в тех краях бывали и те страны “знают подлинно”, и т. д. Итак, помимо цели общего географического описания Сибири, чертеж 176 года был составлен и по специальному поводу, именно для описания тех местностей, где следует “построить крепости” и “посадить драгун” в Тобольском и Верхотурском уездах, для защиты их “от прихода воинских людей”. Об этих специальных целях составления чертежа 176 г. говорят 4-я и 5-я “статьи” “рописи”, которые отмечают те местности, где назначено “быть драгунным” и проч. Остальные же “статьи” (их 22) говорят главным образом о расстояниях между городами и между другими пунктами. Расстояния исчисляются преимущественно по рекам. Начало 1-й статьи: “от Тобольска вверх по р. Тоболу до усть Тавды реки ходу 3 дни” и т. д. Таким путем описана в “рописи” почти вся тогдашняя Сибирь. Крайние пределы этого описания – на востоке р. Амур, на севере рр. Яна и Ковыма. Любопытны в статье 14-й замечания о плодородии на Амуре и о существовании мор-

ского “прохода” с Амура в “Никанское (Японское) царство”, причем оговаривается, что в Китайское государство этим путем якобы нельзя пройти “за льдами”... Также интересны статьи о Мунгалии (ст. 19) и Китае (статьи 20, 21 и 22). Статья 20-я специально посвящена “Китайской городской стене”. В 22-й статье кроме Китая речь идет о городах, лежащих “за Китайским царством” (“город Квинза” и проч.), здесь же упоминается “Индийская земля”, и проч.» [9]. Третий главный источник «Чертежной книги» Ремезова – «скаски» сведущих людей. Этим источником автор пользовался, по-видимому, очень широко: не один раз он говорит о нем. Н.Н. Оглоблин подробно приводит сведения о встрече С. Ремезова и В. Атласова.

В 1892 г. выходит статья Н.Н. Оглоблина «К биографии Семена Ремезова», в которой показано настоящее отчество картографа – Семен Ульянович Ремезов, и здесь же помещен автограф автора.

В 1890 г. в продолжении описания процесса освоения Сибири Н. Оглоблин публикует статью [10], посвященную положению женщин в то время. «Не мудрено, как сильно грубели в такой обстановке сердца этих отважных “землепроходов” и как жестоко отзывалась на бедных инородцах загрубелость русской служилой, промышленной и всякой иной гольтыбы... Кто знает, какими путями пошла бы русская колонизация Сибири и, какой характер она приобрела бы, особенно в отношениях к инородцам, если бы среди русских первооткрывателей этого края люди семейные преобладали над безсемейною вольницею.

Но, к сожалению, первых было меньшинство среди того русского люда, который в XVII веке стремился в Сибирь. Русская женщина и доселе более мужчин привязанная к земле “отцов и дедов” и менее подвижная, не охотно шла в XVII веке в Сибирь и была там сравнительно большою редкостью. Неудивительны после этого слезные “челобитные” русских людей, заброшенных в Сибирь и не нашедших здесь подруг жизни, челобитная о высылке к ним русских “гулящих женок” (гулящих не в нашем обидном смысле, а в смысле свободных, вольных).

Именно с такими челобитными обращались к царю в 1627 и 1630 гг. енисейские “пашенные крестьяне из ссыльных людей”. Челобитная их настолько любопытна, что над ними стоит остановиться подробнее». Н.Н. Оглоблин приводит примеры таких челобитных. Большая часть женщин, с которыми служилые люди заключали браки, были инородки. Н. Оглоблин делает следующее заключение: «Нет нужды распространяться о том, какую позорную роль приходилось им (местным женщинам) играть у своих владельцев. Инородцы хорошо это понимали и не могли

*Выпуск журнала со
статей «Женский вопрос»
в Сибири в XVII веке.*

благодушно относиться к позору своих жен и дочерей. Месть за женщин была одною из главных причин частых бунтов инородческих. И если русские в борьбе с инородцами гибли в значительном количестве, то нельзя не сознаться, что они сами и были главною причиною своей гибели: карающая рука Немизиды делала свое дело...» [10].

В 1890–1891 гг. Н.Н. Оглоблин печатает две статьи о жизни и путешествиях С. Дежнева [11, 12]. Известно, что еще М.В. Ломоносов считал первооткрывателем пролива между Азией и Америкой не Семена Дежнева, а Федота Алексеева [13]. В первой статье [11] автор на основе анализа челобитных С. Дежнева подтверждает мысль Миллера о том, что именно С. Дежнев является полноправным первооткрывателем пролива между Азией и Америкой в результате своего плаванья с устья Колымы до р. Анадырь в 1648 г.

Сам Н. Оглоблин пишет: «Но теперь является возможность отбросить в сторону всякия сомнения в подвиге Дежнева. В столбцах Сибирскаго приказа, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, мне посчастливилось отыскать один документ, который положительно и ясно говорит, что так-называемый Берингов пролив весь пройден Семеном Дежневым в 1648 году: это – первая челобитная Дежнева, поданная им Якутским воеводам в 1662 году, после долголетней службы на реке Анадыре, о выдаче ему заслуженнаго “государева жалованья”, котораго он не получал многие годы, вследствие нахождения на “дальних службах”. Помимо вышеуказаннаго значения, эта обширная челобитная Дежнева важна и в том еще отношении, что представляет довольно полную автобиографию Дежнева, обнимающую время за 1638–1662 гг. Ценность этих сведений несомненна уже по тому одному, что существующия в литературе биографическия данныя о Дежневе касаются очень небольшого периода его жизни за 1647–1658 гг.».

Н.Н. Оглоблин пишет, используя челобитные С. Дежнева: «И я, холоп твой, с ними торговыми и промышленными людьми шли морем, на шти кочах, девяносто человек, и прошед Анадырское устье, судом Божиим те наши все кочи море разбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского разбою на море пот(он)уло и на тундре от иноземцев побитых (sic), а иные голодною смертою померли, итого всех изгубило 64 человеки».

«А я, холоп твой, от тех товарищей своих остался всего дватцатью четырьмя человеки, и тех товарищей моих зимним путем на лыжах, с нарты, – со стыди (т. е. студа, стужи) и з голоду и со всякой нужи, недошед Анандыря реки, дорогою идучи 12 человек безвестно не стало. А я холоп твой на Анандыр реку довололся всего двенатцатью человеки.

Вот и весь рассказ Дежнева о его знаменитом морском плавании! Вся сущность его в том, что кочи Дежнева и его товарищей, выйдя из реки Ковымы, “шли морем” и “прошед Анандырское устье”, потерпели на море крушение, во время которого спаслось на берег 24 человека и из них 12 человек “доволоклись” на реку Анадыр, с Дежневым во главе.

Для всякаго, хотя немного знакомого с картою разсматриваемой местности, вполне ясно, что, идя морем с реки Ковымы, можно попасть на реку Анадыр (пройти мимо его устья) только единственным путем – чрез так-называемый Берингов пролив. Следовательно, никаких сомнений нет, что этот пролив к 1648 году открыт Семеном Ивановым Дежневым» [11].

Анализируя документы, Н.Н. Оглоблин приводит многочисленные биографические данные С. Дежнева, подробно освещает и процесс колонизации северо-восточных территорий России.

В следующей работе [12] Н. Оглоблин впервые упоминает о дате смерти С. Дежнева: «Если Дежнев умер в Москве в 1673 г., то очевидно, что, приехавши туда в декабре 1671 г., он уже и не выезжал из столицы. В первый приезд в Москву в 1664–1665 гг., Дежнев прожил в ней около года, если не больше. Неудивительно, поэтому, что и во второй приезд он снова прожил там более года, если не целых два года (если он умер в декабре 1673 г.). Продолжительность вторичного пребывания Дежнева в Москве естественно увеличилась вследствие предсмертной болезни его.

Итак, кости Семёна Иванова Дежнева покоятся в Москве... Где искать их в Москве – Бог весть! Задача эта почти неразрешимая. В XVII веке не было в Москве общих кладбищ, а хоронили при каждой церкви. Но в приходе, какой именно церкви умер Дежнев – мы не знаем. Да если бы и знали – вряд ли бы, добились каких результатов, так как приходская кладбища московских церквей почти совсем исчезли с лица земли и редко-редко где на церковном погосте попадаются вросшие

Путешествие С. Дежнева.

в землю каменные плиты с выветрившимися надписями. Такая плита могла быть и над могилою атамана Дежнева, имевшего не малые для XVII в. достатки.

Рекомендую эти поиски вниманию знатоков и любителей московской старины. Может быть, счастливая случайность и поможет им. Отыскать могилу этого смелого полярного путешественника, видного представителя того сераго люда, который “кровью и потом” добыл для России “Сибирь – золотое дно” – дело весьма почтенное... Мы так небогаты “знаменитостями” разнаго рода, что не должны пренебрежительно относиться и к памяти Дежнева, бывшего далеко не заурядною личностью...» [12].

И.А. Силаева пишет: «В. Ефимов, говоря об изучении Н.Н. Оглоблиным биографии С. Дежнева, отмечал, что ученый исследовал в 1890-х гг. челобитные знаменитого землепроходца и его товарищей и опубликовал эти документы в ряде статей. Ученый приходит к выводу о том, что Н.Н. Оглоблин, как и Г.Ф. Миллер, не систематизировал сведения о походе С. Дежнева, не раскрыл научного и культурно-исторического значения русских географических открытий XVII в. в Сибири. (А.В. Ефимов указал на ошибку Н.Н. Оглоблина при публикации челобитной Дежнева от 1662 г. о походе к анаулам). Тем не менее, А.В. Ефимов признавал ценность трудов Н.Н. Оглоблина, которые явились новым этапом в изучении истории похода С. Дежнева, экспедиций восточносибирских служилых и торговых людей» [8].

В 1888 и 1891 гг. Н.Н. Оглоблин публикует найденные им в архиве материалы о деятельности известного первопроходца Владимира Атласова, связанной с открытием Камчатки [14, 15]. Вот вкратце как характеризует публикации Н. Оглоблина об Атласове Н.В. Толкачев: «Открытие Н.Н. Оглоблиным знаменитых “скасок” В.В. Атласова привело

к появлению новых статей о первооткрывателе Камчатки. Н.Н. Оглоблин установил, что В.В. Атласов вел ясачные книги, выяснил фамилии раненых в стычке с восставшими юкагирами спутников В.В. Атласова; привел сведения об измене коряков, о японце Денбее, которого В.В. Атласов привез с Камчатки, рассказал о разграблении имущества купца А. Добрынина В.В. Атласовым на р. Ангаре и о следствии по этому делу...» [16]. Высоко оценили опубликованные Н. Оглоблиным «скаски» Атласова классики истории географических исследований на Востоке Л.С. Берг [17] и Д.М. Лебедев [18].

В частности, Н. Оглоблин пишет: «Существующия в нашей литературе сведения об открытии и завоевании Камчатки Владимиром Атласовым: 1) основываются главным образом на показаниях некоторых официальных документов Сибирского приказа и разных сибирских летописей. Показания самого Атласова о знаменитом Камчатском походе 1697–9 гг. не были доселе известны, если не считать нескольких “челобитных” его; 2) да описания Камчатки, записанного сибирскими летописцами в качестве Атласовского рассказа; 3) но как “челобитныя”, так и описание Камчатки очень мало говорят о первом Камчатском походе Атласова.

Отсюда понятно значение найденной мною в Сибирском приказе (в Московском Архиве Мин-ва Юстиции) подлинной “скаска” Вл. Атласова о первом Камчатском походе, записанной с его слов 3-го июня 1700 года в Якутской приказной избе, скрепленной рукоприкладством самого Атласова и присланной в Сибирский приказ Якутским воеводою стольником Дорофеем Афанасьевичем Траурнихтом; 4) В этой “скаска” Атласов очень подробно рассказывает о всех обстоятельствах своего знаменитого похода. Благодаря этому рассказу приходится многое изменить и дополнить, а другое отбросить в наших сведениях об открытии и завоевании Камчатки.

Не менее ценна и другая найденная мною там вторая “скаска” Атласова, снятая с него в Сибирском приказе 10 февраля 1701 года и также скрепленная собственноручною подписью Атласова; 5) Это именно то описание Камчатки, которое фигурирует в сибирских летописях как рассказ самого Атласова. Но самое беглое сравнение летописного текста с оригиналом Сибирского приказа ясно говорит, что под пером сибирских летописцев рассказ Атласова подвергся многим искажениям, пробелам и вставкам; 6) В виду этого издание второй “скаска” Атласова является делом далеко не излишним».

Таким образом, благодаря трудам Н.Н. Оглоблина историко-географы могут установить и процесс освоения восточных территорий, в частности, северо-востока России, и методы, какими пользовались казаки в своих деяниях.

В 1894 г. выходит еще работа Н. Оглоблина, в которой он продолжает рассматривать судьбу Владимира Атласова [19]. Автор приводит краткое содержание статьи: «В дополнение к раньше напечатанным мною новым данным о жизни и деятельности Владимира Атласова, сообщаю еще несколько материалов к его биографии, извлеченных из дел Сибирского приказа, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Новые материалы говорят о следующих событиях в жизни Атласова: 1) о первом его приезде в Москву в 1672–1673 гг., 2) о вторичном его пребывании в Москве в 1701 г., 3) о подготовке 2-го Камчатского похода в 1701–2 гг.

и 4) об ограблении Атласовым в 1701 г. товаров Михаила Белозерова, прикащика гостя Логина Добрынина».

В 1892 г. Н.Н. Оглоблин публикует статью о первом японце, которого В. Атласов привез в Москву, и о его судьбе [20]: «Первым таким японцем был именно тот, которого Владимир Атласов, покоритель Камчатки, нашел на полуострове в 1697–1698 гг. Сведения нашей литературы об этом японце не велики. Миллер не верил показанию Штраленберга, уверявшего, что японец Вл. Атласова был “привезен в Москву”. Но Штраленберг совершенно прав: найденные мною документы Сибирского приказа (в Моск. архиве Министерства юстиции) подтверждают, что в конце 1701 г. японец Денбей привезен был в Москву и здесь оставлен для изучения русского языка и для обучения русских “робят” японскому языку. Оказывается, что Петр В., воспользовавшись пребыванием Денбея, задумал открыть в Москве школу японского языка».

От Денбея мы имеем первые достоверные сведения о некоторых этнографических и географических особенностях японского народа и японских островов.

В 1892 г. выходит статья Н.Н. Оглоблина «Служба в Сибири Демьяна Многогрешного» [21], в которой он отмечает: «М. Насеткин рассказывает, что в 1702 г. он послан был “в камчадалский острог с прикащиком Михайлом Многогрешным (племянник Демьяна Многогрешного – В.С.), для ясачного сбора”. Из анадырского острога шли они до пенжинского острога “на оленях и на собаках”. Здесь построили “суды – карбасы” и “выплыли в Пенжинское устье”. Взявши у ясачных коряков “бойдары”, М. Многогрешный и М. Насеткин с устья р. Пенжины двинулись “морем на Камчатку”, к устью р. Лесной. Отсюда, “поделав нарты и лыжи”, добрались они в камчатский острог.

Из камчатской службы Михайлы Многогрешного М. Насеткин упоминает о двух походах его против “немирных камчатских мужиков” – к устью р. Камчатки и в “Курильскую землю”. Во время первого похода видели они “против Камчатского устья” остров, но “какие на том острове люди есть” и преж сего на том острове русские люди бывали-ль – того де он, Михайло, ни от кого не слышал. В “Курильскую землю” ходил М. Многогрешный с отрядом в 50 человек. В этом походе проводали они “от Курильского острогу дале в Нос земли, и от того-де места дале земли в Нос нет – пришло море, только видеть в море за переливами (т. е. – проливом) земля (т. е. – Курильские острова), а проводить-де той земли не на чем – судов морских и судовых припасов нет” <...> Это – одно из наиболее ранних свидетельств о начале знакомства русских с Курильскими островами». С. Крашенинников отмечает, что Михаил Многогрешный бывал на Камчатке еще до В. Атласова.

В 1892 г. вышла в свет еще одна работа Н.Н. Оглоблина [22], посвященная путешествию на Алеутские острова в 1764 г. тобольского купца И.М. Соловьева, в которой автор рассматривает процесс взаимоотношения местного алеутского населения и русских колонизаторов, подчеркивая очень жесткое отношение русских к местному населению.

Большое количество работ Н.Н. Оглоблина 1896–1904 гг. посвящено различного рода бунтам сибирских жителей, вызванным недовольством местных властей, склоками князей и воевод и т. д. [23–25 и др.]. Эти очерки интересны как собственно исторический источник для познания истории страны, но хотелось бы привести отрывок из текста самого Н.Н. Оглоблина: «Насколько грандиозны были воеводские злоупотребления в Сибири, настолько же поражают своими размерами и вызванные ими бунты. Иногда бунты длились по несколько лет, переходя в открытые военные действия против воевод и их сторонников, которых возставшее население держало “в осаде” и преследовало всячески, воеводам “отказывали от воеводства” или прямо изгоняли их из городов. На место упраздненной воеводской власти, или совместно с нею, служилые люди избирали своих выборных властей – “выборных судеек” и др., заводили “мирские круги, советы, думы”, руководившие борьбою с воеводами и всем вообще движением. При отсутствии воевод эти “воровския (то-есть, незаконныя, вольныя) думы” брали на себя все функции воеводской власти и отправляли на месте всякия “государевы дела”. Конечно, такие возстания были только временными явлениями, и редко сибирским служилым людям удавалось надолго оградить себя от “лихих воевод”. На место изгнанных населением, или смененных по его челобитьям воевод, приезжали из Москвы другие, которые жили первое время еще “с опаскою”, в виду местных “воровских (то есть вольных) людей”, а потом все забывалось и снова затягивалась старинная песня на бесконечную тему воеводских злоупотреблений, тянувшаяся вплоть до новаго взрыва народного негодования, с новым изгнанием или сменою зарвавшихся воевод и т. д. и т. д. Иные из сибирских служилых и жилецких людей не мирились с такими “порядками” родной земли и уходили искать “новых землиц”, где можно было бы “жить особо” если не “от великаго государя” (бывал и этот мотив), то хотя “от лихих воевод”. Уходили “за окян, на острова”, за Байкальское море, в Даурию и т. п. Образовался многочисленный и предприимчивый класс “охочих служилых людей”, которые на свой риск и страх шли открывать новыя земли (открытия Семеном Дежневым Берингова пролива, Ерофеем Хабаровым р. Амура и т. п.)» [23].

В 1902 г. опубликована работа Н.Н. Оглоблина [26], в которой приведена челобитная по организации экспедиции Бахова в 1754–1756 гг.

Возможно, если бы жизнь за Уралом была сытая, законная, обеспеченная землей и занятиями местного населения, и не имели бы мы сейчас такую громадную и необъятную родину.

На переломе веков выходит обширная работа Н.Н. Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)» (в четырех частях за 1895, 1898, 1900 и 1902 гг.), в которой автор приводит самые разнообразные документы по истории Сибири и также касается некоторых историко-географических проблем. Первый том в издании Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете под заглавием «Часть I. Документы воеводского управления» был удостоен Академией наук премии им. И.М. Сибирякова, специально предназначенной для работ по истории Сибири. Эти книги до сих пор служат важной источниковой базой для современных историков. В частности, в одной из своих историографических работ И.А. Силаева, характеризуя работы Н.Н. Оглоблина, приводит сведения о том, что автор публикует документы («отписки») тарского (1704 г.) и тюменского (1706 г.) воевод и других о наличии проектов постройки острогов, чертежей городов и др. В частности, она пишет, что дела о ремонте острогов раскрывают подробности строительства Тобольской крепости за 1637/38–1699/1700 гг. и содержат ценные описания ее укреплений [27, с. 175]. При этом Н.Н. Оглоблин указывал на хорошее исполнение чертежей перьевой техникой [Там же, с. 162]. Н.Н. Оглоблин приводит документы и о добыче и плавке различных руд: «Оглоблин выделил роспись 1671/72 г., составленную Хитрово, отражающую опыт К. Дробыша с подробным описанием плавки Устюжской и Тобольской руд» [Там же, с. 187]. Наиболее подробный анализ и выявление значения «Обозрения...» приведен И.А. Силаевой в 2013 г. в работе «К оценке Н.Н. Оглоблина как сибироведа в отечественной историографии». В частности, И.А. Силаева отмечает: «Первая часть его “Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)”, которая была издана в 1895 г., получила высокую оценку ученых. Так, по мнению В.С. Иконникова, обилие данных и систематизация материала в “Обозрении...” позволяют причислить этот труд к числу самых обстоятельных и ценных исследований по истории» [8].

Как показано Л.И. Шохиним, «Обозрение...» Оглоблина было напечатано благодаря поддержке В.О. Ключевского. С помощью сибирского мецената Г.В. Юдина Н.Н. Оглоблин продал опубликованные экземпляры «Обозрения...» и вскоре написал третью и четвертую части этого труда [28, с. 208].

В 1990-е гг. в самом архиве стали проводиться активные реформы. Пришедший к руководству архивом Д.Я. Самоквасов считал, что «Обозрения...» должны писать исследователи-историки, а архивисты должны заниматься составлением описей документов, номенклатуры, каталогов и т. д. В своей работе «Архивный инвентарь» 1896 г. Д.Я. Сомоквасов подверг резкой критике работу в архиве Н.Н. Оглоблина, в частности, он пи-

сал: «А между тем, на “Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа”, ограничившее свою первоначальную задачу (6903 номера групповым обозрением содержания только 3325 номеров столбцов и книг (предисловие стр. 4 и 5), затрачено автором 8 лет, и длилось бы оно еще не известное количество времени, если бы не было прервано распоряжением высшей архивной администрации, как работа дорого стоящая, нарушающая установленный порядок архивной службы, мало полезная в научном отношении и бесполезная для архива» [29, с. 17]. Известный историк А.А. Кизеветтер уже в эмиграции признавал: «В сущности Самоквасов был прав. Только проводить эту реформу можно было бы более тактично» [30]. Вместе с тем, как отмечает Л.И. Шохин: «Д.Я. Самоквасов по инициативе Н.Н. Оглоблина в 1893 г. распорядился выбирать старинные чертежи для отдельного хранения и описания, чтобы не оставлять их в рассыпанных столбцах Сибирского, Разрядного и Поместного приказов, откуда многие из них бесследно исчезли» [31, с. 55].

*Дмитрий Яковлевич
Самоквасов.*

Вследствие прекращения ученой деятельности архива при новой администрации под руководством Д.Я. Самоквасова и после такой критики, в марте 1897 г. Н.Н. Оглоблин вышел в отставку. С оценкой Д.Я. Самоквасова о незначительности трудов Н.Н. Оглоблина для русской истории поспорят многие авторы, в том числе и современные [8, 32, 33].

После отставки исторические работы исследователя стали появляться все реже и реже, но в «Историческом вестнике», «Русском богатстве», «Вестнике Знания» и других изданиях печатались его путевые заметки и результаты наблюдений за провинциальными, в особенности деревенскими, настроениями предреволюционной поры. Выступая как публицист, Н.Н. Оглоблин путешествовал по малым рекам центра России, анализировал жизнь провинции, большое внимание уделял становлению и развитию транспорта, в основном речного.

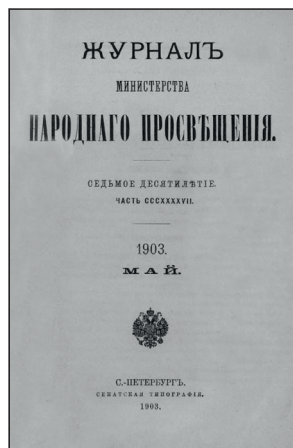
В 1901 и 1903 гг. Н.Н. Оглоблин «прожил в Василе (Васильсурске – В.С.) два лета» [2], которые затем описал в книге «Город Василь», вышедшей в 1903 г., и в с. Благовещенском, ныне Нижегородской области.

В 1901 г. Н. Оглоблин совершил путешествие по р. Ветлуге, которое описал в 1902 г. [34]. Ветлуга – левый приток р. Волги длиной 890 км. Читая рассказ, мысленно переносишься в начало XX в., когда по Ветлуге

шел интенсивный сплав леса, вся река была забита плотами, на пристанях работало большое количество бурлаков, сопровождавших плоты. Вместе с Н. Оглоблиным мы оказываемся в старом русском городе Козьмодемьянске. (О происхождении названия города существует следующее предание: Иван Грозный, возвращаясь после покорения Казани вверх по Волге, 1 ноября 1552 г., в День святых бессребреников Козьмы и Дамиана, остановился на ночлег там, где теперь расположен г. Козьмодемьянск. Местность ему понравилась, и он распорядился основать здесь крепость во имя этих святителей. Первыми поселенцами стали стрельцы и однодворцы, впоследствии к ним присоединились новокрещенные. После сюда переводились и переселялись люди из Свияжска и Нижегородской губернии). Затем пароход проходит Варнавино (в 1417 г. монах из Великого Устюга Варнава Ветлужский основал здесь пустынь, ставшую затем монастырем, вокруг которого выросло старое село), Ветлугу (в 1778 г. селение купил генерал губернатор А.П. Мельгунов, который сделал его уездным городом; усилиями именно этого губернатора и Усть-Сысольск был преобразован в уездный город). Вместе с Н. Оглоблиным мы, читая рассказ, переживаем за судьбу путешественников и экипажа парохода «Иван».

В 1903 г. в Журнале Министерства народного просвещения выходит статья Н. Оглоблина «Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века», восполняющая пробелы в наших знаниях о процессе освоения и изучения Русского Севера. «Заметки говорят главным образом о следующих девяти мореходах – Михаиле Стадухине, Иване Реброве, Василии Бугре, Елисее Бузе, Иване Ерастове, Прокофии Брагине, Иване Беляне, Василии Власьеве и Юрии Селиверстове. Из них более известны Стадухин и Селиверстов, первый как соперник, а второй как сотрудник Дежнева по Анадырской службе. Известны несколько плаваний Е. Бузы, Реброва и Власьева, остальные же мореходы доселе неизвестны. Кроме этих девяти лиц, которым посвящены отдельные заметки, в тексте упоминаются многие другие мореходы» [35, с. 38]. Надо отметить, что в дальнейших работах по истории освоения казаками Северо-Востока России данные этой статьи упоминаются почти всеми исследователями. Высокую оценку трудам Н.Н. Оглоблина как историко-географа дал критик многих классических работ, известный исследователь освоения Востока России П.И. Полевой: «На рубеже XIX–XX вв. самыми полезными по истории географических открытий были работы известного московского архивиста Н.Н. Оглоблина. На основе документов XVII–XVIII вв., хранившихся в архиве Министерства юстиции, он написал ряд ценных работ по истории первоосвоения русскими восточных земель Азии. Правда, и в них порою встречались те или иные неточности (например, при освещении биографии В.В. Атласова)» [36].

В мае 1904 г. Н. Оглоблин совершил путешествие по р. Вятке. Когда он приехал в Нижний Новгород, оказалось, что отсюда парохода на Вятку нет. Пришлось добираться на другом судне до Казани. Оттуда на пароходе «Надежда» вниз по р. Волге, затем вверх по рекам Каме и Вятке. Путешественник отмечает, что регулярное пароходство на Вятке началось с 1870-х гг. и одним из первых пароходовладельцев был купец Булычев (основатель Кытловского женского монастыря). Оглоблин пишет: «Если не придирается строго к “вятской простоте”, то с вятчанами жить можно и сойтись с ними не трудно: это народ добродушный, мягкий, общительный, несмотря на кажущуюся суровость, замкнутость и грубоватость [37, с. 102]». 16 мая путешественник прибыл на Вятку: «Красива с реки часть города, расположенная по гребню высот, – так называемый “кремль”, т. е. невысокая белая стена, окружающая кафедральный собор, архиерейский дом, девичий монастырь и проч. Тут же по гребню, на самом поэтическом месте расположены не самые поэтические учреждения (как в Симбирске, Нижнем и других городах) – казенная палата, губернское правление и т. п. Пониже, на соседних террасах, тянутся городские улицы, а скат к пристаням покрыт садом, который при нашем приходе весь был усеян толпами народа, глазевшего, как “Надежда” лавировала, подходя к пристани. Набережная в Вятке очень тесная: узенький бечевник у подошвы высот застроен вдобавок рядом домов и складов. Выше пристани, на песках, масса плотов, спустившихся сверху» [Там же, с. 61]. Особо подробно автор описал условия сплава леса по р. Вятке.

*Герб города
Васильсурска.*

*Герб города
Козьмодемьянска.*

*Герб города
Ветлуги.*

В 1904 г. Н. Оглоблин печатает очерк путешествия по р. Сура на пароходе «Чайка» [38]. Пароход ходил между Васильсурским и Курмышом. Оглоблин отмечает: «Та часть р. Суры, по которой рейсировала это лето “Чайка”, довольно интересна и заслуживает внимания туристов. Прежде всего, тут любопытны два старинных городка – Ядрин и Курмыш. Остальные пристани – известный мужской черемисский монастырь, с. Засурье, устье рч. Вылы и заводы бр. Таланцевых, выше Ядрина» [Там же, с. 101]. В очерке читаем, что, несмотря на наличие пароходов на реке, довольно распространена конная тяга, когда кони тащат вверх и вниз по реке плоты и баржи – первобытный век. Вот краткое описание г. Ядрина: «Издали представляется, что город стоит на искусственном прямом валу, тянущемся параллельно реке. Три церкви города (не считая кладбищенской) сосредоточены в центре, у берега, очевидно, там, где в старину был “острог” (крепость). Все церкви старинные, а особенно соборная колокольня (совсем другого типа, чем самый собор) и Архангельская церковь – низенькая, с крошечными 5 главками-боровичками. Садов в городе мало и постройки больше деревянные, небольшие» [Там же, с. 109]. Второй город – Курмыш: «Город удивительно похож на Ядрин, только, кажется, меньше его, но также растянулся по такому же возвышенному левому берегу, точно также отделенному от реки займищем, с теми же 3 церквами в центре города, причем одна из них (собор?) до буквальности похожа на Ядринский собор (очевидно, строилась одним мастером). Если вы заснете в Курмыше и проснетесь в Ядрине, то невольно подумаете, что пароход и не трогался из Курмышы...» [Там же, с. 110].

В 1904 г. Н.Н. Оглоблин публикует заметку о посещении г. Макарьева, где он осмотрел образованный в 1439 г. преподобным Макарием Унженским и Желтоводским монастырь [39].

В 1905 г. Н. Оглоблин опубликовал свои впечатления о двух поездках на легендарное озеро Светлояр Нижегородской губернии [40]. Для каждого русского человека это озеро является священным. Здесь на глубине якобы существует затопленный град Китеж, который живет своею жизнью. Н. Оглоблин красочно описывает собирающихся на озере 23 июня на День Владимирской иконы Богомольцев. Если в начале XIX в. сюда приходили в основном староверы и вели свои богомольные разговоры, то в начале XX в. староверов стало меньше, но они также упорно вели свои споры с представителями современной церкви. Озеро имеет правильную овальную форму, его глубина более 30 м. Многие геологи считают, что своим происхождением озеро обязано упавшему здесь метеориту [41]. Среди староверов было распространено поверие – чтобы отмолить грехи надо на коленях обойти озеро вокруг три раза, т. е. пройти около 9 км, а для того чтобы пообщаться с жителями Китежа староверы пускали по

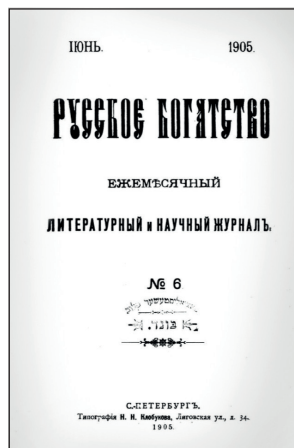

Бассейн реки Волги.

воде зажженные свечи – так жители видели, что еще остались на земле поборники «настоящей» веры. Рассказ Н. Оглоблина показывает, как тонко писатель умеет подмечать характеры своих героев, – это и перешедший в новую веру поп, бывший старOVER, и мудрые простолюдины, и безобразные в своем безверии представители современного «образованного» общества. Автор отмечает, что старые традиции уходят и скоро споры о церковных делах и разногласиях уступят место рассуждениям о путях развития народа.

В наше время на берегах озера, которое сейчас является памятником природы и находится под охраной государства, также собираются русские верующие люди и многочисленные туристы. И сейчас на берегу стоит церковь, рядом находится камень, который хранит «след Богоматери» – выемку, похожую на след ноги. Также можно и нужно окунуться в воду святого озера и обойти его по деревянным мосточкам.

В 1906 г. Н. Оглоблин путешествовал по р. Белой. В Казани он сел на пароход «Златоуст». Билет от Казани до Уфы стоил 9 руб. Среди богатств края Н. Оглоблин отмечает в первую очередь лес, зерно, рыбу (приводит сведения о наличии осетров, белуги и др.) и обращает внимание на полное пренебрежение местных предпринимателей минеральными богатствами. Уже тогда были известны выходы нефти: «На р. Белой выше Стерлитамака на поверхности реки постоянно выступают в изобилии несомненные нефтяные пятна. Кто-то из местных жителей делал тут необходимые изыскания и был близок к желанным результатам, но недостаток личных средств заставил его бросить дело, не доведя до конца, а чужих капиталов он не сумел привлечь» [42, с. 63].

В статье Оглоблин описывает путешествие, отмечает красоту берегов, характер р. Белой, особенности плавания, приводит и небольшое описание Уфы: «На другой день мы отправились познакомиться с Уфой, принадлежащую к числу самых молодых губернских городов (возведен в этот ранг в 1865 г.). Довольно обширный город, напоминающий массою садов и деревянных домов г. Симбирск, расположен на высоком полуострове, омываемом р. Белою. В последнюю впадает выше р. Уфа, судоходная на некотором расстоянии. Недурны виды города от реки, но еще лучше виды из города на окрестности, особенно на р. Белую, к паро-

Озеро Светлояр.

ходным пристаням и выше, где реку пересекает железнодорожный мост. Но роскошный вид из сада Случевского (подаренного им городу) на “Старую Уфу” (часть старинного города) и на р. Белую, с ее заречными далями, видными из сада на протяжении 30 верст и более, – один из лучших русских видов, напоминающий подобные заречные виды Киева, Нижнего, Васильурска, Симбирска и т. п.» [42, с. 70].

В мае 1909 г. Н. Оглоблин совершил путешествие по р. Мологе от Рыбинска до Устюжны на пароходе «Виктор». Он отмечает, что два года назад он уже путешествовал по Мологе и доходил на пароходе до Вьсыгонска. Цена билета первого класса – 5 руб. «Небольшой г. Молога (более 4 тыс. жителей) красиво раскинулся на самом устье р. Мологи. Близко к реке сгрудились в одном несколько возвышенном месте древние храмы, а дальше по берегу протянулись дома, окруженные садами, сбегаящими к реке. Город далеко вытянулся вверх по Мологе, заканчиваясь церквями и др. зданиями старинного женского Афанасьевского монастыря (XVI век)» [43, с. 22]. Пристаней на р. Мологе 12: г. Молога, Часково, Иловна, Трезубово, Борисоглеб, Перемуть, Ламь, г. Вьсыгонск, Липняки, Моденский монастырь, устье Чагодищи и г. Устюжна.

Выше Мологи пароход подходит к Вьсыгонску. «Маленький городок (3500 жителей) выходит на реку небольшой, но лучшею своею частью – рядом каменных домов, собором и др. церквями. Но остального города почти сплошь деревянного, с реки не видно. В час можно обойти весь городок и не заметишь на его улицах ни малейшей жизни, если вы попали не в базарный день» [Там же, с. 30]. Помимо описания реки и судоходства многие замечания Н. Оглоблина имеют ценный исторический и этнографический характер. Например, отмечая неразвитость и запустение многих промыслов, автор пишет: «Падение кустарного производства гвоздей заставило кустарей обратиться к другим промыслам. Часть гвоздарей превратилась в точильщиков и бродит по России с точильными станками, точит ножи, косы и пр. Особенно славятся моложские точильщики

Герб города Макарьева.

Герб города Мологи.

Герб города Устюжны.

пил (редкая и ценная специальность, хорошо оплачиваемая). Эти точильщики ходят даже за границу – в Швецию, Норвегию и др., и приносят домой по 300–400 руб.» [43, с. 32].

Конечной целью путешествия была старинная Устюжна: «Особенно красив подход к г. Устюжне и вид на самый город, разметавшийся за крутым кривулем реки, по возвышенностям обоих берегов Мологи. Главная часть города лежит на правом берегу, а предместья – на левом. В старину город назывался Устюжной Железопольской, так как около него и в уезде добывались железные руды, теперь забытые и заброшенные. Вид на город не дурен издали, но вблизи строения, выходящие на реку, очень неказисты. Лучшая часть города лежит за гребнем береговой возвышенности и с реки не видна. Только отовсюду высятся главы многочисленных для такого небольшого города 13 церквей, между которыми есть и довольно старинные. В центральной части города – широкие и частью мощеные улицы, обширная базарная площадь, с гостинным двором, встречаются большие каменные дома, в том числе женская гимназия и реальное училище. В общем, Устюжна представляется довольно благоустроенным городом. В промышленном отношении он играет значительную роль, как центральный пункт обширного лесного края» [Там же, с. 42].

В 1909 г. Н. Оглоблин проплыл по Шексне до Череповца на пароходе «Владимир». В рассказе «На Шексне» [44] он описывает свое путешествие по этой реке. Автор отчалил 1 мая. Проплыл сначала от Рыбинска до Череповца (вернее, до пристани Чайка, лежащей у начала Белозерского канала, в шести верстах от истока р. Шексны из Белого озера) на пароходе «Великий князь Владимир», а возвратился по этой реке на пароходе «Надежда» в «конце мая» по маршруту от Кириллова до Рыбинска. Так же как и в других очерках, Н. Оглоблин дает описание реки, особенностей берегов, сплава и строения плотов, состояния пароходного дела. Нижняя часть реки незарегулирована, и многочисленные баржи и пароходы поднимают вверх в основном зерно и другие грузы. Часть судов разгружается на станции Череповец, часть поднимается вверх по Мариинскому водному пути. Раньше р. Шексна называлась «Шехонь». Автор отмечает, что на реке славится своим вкусом шекснинская стерлядь. «Особенно красивы высоты древних берегов на верхнем плесе, выше шлюзов. Наибольшей высоты они достигают у пристани Горицы (Горицкий женский монастырь). Выше Гориц очень красив тот пункт, где река идет узким ущельем между двумя довольно крутыми горами, выбежавшими на самую реку с обоих берегов. На обоих горах красиво расположены среди рощи церкви двух погостов – Никольское и Городок. Имя последнего, говорит о существовании здесь в старину какого-то города» [Там же, с. 76]. На левом притоке р. Согожи расположен г. Пошехонье. По Шексне Н. Оглоблин перечисляет основные

пристани: г. Рыбинск, Вольское, Вороны, Всесвятское, Конгоры, Воятицы, Борочок, Ягорба, Козьмодемьянск, Спас-Мякса, Борки, Вахново, Любец, Луковец, г. Череповец. «Зато, на верхнем плесе Милютинское пароходство везде имеет настоящие пристани (кроме одной): Судьбицы, Устье Угольское, Анисимовы гряды, Черная Гряда, Сизьма, Ниловицы, Топорня, Иванов Бор (фиктивная пристань), горицы и Чайка. 2 пристани верхнего плеса с часовнями двух древних монастырей: В Топорне – Ферапонтова (в 12 в. от пристани) и в Горицах – Горицкого (оба женские). На среднем плесе пристань Борки имеет часовню от нового Леушского жен. монастыря» [44, с. 81].

В начале мая 1910 г. Н. Оглоблин отправляется по большой воде в путешествие на пароходе «Ломоносов» по маршруту Вологда – Архангельск. «В половодье пароходы идут от Вологды до Архангельска около 3,5 суток, обратно – около 5 суток, в малую же воду – вниз около недели, вверх гораздо больше» [45, с. 14]. Кстати, стоимость каюты первого класса – 12 руб. Монополистом на этих реках являлось «Северное пароходное общество».

Н. Оглоблин отмечает, что, несмотря на то, что почти все пароходы работают на дровах, на реке много складов нефти и керосина, принадлежащих Нобелю, и конкуренцию ему может составить только Ухтинская нефть. Понятно, что Нобелю разработка ухтинских промыслов была совершенно не нужна, и не удивительно, что в литературе везде отмечается, что агенты Нобеля всегда стремились препятствовать бурению и разведке на Ухте. Значительная часть пассажиров парохода состояла из студентов, работавших в переселенческих организациях, при этом Оглоблин отмечает, что работы по переселению идут очень неважно. Большую часть очерка автор посвятил описанию берегов рек Сухоны, М. Двины и С. Двины (особенно отмечены красота берегов в районе Сухонских Опок). Во всех очерках Н. Оглоблин обращает внимание на своеобразие сплава по рекам

Герб города Рыбинска.

Герб города Череповца.

Герб города Кириллова.

плотов. К сожалению, во время путешествия автор не сходил на берег, кроме остановки в Архангельске, поэтому практически не зафиксированы взаимоотношения людей, их образ жизни. Интересно его описание погрузки на пароход множества рабочих, ехавших на заработки на Мурман: «Большинство их молодежь, много женщин и девушек, поражающих пестротой своих разноцветных платьев – красных, зеленых, оранжевых и т. д., с головными платками разных рисунков: по желтому полю рассыпаны красные цветы и т. п. Но мужчины в скромных черных костюмах. Среди них немало было пьяных, которых неохотно пускали на пароход. Много было провожатых, иные горько плакали, расставаясь надолго, а может быть, и навсегда: мурманские промыслы берут не мало жертв. При прощании здесь не целуются, а только “милуются” по монашески – прикасаются щеками друг к другу. Это – один из старорусских обычаев, которых вообще сохранилось не мало на севере России, где также довольно чистыми уцелели древнерусские типы, говор, костюмы и проч.» [45, с. 54]. 13 мая Н. Оглоблин вернулся в Вологду на том же пароходе.

28 мая 1911 г. Н. Оглоблин на пароходе «Преподобный Зосима» отошел от Вологды, в Устьеге пересел на староватый «Сольвычегодск». Кстати, билет первого класса от Вологды до Усть-Кулома стоил 15 руб. 50 коп. (для сравнения: жалование матроса составляло всего 13 руб.). «Пристаней на р. Вычегде очень мало – всего 18 на протяжении 670 верст, не говоря уже о том, что кроме трех (в Ульянове монастыре, в Усть-Выми и в Усть-Куломе), пароходы пристают прямо к берегу» [46, с. 28]. Н. Оглоблин дает очень подробную гидрографическую характеристику Вычегды, описывает полезные ископаемые, которые встречаются в ее долине: «Берега Вычегды и рек ее бассейна богаты полезными ископаемыми, почти не тронутыми. Часто встречается железная руда – например, около г. Яренска, у с. Гама, по р. Сыsole и ее притокам и др.» [Там же, с. 29]. Интересны сообщения: «У пристани Гама несколько лет назад некто Галин (иностранец) делал разведки по берегам Вычегды и нашел богатейшие и превосходного качества железные и медные руды. Он сделал заявление об отводке, началась наша обычная канцелярская волокита, конца которой Галин не дождался и умер» [Там же]. Вот это по-нашему, по-русскому!

«Главное же богатство Вычегодского края – леса, местами еще девственные, куда не ступала человеческая нога» [Там же], – с восхищением отмечает автор. Очень подробно и со знанием дела Оглоблин рассматривает сплав леса по Вычегде, обращая внимание на особенности плотов, строений и т. д. Собственно описаний селений у автора почти нет, только несколько слов о Сольвычегодске (отмечает, что в городе 12 церквей), Усть-Выми, Усть-Сыольске (отмечает большое количество учебных заведений и до семи церквей). Значительное место уделено описанию пу-

Пароход «Преподобный Зосима». 1911 год.

Пароход «Сольвычегодск». 1909 год.

тей с Вычегды на Ухту. Это и понятно, поскольку освоение Ухты было тогда чрезвычайно актуальной темой. В заключении статьи Н. Оглоблин подробно описывает путь с Вычегды на Каму через старинный Екатерининский канал. Он пишет: «Будем надеяться, что Старый Екатерининский канал, проработавший более ста лет, несмотря на свое заброшенное состояние, скоро дождется полного восстановления и в том виде, чтобы по нему круглое лето могли проходить не одни лодки, тихвинки и шняки, но и пароходы с баржами. Тогда на Каму потянутся не одни вычегодские, но

и печорские, и северо-двинские грузы. А о камских грузах, и теперь движущихся через канал на Вычегду, нечего и говорить» [46, с. 34].

Родословные и биографические данные о Н.Н. Оглоблине приведены в очерке исследователя его творчества Николая Морохина, журналиста, доктора филологических наук: «Зацепившись за сказанные в очерке “Старый Макарий” слова о Киеве, можно узнать еще немного. И в украинских интернет-ресурсах найти краткую справку о человеке с такой же фамилией, известном ученом-богослове: “Оглоблин Николай Яковлевич (1814–1877) – протоиерей и ключарь Киево-Софийского кафедрального собора. Учился в Киевской духовной академии; был преподавателем духовной семинарии и института благородных девиц. Отдельно изданные труды его: “Пособие к повторению уроков о церковном богослужении” (Киев, 1862) и “Дополнительный Требник” (Киев, 1866, под редакцией Н.Я. О. и прот. И.А. Гошкевича). В местных изданиях Оглоблин напечатал до 50 статей по церковной истории, археологии, библиографии и др.”»

В электронном путеводителе по Российскому центральному архиву литературы и искусства догадка о родстве этих людей получает полное подтверждение. Там значится фонд Николая Яковлевича Оглоблина (без указания, кто это) и говорится, что материалы поступили от его сына Николая Николаевича в 1906 году. Удалось найти сведения и о младшем брате Николая Николаевича Владимире. Он родился в 1854 г., также окончил Киевскую духовную академию, затем университет и стал известным ученым-химиком – работавшим вместе со знаменитым Владимиром Васильевичем Марковниковым (нашим земляком!) и создавшим красители для тканей.

Зато по очеркам легко отследить многие моменты его пребывания в Нижегородской и соседних губерниях. В 1901 г. – в мае Оглоблин едет из Нижнего Новгорода в Козьмодемьянск, затем поднимается по Ветлуге до города, носящего имя этой реки, и возвращается назад, сделав на несколько дней остановку в Василе (Васильсурске). В этом городе, по его собственному признанию, он оказывается тогда впервые и с огромным интересом знакомится с его историей, обследует окрестности. В 1902 г., судя по очерку “Василий Тюлин”, он не один месяц живет в Прудовке и Благовещенском – деревне и селе, которые сейчас входят в Воскресенский район и стоят на ветлужском берегу. В июне 1903 г. снова приезжает в Васильсурск и плывет на пароходе по Суре. В начале мая 1904 г. он спускается откуда-то по Волге в Нижний Новгород, там пересаживается на пароход до Казани, откуда добирается по рекам в Вятку, дальше возвращается в Козьмодемьянск, поднимается по Ветлуге из Козьмодемьянска в Воскресенское, живет больше месяца в Благовещенском, совершает оттуда поездку на озеро Светлояр. И только в конце июня возвращается обратно через Козьмодемьянск. В 1905 г. – летом он снова в Прудовке

и Благовещенском, где общается с короленковским персонажем перевозчиком Тюлиным. В мае 1908 г. совершает весеннюю поездку от Козьмодемьянска до Ветлуги и обратно. В мае 1909 г. вновь спускается по Волге в Нижний Новгород, откуда едет парохомом по Клязьме и возвращается в сторону Москвы по Оке» [3].

Часто после 1902 г. Н.Н. Оглоблин проживал у своего брата В.Н. Оглоблина в г. Орехово-Зуеве, который работал там управляющим на фабриках Саввы Морозова. Владимир Николаевич (1854 – после 1917) – химик. Учился в Киевской семинарии и университете св. Владимира на физико-математическом факультете, по окончании которого служил лаборантом химической лаборатории Московского университета, где под руководством профессора В.В. Морковникова занимался исследованием кавказской нефти и написал «Исследование кавказской нефти» (Санкт-Петербург, 1882). Эта работа была удостоена премии профессора Зинина. С 1891 г. руководил техническими работами (технический директор) ситценабивной фабрики А.И. Новикова в г. Ивано-Вознесенске, занимал эту должность до 1905 г. Написал большое количество работ по технологии окрашивания тканей, о хлопчатобумажной промышленности в Туркестане и др.

Как сложилась жизнь Н.Н. Оглоблина после 1919 г. неизвестно. Мы знаем лишь то, что Оглоблины покинули Орехово-Зуево и уехали за границу [47].

Литература:

1. Морохин, Н. Тень Николая Оглоблина / сост.: Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов // Оглоблин Н. Речные проселки. – Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2010. – С. 3–9.
2. <https://vorotlitmap.jimdo.com> (дата обращения: 15.05.2025).
3. <http://www.varnavino.ru/ten-nikolaya-ogloblina.htm> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Оглоблин, Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII, заключающихся в книгах Разрядного приказа / Н.Н. Оглоблин. – М., 1884. – 369 с.
5. Оглоблин, Н.Н. Герард Миллер и его отношение к первоисточникам / Н.Н. Оглоблин // Библиограф. – 1889. – № 1.
6. Оглоблин, Н.Н. К вопросу об историографе Миллере / Н.Н. Оглоблин // Библиограф. – 1889. – № 8–9.
7. Каменский, А.Б. К вопросу о становлении русской исторической науки / А.Б. Каменский // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова: сб. статей / отв. ред. Н.М. Рогожин. – М., 2012. – С. 276–289.

8. Силаева, И.А. К оценке Н.Н. Оглоблина как сибироведа в отечественной историографии / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – Т. 1, № 4 (80). – С. 60–65.
9. Оглоблин, Н.Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. Изд. ред. журн. «Библиограф» (Н.М. Лисовского) / Н.Н. Оглоблин. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – № 1. – 12 с.
10. Оглоблин, Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1890. – Т. XLI. – С. 195–207.
11. Оглоблин, Н.Н. Семен Дежнев (1638–1671 гг.). Новые данные и пересмотр старых / Н.Н. Оглоблин // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1890. – Ч. CCLXXII. – Отд. 2.
12. Оглоблин, Н.Н. Смерть Семена Дежнева в Москве в 1873 г. / Н.Н. Оглоблин. – СПб., 1891.
13. Дитмар, А.Б. М.В. Ломоносов как историко-географ / А.Б. Дитмар // М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения. Тез. докл. конф. – Архангельск, 1986. – С. 166–168.
14. Оглоблин, Н.Н. Новые данные о Владимире Атласове / Н.Н. Оглоблин // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1888. – Кн. I. – Отд. 9. – С. 1–30.
15. Оглоблин, Н.Н. Две сказки Вл. Атласова об открытии Камчатки / Н.Н. Оглоблин. – М., 1891.
16. Толкачева, Н.В. Российские историки о Владимире Атласове / Н.В. Толкачева // «Камчатка разными народами обитаема». Материалы XXIV Крашенинник. чтений. – Петропавловск-Камчатск, 2007. – С. 174–179.
17. Берг, Л.С. Открытие Камчатки Владимиром Атласовым / Л.С. Берг // Вестник АН СССР. – 1949. – № 8. – С. 322.
18. Лебедев, Д.М. География в России Петровского времени / Д.М. Лебедев. – М.-Л.: Наука, 1950. – 383 с.
19. Оглоблин, Н.Н. К биографии В. Атласова / Н.Н. Оглоблин // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1894. – Кн. I.
20. Оглоблин, Н.Н. Первый японец в России / Н.Н. Оглоблин // Русская старина. – 1891. – № 10. – С. 11–24.
21. Оглоблин, Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного / Н.Н. Оглоблин // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – Киев, 1892. – С. 149–170.
22. Оглоблин, Н.Н. Путевые заметки морехода И.М. Соловьева / Н.Н. Оглоблин // Русская старина. – 1892. – № 9, 10.
23. Оглоблин, Н.Н. Красноярский бунт. 1695–1698 (К истории народных движений XVII века / Н.Н. Оглоблин // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. CCCXXXV. – № 5. – СПб., 1901.

24. Оглоблин, Н.Н. К истории Томского бунта 1648 года / Н.Н. Оглоблин // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете за 1903 г. – М., 1903.
25. Оглоблин, Н.Н. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина (Очерк из жизни XVII века) / Н.Н. Оглоблин // Русская старина. – 1886. – Т. 96, № 1. – С. 205–224.
26. Оглоблин, Н.Н. К истории полярной экспедиции Бахова и Шалаурова в 1757–1760 гг. / Н.Н. Оглоблин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – № 6. – Отд. 2.
27. Силаева, И.А. Документы по истории воеводского управления и служилого люда Сибири XVII столетия в оценках Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 8 / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – Раздел 2. – Глава 3. – С. 162–187.
28. Шохин, Л.И. О работе Н.Н. Оглоблина над «Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа» / Л.И. Шохин // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988.
29. Самоквасов, Д.Я. Архивный инвентарь / Д.Я. Самоквасов. – СПб., 1896. – 23 с.
30. Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 г. А.А. Кизеветтер. – Прага, 1929. – С. 275.
31. Шохин, Л.И. Описание документов в Московском архиве Министерства юстиции во второй половине XIX – начале XX в. / Л.И. Шохин // Советские архивы. – 1987. – № 2. – С. 53–58.
32. Силаева, И.А. Проблематика сибиреведческих публикаций Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т.16, № 3. – С. 221–226.
33. Силаева, И.А. Основы классификации документов в «Обозрении столбцов книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)» Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Омский научный вестник – 2015. – № 3 (139). – С. 24–26.
34. Оглоблин, Н. По реке Ветлуга (из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1902. – Т. XC. – С. 175–208.
35. Оглоблин, Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. – Май. – С. 38–63.
36. Полевой, Б.П. Русские Географические открытия на дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в. / Б.П. Полевой // Автореф. дис. ... д-ра историч. наук. – Л., 1985.
37. Оглоблин, Н. На р. Вятке / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1905. – № 3. – Март. – С. 90–104.

38. Оглоблин, Н.Н. На реке Суре: (Из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Русское Судоходство. – 1904. – № 1. – С. 95–112.
39. Оглоблин, Н.Н. «Старый Макарий»: Из волж. впечатлений / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1905. – Т. 99, № 3. – С. 999–1018.
40. Оглоблин, Н. На озере Светлояре (из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Русское богатство. – 1905. – № 5. – С. 131–158.
41. Енгальчев, С.Ю. «Светлояр» – новая импактная структура на территории Европейской России / С.Ю. Енгальчев // Разведка и охрана недр. – 2009. – № 8. – С. 3–6.
42. Оглоблин, Н. На р. Белой (Из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1906. – № 12. – С. 51–75.
43. Оглоблин, Н. По р. Мологе (Из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1910. – № 4. – С. 17–44.
44. Оглоблин, Н. На Шексне (Из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1911. – № 10. – С. 71–86.
45. Оглоблин, Н. На Сухоне и Северной Двине (Из путевых заметок) / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1911. – № 7. – С. 14–31; – № 8. – С. 45–60.
46. Оглоблин, Н. На р. Вычегде / Н.Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1912. – № 4. – С. 26–34.
47. http://velib.com/biography/ogloblin_nikolajj_nikolaevich/ (дата обращения: 15.05.2025).

ВЗГЛЯДЫ Н.Н. ОГЛОБЛИНА НА СИТУАЦИЮ В РОССИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Николай Николаевич Оглоблин (1852 – после 1919) – известный историк, архивист, литератор, очень много сделавший для истории и географии. Его жизни и творчеству посвящено большое количество работ [1–3 и др.].

Цель данного очерка – на основе публикаций ученого в послереволюционные годы проанализировать его восприятие ситуации в России.

В начале XX в. Н.Н. Оглоблин совершает многочисленные поездки по рекам Волге, Каме, Белой и их притокам. Предельными пунктами путешественника были города Рыбинск на средней Волге и Чердынь в предгорьях Урала. Пытливый ум исследователя, встреча со многими попутчиками разных социальных групп позволили автору сформировать представление о «текущем моменте» и выступить с рядом статей, отражающих его мнение о ситуации в обществе, возникшей после революции 1905 г. на Европейском Севере.

В 1909 г. выходит статья Н.Н. Оглоблина «Затишье» [4]. В первом ее разделе – «Крах революции» – автор отмечает: *«Самое выдающееся явление описываемого момента нашей жизни – полное охлаждение русского обывателя к вопросам внутренней политики»* [4, с. 1063]. Историк пишет, что людей разных сословий волнуют вопросы повседневной жизни, и вместе с тем они возмущаются непомерным аппетитам чиновников и депутатов: *«Особенно возмущает всех, что дума, проработавшая кое-как без году неделю, дала себе отдыхать на 3,5 месяца... Еще более возмущали всех те жирные генеральские оклады, какие дума установила для членов президиума и постоянных комиссий, ровно как и решение ее дать “жалование” всем членам думы и также в крупном размере. Мужики только ахали, узнавая о разыгравшихся аппетитах “выборных” людей»* [Там же, с. 1064]. Рассуждения народа о прошедшей в 1905–1906 гг. революции автор приводит в записанных монологах встречных попутчиков. Эти рассуждения очень похожи на современные – они вечны. Народ от революции не получил ничего хорошего, только повышение цен, сокращение рабочих мест и производства. Приведем следующий диалог двух пассажиров:

– *Вы правы, – заметил собеседник. – Никакой высокой идеи революционеры не принесли народу... Они поманили его на удочку материальных благ, да и к тем-то не могли указать других путей, кроме грабежа, насилия и неправды... А такие идеи не живучи.*

– *И потом..., – продолжал волгарь, – какой деспотизм они обнаружили! Борются якобы во имя свободы, а сами не выносят ни малейшей свободы убеждения... Кто «иначе мыслит» – это враг, которого надо всячески истреблять... только они «правверные», должны жить, а всем остальным – смерть!*

– *Да, добейся они власти, мы увидели бы такие проявления самого варварского деспотизма, которые перещеголяли бы и варварство «великой революции»...* [Там же, с. 1073].

Если учесть, что очерк написан в 1909 г., то становится страшно от такого пророчества.

Вторая часть статьи – «Левые и правые» – написана эмоционально, но порой очень субъективно. Автор показывает свое пренебрежение к «классовым» чуждым элементам. Достаточно примитивно звучат слова: *«Нашу революцию “делали”, главным образом, три элемента: неучащаяся “учащаяся” молодежь, фабричные рабочие и босяки»* [Там же]. Конечно, все было не так просто, и спектр участников революции был значительно шире. Заканчивается вторая часть тревожно:

Развитые крестьяне прямо говорят:

– *Пусть чиновники не мешают. Мы сами управимся со своими делами... Надоела нам их опека...*

Видимо гг. бюрократы ничему не научились, словно проспали революцию... Этот печальный факт всего более заставляет опасаться, что наступившее после смуты затишье вряд ли обозначает наступление окончательного упокоения страны... Не все тучи еще рассеялись, и грозы возможны [4, с. 1081].

Третью часть статьи – «О хлебе едином...» – автор посвятил отношению к земле крестьян. Сущность отношения крестьянства к революции выражена следующим абзацем:

Каково настроение главной основы русской жизни – крестьянской массы? О чем она сейчас думает, хлопочет, чем жива? Что она отвернулась от революции, мы уже знаем. Но во что же теперь верят гг. мужички и чего ждут для себя?

Кто о чем, а они все о том же... Как революция заинтересовала мужиков обещанием материальных благ, так и теперь они не идут дальше этой «платформы». Нарацивание собственных «животов» (в смысле всякого имущества, начиная с земельного) – единственная задача их жизни... Естественно это стремление у бедноты, но оно становится противным, когда им заражены и состоятельные мужики. А таковых большинство в промышленном Приволжье и Прикамье [Там же].

Четвертая часть – «Старые настроения» – посвящена примерам, которые доказывают неизменность привычек и образа мышления русского народа. Приведу снова слова Н.Н. Оглоблина, поскольку он сам подытожил свои наблюдения.

Итак, революция не вытравила в народе его религиозности... И ежели покопаться основательно в народной душе, то, вероятно, и другие устои народной жизни окажутся в сущности не поколебленными. Революция набросила на них как бы пелену, на время скрыла их из глаз, но... пелену так легко сбросить и снова увидеть под нею все те же устои, те же «киты», на коих лежит Русская земля...

Недвижным остался и наш вековечный девиз: «Земля наша велика и обильна» и д. Казалось бы, что другое, а уж наши «порядки» всего легче было бы спихнуть революции. Ведь вся земля вопиет против них, все сверху донизу настроено самым революционным образом против наших «порядков...», а воз и ныне там!.. Буквально ничего ни на йоту не изменилось в этом отношении. Как до революции, так и после нее все мы страдаем от наших «порядков» и по-прежнему благодушно переносим их. Конца краю нет российскому благодушию!.. очень уж живучи все старые настроения [4, с. 1091].

В начале мая 1910 г. Н.Н. Оглоблин отправляется по большой воде в путешествие на пароходе «Ломоносов» по маршруту Вологда – Архангельск, а в 1911 г. публикует статью «На Суконе и Северной Двине (из

путевых заметок)» [5]. В этом же году выходит статья Н.Н. Оглоблина «Не жизнь, а декорация» [6], в которой статье автор пишет, что реальная жизнь населения превращается в «показушную», на примере конкретных ситуаций он показывает русское «разгильдяйство», казнокрадство и т. д. По его мнению, жители не живут, а как бы играют в показушном театре, принимая за жизнь ситуации искусственные, «очковтирательские». Вот конкретный пример из статьи, описывающий встречу с немцем – бароном, который по идейным соображениям пошел «в народ» и добился учительской практики. *«Через два года после нашей встречи на Волге, т. е. в самом начале революции, я с прискорбием узнал, что милый барон покончил самоубийством где-то на Волыни, по каким именно причинам – мне не могли сообщить... Но во время нашей встречи на “Царе” (корабль – В.С.) нельзя было ожидать такого конца: барон был полон жизни, увлекался своим делом, восхищался поэзией Волги, которую видел в первый раз. Но любящее сердце идейного народолюбца, отдавшего жизнь на служение народу, обливалось кровью при поверхностном даже знакомстве с жизнью приволжского населения... Мягкий по натуре барон тут негодовал, возмущался, нервно хватал меня за руку и, указывая на попутные городки, села, деревни, с жаром говорил: – Посмотрите! Посмотрите!.. Что же это такое?! Разве так живут люди? Разве это настоящая жизнь?! Эти жалкие избы и домишки, полуразвалившиеся, ободранные... пустые дворы, без зелени садов... кривые улицы, все в навозе и всякой дряни... А как они одеваются во всякую рвань... как едят невозможную дрянь – сходите-ка в третий класс и посмотрите!.. А как пьют, как они грубы и жестокости... даже молодежь – и она не дает отрады... Взволнованный барон умолк. Я попробовал смягчить набросанные им краски и зацеловать волгарей, указывая на их значительную энергию, относительное развитие, на рост духовных запросов и т. д. Но барон прервал меня: – Нет! Нет, не говорите!.. Знаю, что есть прекрасные, здоровые, симпатичные явления в народе и у вас, на Волге, и у нас, на юге, и везде. Но, ведь это исключения – и такие ничтожные, жалкие для миллионных масс... А общий тон жизни народа? – Один ужас!.. Это ведь не жизнь, а так что-то полуживое... Масса живет спустя рукава, кое-как, сегодня да завтра... Это не оседлый народ, способный к культуре, а какие-то кочевники, кое-как проживающее на бивуаке... вот снимутся и уйдут!.. Не оттого ли и погиб так рано этот несомненный народолюбец, что окончательно потерял веру в народ и не мог пережить своего горького разочарования? Во всяком случае, в его речах было много горькой правды... Если где у нас всего более нет настоящей жизни и всего более она напоминает самые плохие декорации, заменяющие жизнь, то именно в деревне. Безусловно, прав барон, называя жизнь мужика “кочевой” и “бивуачной”: эти черты проникают*

всюду сверху донизу жизнь мужика. На “бивуаке” живет не только деревенская беднота, но и богачи-мужики» [6, с. 149].

Конкретных примеров создания декораций можно привести и сейчас миллионы. Вот что пишет Н.Н. Оглоблин про отношение к природе российских мужиков: *«Кочевья наклонности русского мужика особенно резко сказываются в его отношении к месту: только кочевник способен так варварски истреблять леса, как истребляет их русское население. В этом грехе повинны уже не одни мужики, но и крупные лесовладельцы и лесопромышленники. Однако мужики всех перецеголяли и теперь “крестьянские леса” – большая редкость в русской деревне» [Там же, с. 154].*

В области духовной жизни простого народа Н.Н. Оглоблин отмечает: *«Всегда вообще серый и скучный тон жизни мужика в настоящей период успокоения сделался еще мрачнее, суровее. Полная апатия, безпредельное равнодушие к малейшим намекам на высшие запросы жизни, быющее в глаза духовное оскудение народа – вот преобладающий тон современной провинциальной жизни вообще, и жизни мужика в особенности. Чем-то затхлым, душным, тошнотворным от всех проявлений его “духовной” жизни. Вот уже где следует сказать, что это “не жизнь, а декорация” и – самая жалкая, тоскливая» [Там же, с. 158].*

Знаковой тирадой звучит монолог крестьянина:

– Ничего святого нет у русского человека!.. Он способен решительно все превратить в потеху... Как варвар, он не чувствует различия добра от зла... [Там же, с. 161].

В 1913 г. Н.Н. Оглоблин печатает статью о ситуации с развитием старообрядчества на Севере [7], при этом он опирается на свои впечатления и на отчет Стефано-Прокопиевского братства.

Религиозно-общественное Братство во имя Св. Стефана Великого пермского было создано в Великом Устюге и Усть-Сысольске в 1896–1918 гг.; оно находилось в Вологодской епархии. В 1897 г. в нем числилось 554 чел. [8]. Основная цель организации – руководство церковно-приходскими школами и борьба с расколом. Территория действия Братства – это Устюжский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский уезды. *«Старообрядчество довольно значительно распространено в указанных пяти уездах, особенно по Северной Двине (в Устюжском уезде), в Удорском крае (Яренского уезда) и на Печоре (Усть-Сысольского уезда). По официальным данным, здесь числится около пяти тысяч старообрядцев, но в действительности их много больше, по крайней мере вдвое против приведенной цифры» [7, с. 594].* Н.Н. Оглоблин отмечает значительное количество старообрядцев среди местных зырян. Какие же направления старой веры преобладают в крае? Автор пишет: *«Здесь преобладают беспоповцы разных толков: всего больше встречается*

“аароновцев”, затем идут “федосеевцы”, “филипповцы”, “даниловцы”, “странники” и др. более мелкие группы (восемь человек “крупкиных” и пр.). В Печорском крае в последнее время наблюдается усиленное тяготение к “австрийскому” согласию, с представителями коего в Москве печорцы уже завязали сношения» [7, с. 594].

Не обошел вниманием Н.Н. Оглоблин и помощника главного миссионера, члена Третьей Государственной думы С.Н. Ключкова: *«Еще бы!.. На Вычегде посмеивались, что депутат-миссионер нигде не проявил своей деятельности, ни в Государственной думе, ни на месте, если не считать... сооружения им двух собственных домов в гор. Усть-Сысольске на остатки депутатского жалования»* [Там же, с. 595]. И в конце своей статьи Н.Н. Оглоблин делает вывод: *«Несомненный рост старообрядчества на севере России, засвидетельствованный отчетом православного братства, служит ярким показателем упадка господствующей церкви»* [Там же, с. 597].

Кстати, на эту публикацию горячо отозвался упомянутый в статье депутат Думы С.Н. Ключков [9]. Трагической судьбе священника и депутата Степана Николаевича Ключкова посвящены некоторые исследования [10 и др.].

Критика публикации Н.Н. Оглоблина С.Н. Ключковым во многом справедлива, вряд ли путешественник в результате одного путешествия мог составить объективную картину жизни и развития старообрядчества на громадной территории: «В начале статьи своей г. Оглоблин, сообщает, что он собирал сведения во время своей поездки на Вычегду. Надо полагать, почтенный исследователь не выходил с парохода на берег и потому не видел религиозной жизни северян. Он мог бы сообщить читателям Исторического вестника о величественных храмах, украшающих северные селения, о богатых иконостасах (еще недавно крестьяне двух отдаленных приходов Зырянского края ассигновали на новые иконостасы по пяти с половиною тысяч рублей), о многолюдных крестных ходах, о паломничестве северян по монастырям и т. д. С целью весьма для нас понятною г. Оглоблин обо всем этом красноречиво умалчивает» [9, с. 217].

По нашему мнению, к статье Н.Н. Оглоблина надо относиться не как к историческому исследованию, а как к эмоциональным описаниям своих впечатлений от многочисленных путешествий. После выхода Указа Его Императорского Величества от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» положение староверов изменилось, и, конечно, они стали чувствовать себя увереннее во всех отношениях общественной жизни. И этот момент был отмечен Н.Н. Оглоблиным в своей статье.

Интересна еще одна работа Н.Н. Оглоблина о ссылке «политических» на Север [11]. Автор с сарказмом отмечает: *«Ни одному, кажется,*

уголку России не посчастливилось так в “политическом” отношении, как далекому Вычегодскому краю в наши дни. Три уезда Вологодской губернии – Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский, занимающие огромное пространство в бассейне реки Вычегды, от Северной Двины до Печоры, вдруг сразу политически оживились, благодаря мудрым мероприятиям администрации. Три больших уезда были наводнены массой политических ссыльных всевозможных партий, толков, направлений, оттенков, конечно, исключительно с “левого” фланга». Н.Н. Оглоблин указывает на значительное влияние ссыльных на культуру и политическое развитие местного населения и утверждает, что в этом виноваты власти: *«Лет шесть назад в крошечном городке Яренске, имеющем всего восемьсот жителей, ссыльных было больше девяносто человек!.. В гор. Сольвычегодск, при 1200 человек населения, ссыльных было тоже девяносто человек. А в гор. Устьсысольск, самом населенном на Вычегде (около пяти тысяч жителей), ссыльных было всего триста человек. Столько же их было и в Устюге, городе, еще больше населенном (до двенадцати тысяч). Очевидно, никакой системы тут не придерживались, а наводняли города ссыльными зря, как попало, до пресыщения, пока местная администрация не задерживала этот неудержимый поток.*

Теперь число ссыльных в вычегодских городках уменьшилось до приличной нормы (в Яренске до пятидесяти человек и т. д.), частью за освобождением их и возвращением на родину, а также вследствие выселения ссыльных в села и деревни. Очевидно, администрация спохватилась, что города уже достаточно насыщены политикой, а деревни отстали от них... Скромный доселе край, совершенно чуждый прежде всякой политики, теперь насыщен ею достаточно, благодаря именно вольному и невольному влиянию ссыльных». Н.Н. Оглоблин отмечает, что ссыльные вынуждены объединяться, так как им запрещено работать (при этом платят небольшие, но достаточные для проживания деньги). В объединениях формируются некоторые нравственные каноны, которые перенимают и местные жители. Кажется, что автор немного симпатизирует «политическим»: *«Понятно, что на нищенское пособие от казны ссыльным невозможно прожить даже в захолустном Вычегодском крае, при невозможности подрабатывать что-нибудь службою, уроками и т. п.»* [11]. Знал бы Н.Н. Оглоблин, как к заключенным будут относиться через тридцать-сорок лет. Описывая негативные стороны жизни ссыльных: зависимость от исправников, забитость и темноту местного населения, Н.Н. Оглоблин отмечает и позитивные моменты местного населения: *«Зато ссыльные с удовольствием констатируют, что в духовном отношении зыряне очень способный к развитию народ. Ряды зырянской интеллигенции быстро растут. Духовенство из зырян насчитывает уже по два и по три поколе-*

ня. Немало есть народных учителей и учительниц из зырян. Есть медики, чиновники и другие интеллигентные зыряне. Называли талантливого художника-зырянина, посланного недавно Академией художеств за границу. На реке Выми (приток Вычегды, сближающийся с притоками нефтеносной реки Ухты) наблюдается любопытное явление, повторяющееся и в других местах (особенно в Сибири), где русские давно соприкасаются с инородцами: русские крестьяне на Выми значительно озырянились, говорят смешанным русско-зырянским наречием, переняли некоторые обычаи зырян и проч.

Разумеется, общение с зырянской интеллигенцией несколько скрашивает тяжёлую подневольную жизнь ссыльных в разных медвежьих углах края. А здесь попадаются такие глухие углы, о которых ссыльные не могут вспоминать без ужаса» [11].

Рассмотрев несколько работ Н.Н. Оглоблина, написанных после революции 1905 г. по впечатлениям от многочисленных поездок, в том числе по Вычегодскому краю, можно сделать вывод о том, что к этим статьям нужно относиться не как к историческим выверенным исследованиям, а как к путевым запискам, в которых автор высказывает «свои» впечатления от встреч с попутчиками и «свои» конкретные эмоциональные оценки ситуации. Н.Н. Оглоблин, путешествуя, ощущал неблагополучие ситуации в обществе, отмечал неэффективность царской власти, полное разочарование населения в государственном управлении. Обезжая провинцию, он видел растущее разочарование, особенно молодежи, в церковной жизни, падение авторитета церковнослужителей. Публикации исследователя служили на тот момент предупреждением о неблагополучии в жизни общества и предвидением значительных потрясений в стране в будущем.

Литература:

1. Силин, В.И. Н.Н. Оглоблин – историко-географ и путешественник / В.И. Силин, Л.Э. Рябинина // Стратегическое развитие музея как центра науки, культуры, образования: сб. науч. трудов / отв. ред. М.И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 187–193; Силин, В.И. Труды, жизнь и путешествия Николая Николаевича Оглоблина / В.И. Силин, Л.Э. Рябинина // Дым Отечества. – 2017. – № 5–6. – С. 178–182.
2. Морохин, Н. Тень Николая Оглоблина / сост.: Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов // Оглоблин Н. Речные проселки. – Нижний Новгород: Издательство: «Книги», 2010. – С. 3–9.
3. Силаева, И.А. Томские бунты XVII в. в оценках Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Вопросы исторической науки: материалы Междунар.

- науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 25–28; Она же. К оценке Н.Н. Оглоблина как сибироведа в отечественной историографии / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – Т.1, № 4 (80). – С. 60–65; Она же. Документы по истории воеводского управления и служилого люда Сибири XVII столетия в оценках Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 8 / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – Разд. 2. – Гл. 3. – С. 162–187; Она же. Проблематика сибиреведческих публикаций Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 3. – С. 221–226; Она же. Н.Н. Оглоблин как исследователь Сибирской повседневности XVII – начала XVIII века / И.А. Силаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 3–2. – С. 562–565; Она же. Н.Н. Оглоблин о первых сибирских библиотеках / И.А. Силаева // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 10–13; Она же. Основы классификации документов в «Обзрении столбцов книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)» Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Омский научный вестник – 2015. – № 3 (139). – С. 24–26; Она же. Оглоблин Н.Н. как исследователь состава Тобольской администрации XVII в. / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 4 (88). – С. 236–239; Она же. Документы по истории воеводской администрации Тюмени, Тары, Омска и Кузнецка в исследованиях Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Научное мнение. – 2015. – № 5–3. – С. 17–21; Она же. Проблемы истории Сибирской церкви в работах Н.Н. Оглоблина / И.А. Силаева // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – Вып. 2 (69). – С. 7–21; Она же. Н.Н. Оглоблин как исследователь мореплавания и географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв. / И.А. Силаева // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4–7. – С. 203–209.
4. Оглоблин, Н.Н. Затишье (Из провинциальных настроений) / Н.Н. Оглоблин // Исторический Вестник. – 1909. – Т. CXV, № 3. – С. 1062–1096. – / <https://runivers.ru/bookreader/book485087/#page/1228/mode/1up> (дата обращения: 15.05.2025).
 5. Оглоблин, Н. На Сухоне и Северной Двине (Из путевых заметок) / Н. Оглоблин // Русское судоходство. – 1911. – № 7. – С. 14–31; – № 8. – С. 45–60.
 6. Оглоблин, Н.Н. Не жизнь, а декорация (из провинциальных настроений) / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1911. – Т. 123, № 1. –

- С. 141–165; – № 2. – С. 578–603. – <https://www.booksite.ru/folk/data/ogloblin.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Оглоблин, Н.Н. Из жизни старообрядчества на севере России / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1913. – № 8. – С. 593–598. – <https://runivers.ru/upload/iblock/872/Istoricheskii%20vestnik%20T133%201913.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
 8. Носова, Т.А. Стефано-Прокопиевское православное братство в 1896–1901 годах: (К вопросу о статистических показателях членского состава миссионерской организации) / Т.А. Носова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 228–233.
 9. Клочков, С. По поводу статьи г. Оглоблина «Из жизни старообрядчества на Севере» / С. Клочков // Вологодские епархиальные ведомости. – 1914. – № 8–9. – С. 211–218.
 10. Сивкова, А. Первый думский депутат из Коми края / А. Сивкова // Республика. – Сыктывкар. – № 236 (4633). – 2021. – 24 дек. – <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/44452> (дата обращения: 15.05.2025).
 11. Оглоблин, Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде / Н.Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1913. – Т. 132, № 6. – С. 918–924. – https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB15000562?page=929&rotate=0&theme=white. Перепечатана: Оглоблин, Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде / Н.Н. Оглоблин // Молодежь Севера. – Сыктывкар, 1969. – 5 марта.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ, ГЕОГРАФА, ОХОТНИКА ИГНАТИЯ МИХАЙЛОВИЧА ВОРОПАЯ

Вторая половина XIX в. – не только время зарождения инициатив частного капитала в процессе освоения Севера, но и стремительного развития своеобразной литературы, которую часто называют беллетристической. Многие путешественники, инженеры, исследователи, помимо своей основной работы, описывали свои путешествия. В зависимости от художественного таланта писателя мы сейчас более или менее достоверно можем окунуться в ту обстановку, и природную, и общественную, которая существовала тогда на нашей территории. В столицах и центральной России жизнь северных народов и тогда казалась, да и сейчас кажется, совершенной экзотикой. Именно поэтому сейчас, не в меньшей мере, чем тогда, произведения некоторых писателей вызывают большой интерес. Среди них есть очень знаменитые, например, С.В. Максимов [1], менее

знаменитые, но постоянно упоминающиеся в современной литературе, – В.А. Иславин [2], К.Д. Носилов [3], А.А. Борисов [4], однако есть и те, которые почти никому не известны, хотя их творчество бесценно, – Н. Бельдыцкий [5], Ю.И. Кушелевский [6] и др. К последним можно отнести и писателя Игнатия Михайловича Воропая.

Биография этого межевика (землемера), исследователя, писателя и охотника малоизвестна. Его статьи разбросаны по различным изданиям, большая их часть посвящена воспоминаниям о путешествиях, людях, с которыми ему пришлось встретиться на пути, и охотничьим рассказам. Охотником И.М. Воропай был с детства и оставил интересные рассказы, благодаря которым мы сейчас можем восстановить некоторые подробности его жизни.

Наиболее полно биография нашего героя на основе архивных документов опубликована пермским исследователем Ю.А. Кашаевой в работе [7] и понемногу в других ее статьях [8, 9]. Она пишет: «Пермский губернский землемер Игнатий Михайлович Воропай происходил из поляков-дворян Могилевской губернии, римско-католического вероисповедания. Он родился в 1828 (1829?) г. В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) сохранился его формулярный список на 1965 г.» [7, с. 103].

В рассказе «По поводу рассказа “На правильной облаве”» И.М. Воропай пишет: «Прочитав в январской книжке “Природа и Охота” рассказ, я припомнил старые облавы на волков в Чериковском уезде Могилевской губернии, на месте моей родины: перед глазами, как живые встали места и люди, свидетели первых моих шагов на охотничьем пути» [10, с. 138]. Писатель вспоминает, как он 14-летним мальчишкой участвовал в облаве на волков и застрелил первого волка. Здесь же он пишет: «Я помню, как в 1842 г. на облаве в имении Б-фа, где мой дед был главным управляющим, взяли весь громадный выводок без остатка: пару старых, пару переярков и молодых убили 6, 7-го задушили гончий, восьмого поймали живьем под выморью в гнезде, а девятого нашли мертвым; он видимо издох за три дня до облавы. Пришлось и мне тогда убить одного прибылого, уже третьего по счету» [Там же, с. 141].

В рассказе «Блаженные годы. (Воспитание бывших охотников)» [11] И. Воропай отмечает: «С шестилетнего возраста мать начала учить, и как только я начал читать, сдали меня на руки учителю. Жили мы в то время в Д-мъ уезде, В-ой губернии в местечке Плиссе [Там же, с. 101]. К десяти годам я знал отлично полный курс уездного училища, кроме геометрии, так как после в уездном училище мне пришлось только повторять старое, для чего довольно было заниматься в классе, а все свободное время посвящать охоте и рыбной ловле. Когда отец умер, мне было около десяти лет. Я был старший, а четыре сестры моложе меня. Покойная мать переехала с

нами на родину, в Могилевскую губернию в Ч-въ, где мы поселились и я поступил в училище. Здесь у матери между другими родственниками был двоюродный брат, Павел Исаевич С-о, которого старший сын, Матвей, тоже учился, но был уже в последнем классе, имел 13 лет и уже стрелял из собственного ружья. Отец его, отставной чиновник, служил управляющим имением в 4-х верстах от города в усадьбе Горки» [11, с. 104]. В рассказе И. Воропай красиво и с ностальгией описывает свое отрочество, первые охоты на глухарей, дружбу с братом и сестрами. Рассказ был написан 76-летним старцем, и вот как он оценивал свое здоровье: «Еще три года назад я выходил зимою во двор в одном белье и босиком, ночуя на охоте у крестьян; а сколько в жизни переночевал ночей зимою в лесу на снегу, по службе и на охоте, — не помню; но думаю, что больше, нежели иной домосед проспал за всю жизнь на мягкой постели, и это не в Италии, а в Архангельской, Пермской и Тобольской губерниях, причем случались морозы более 30°; и слава Богу, и теперь здоров, не знаю геморроя, ревматизма и других прелестей, и надеюсь жить до самой смерти» [Там же, с. 109].

Ю.А. Кашаева отмечает: «Служба И.М. Воропай началась по межевому ведомству в 20-летнем возрасте. Службу он начал в межевой канцелярии старшим землемерным помощником с чином губернского секретаря. Межевой инженер капитан И.М. Воропай занимал должность пермского губернского землемера и получал жалование 600 рублей серебром. 18 августа 1848 г. был переименован в межевые инженеры подпоручиком. 26 февраля 1852 г. переведен на вакансию в поручики, в штабс-капитаны — 1 марта 1858 г., в капитаны — 3 марта 1861 г. К 1865 г. он был награжден орденом святого Станислава 3-й степени и светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о войне 1853–1856 гг. Имений И.М. Воропай не имел, в военных действиях участия не принимал... Семейное положение в формулярном списке указано не было» [7, с. 103].

В сентябре 1903 г. Воропай опубликовал статью «Как у нас завелись борзые» [12], в которой рассказал о своих первых охотничьих собаках. Есть у него небольшой отрывок и про семью: «Дед мой, бывший в то время уже стариком лет далеко за 70, управлял большим имением братьев Б-фъ, в 30 верстах от г. Ч-ва. Кроме моего отца, умершего раньше, имел от другой жены четырех сыновей. Из них старший А-ръ был поручиком инженером путей сообщения и жил в В-ске, следующий И-фъ, лет двадцати, жил в деревне при отце и двое остальных А-ий и Н-ий учились вместе со мною. Само собою разумеется, это были все охотники» [Там же, с. 91].

В 1903 г. И. Воропай опубликовал статью, в которой предостерегал охотников об опасности, связанной с применением оружия на охоте, и приводил пример, как по ошибке и с ним едва не произошел страшный случай, когда на охоте он чуть не убил загонщика [13].

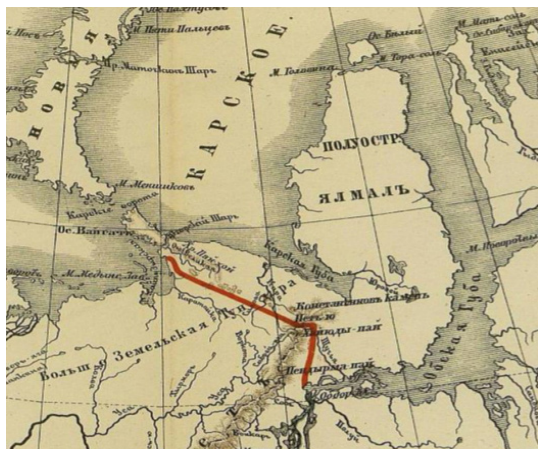
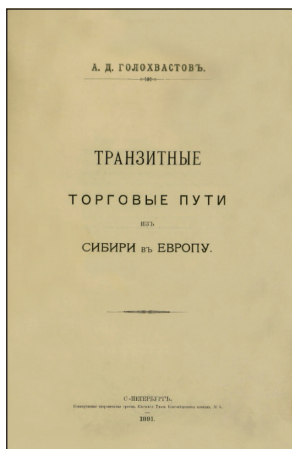
По данным Ю.А. Кашаевой, И. Воропай с 1861 по 1865 г. служил в Черниговской межевой палате. С 1865 г. снова приступил к исправлению должности пермского землемера.

В 1879 г. сибирский купец Александр Дмитриевич Голохвастов выступил с инициативой сооружения железной дороги с р. Оби до Европейского северного побережья: «Железная дорога, которая соединит Хайпудырскую губу с устьем р. Войкара, по приблизительному расчету не превысит протяжения 360 верст, из коих до 60 верст придется на восточный склон Уральского хребта, до 40 верст на самый хребет и остальная часть на Большеземельскую тундру» [14, с. 5]. В 1980 г. А. Голохвастов предполагал послать экспедицию для обследования возможности сооружения дороги. И.М. Воропай также участвовал в обозначенных работах. В результате этих и других путешествий В.И. Воропай собрал материал для написания серии работ, ценных своими этнографическими и географическими описаниями Русского Севера.

Большую часть очерков И.М. Воропай опубликовал в журналах «Природа и охота» и «Псовая и ружейная охота». В 2008 г. в Ханты-Мансийске некоторые из них были переизданы отдельной книгой [15]. Данное издание представляет собой перепечатанные очерки, описывающие путешествие И.М. Воропая «По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру», которые были опубликованы в журнале «Природа и охота» в 1900–1901 гг. Для характеристики издания приведем предисловие с сайта Югорской библиотеки: «Путевые заметки И.М. Воропая начинаются с описания путешествия из Самарово и заканчиваются возвращением в с. Мужы. Год путешествия не указан, но в тексте чаще всего упоминается 1886 г., очевидно, что время поездки относится к 1886 г. Целью экспедиции Воропая было исследование пути за Урал. В беседе с зырянами называл себя чиновником, приехавшим из Петербурга с целью разведки, которая делается с согласия министра путей сообщения.

И.М. Воропай дает характеристику населенных пунктов. Сделал общее описание с. Шеркалы, Кондинского монастыря, обрисовал планировку Березова, сделал подробное описание могил А.И. Остермана и А.Д. Меньшикова. Его характеристики позволяют восстановить облик мелких поселений и стойбищ.

Автор также описывает внешний облик коренного населения, указывает отличительные антропологические и этнографические особенности разных групп остяков, ненцев, зырян, их “нравственное и умственное состояние”. Он сравнивает диалекты и говоры у остяков, замечает большое отличие в языке остяков разных мест. Самую большую ценность путевых заметок составляют этнографические описания. Воропай детально характеризует особенности хозяйства местного населения – условия, спо-

Карта намечаемого железнодорожного пути с реки Оби в Европу.

ки, орудия лова рыбы в Оби, приемы охоты на птиц, орудия лова лисич и белок, уход за оленями. Описывает, как устанавливают чум, чем покрывают, интерьер, утварь, очаг, приготовление и прием пищи, распределение мест в чуме между семьями, распорядок дня мужчины и женщины. Интересны его рассуждения о взаимодействии русских и коренного населения, о легкой адаптации переселенцев к новой языковой и культурной ситуации. Путевые заметки содержат ценные этнографические описания быта, хозяйства, культурных особенностей населения – остяков, самоедов, зырян» [15].

В 1904 г. И.М. Воробей публикует значительный очерк «Несколько слов о Большеземельской тундре» [16, 17]. Поскольку эти произведения сейчас большая редкость и они не перепечатывались, автор очерка позволил себе привести здесь выдержки из оригинала.

И.М. Воробей пишет на основе своих «шатаний по свету» о природе Большеземельской тундры, одним из первых в достаточно художественной форме описывает мерзлотный рельеф: «Самый главный признак тундры – это кочки: все громадное ее пространство усыпано ими, только с той разницей, что на сухих местах они меньше, вершка 3–4 от земли, а по мере того, как местность делается мокрее – кочки увеличиваются, и на очень мокрых болотах, кроме водянистых моховых, вырастают до 5-ти четвертей, так что очень затрудняют езду на нартах. Кочки на сухих местах покрыты мохом, ползучей березой и морошкой, а на мокрых – осокой... Само собою разумеется, что вся почва в тундре промерзает очень глубоко, причем оттаивание идет не равномерно, а пропорционально сухости почвы: сухая оттаивает совершенно, а болото – смотря по степени влаги: чем мокрее, там оттаивает меньше. Торфяное отходит четвертей до 5-ти,

а совершенно мокрые, моховые всего на 6 вершков» [16, с. 42–43]. Автор упоминает о том, что на север тундры приходят белые медведи, и отмечает, что местные жители охотятся на них с собакой и забивают топорами. Конечно, невозможно характеризовать природу тундры, не упомянув о наличии здесь многочисленных видов птиц.

Воропай приводит интересные этнографические и исторические сведения о жизни кочевников – зырян-ижемцев. В частности, автор отмечает: «Не раз было упомянуто слово “зимовник”, поэтому следует его пояснить. По некоторым большим рекам, как Уса, Лемва и др., поселились зыряне из сел Ижмы, на реке того же имени и притока Печоры на западной стороне Урала, и Мужей на р. Оби, на восток от него. Эти зимовники состоят из одного дома, кроме зырянской деревни Эпи, при устье Лемвы, где есть пять домов, но в последнее время два дома стоят пустые: хозяева оставили их и переселились в места населенные. Это селение старинное, жители – зыряне-христиане; но все ли, как и в зимовниках, видели церковное богослужение – предположить трудно, хотя они все люди набожные, и каждый праздник хозяин зажигает перед иконами тонкие восковые свечи; молятся всей семьей вместе, поют акафисты и часы, а потом хозяин, покадив ладаном перед иконами, идет с кадильницей по всему дому и двору. Умершие хоронятся тут же у крыльца, на могиле ставится деревянный восьмиконечный крест, и таким образом живые не расстаются с мертвыми окончательно, а продолжают жить почти под одною кровлей» [Там же, с. 46]. Далее идет описание: «Зимовник состоит из просторного дома в две или три комнаты, обставленного всякими хозяйственными постройками. На зимовнике живет обыкновенно одна зырянская семья: хлеб, соль, чай и всякие съестные припасы привозятся сюда летом на каюках из Ижмы; при каждом доме есть достаточно коров и овец, для которых летом заготавливается сено в изобилии. Косят траву – где вздумают, так как земля самоедская, а они нисколько не заботятся, кто ею пользуется, кроме получения копытного сбора с пасущихся оленей. Такие зимовники помещаются в расстойии верст 30–40 один от другого» [Там же, с. 47].

«Прежде, не особенно давно, вся тундра и олени принадлежали самоедам и частью остякам, но зыряне мало по малу откупили оленей у самоедов за ничтожную цену, причем главным помощником при сделках была водка, и теперь у самоедов осталась только тундра, за пользование которой они и получают с зырян плату под названием “копытного”. Зыряне в последние годы крепко хлопочут, чтобы и тундра осталась за ними, и при своей изворотливости, пожалуй, добьются этого. Надо заметить, что самоеды далеко честнее и развитее зырян, но несчастная страсть к водке губит их окончательно; хотя и зырянин готов напиться во всякое время, но

разница в том, что напившийся самоед забывает все и за бутылку водки готов отдать душу, а зырянин как бы ни был пьян, никогда дела не забудет и обманет вас так же, как и трезвый» [16, с. 48].

Автор подчеркивает значимость для кочевников оленя как основы их жизни и быта и важную роль собак, которые незаменимы для кочевников как помощники в пастьбе оленей.

«По наезженной слегка дороге, по которой, впрочем, лошадь будет проваливаться, олень без особенной усталости пробежит до 100 верст с передышками на 5 минут, через каждые 10–15 верст; но если нужно, то пробежит и до 200, только после ему надо дать на отдых несколько дней» [17, с. 50].

«Зырянин, приехавший утром в село, никогда оленей не выпрягает, а завернет их назад, привяжет крайнего к нарте, воткнет хорей и отправляется по своим делам. Здесь он обязательно пропьянствует до вечера, а все это время несчастные олешки стоят, опустя свои рогатые головы, или который приляжет ненадолго; а когда возвратившийся хозяин, распутавши их, усядется на нарту и крикнет свое “гей!” – четверка дружно подхватит с места и часа через три доставит его в чум приблизительно верст за 50. Летом езда тяжелее несравненно, но и в это время добрая четверка провезет рысью одного человека верст 30. Вот еще одна особенность оленя в езде: с первой же или второй версты он высунет весь язык и начинает тяжело дышать, как-будто очень устал, но это ничего не значит, и храпя он будет бежать безостановочно. Оленя не держит никакое препятствие: по громадным кочкам, кустарнику, болоту он бежит не останавливаясь: где прижмется к товарищу, где перескочит через кусты; а нарта на своих длинных полозьях, переваливаясь и покачиваясь как лодка на волнах, идет не опрокидываясь» [Там же].

«Пока олень жив, он возит своего хозяина, убитый поступает в пищу, почти единственную в тундре; из шкуры делают одежду и зимою шкурами же обтягивают чум – снаружи шерстью наверх, а внутри шерстью в середину – и из жилы, идущей вдоль хребта, приготавливают нитки для шитья. Одним словом, он в тундре далеко более полезен, нежели верблюды в пустыне, так как последний только возит, а он, кроме того, кормит, одевает и дает жилы. И за все это еще переносит от своего хозяина – часто большего скота, нежели олень, – разные мучения, не говоря о том, что иной раз пьяный, погоняя хореем, так ткнет неосторожно, что поранит кожу, но иногда мучит и сознательно» [17, с. 51].

Затем И. Воропай описывает собак и рассказывает об их роли в жизни кочевников: «Собаки кочевников роста среднего, со стоячими небольшими ушами и острою мордой при довольно большой голове. Шерсть

очень густая, но не особенно длинная, большей частью белая и светло-серая. По наружности вообще они гораздо ближе подходят к дворняжкам, нежели к какой бы то ни было породе охотничьих собак; но внутренние их качества неопределимы. Они сильны, и четверка провезет человека на маленькой нарте зимою верст 30 рысью, не отставая от оленей; при этом они бегут весело, с поднятыми хвостами, и не остановятся до полной усталости; но как только окончательно потеряют силы, вся четверка ложится, и пока не отдохнут и наедятся, — их уже ничем нельзя принудить бежать. Зрение, слух, обоняние развито отлично, понятливость также, и они быстро дрессируются; всякий жар и холод переносят легко и очень умеренны в пище. Те, которые живут при стадах оленей, — сыты всегда; но у бедных остяков и самоедов зимою им дают болтушку из воды и муки, приготовленной из сушеных летом рыбьих костей, да и то далеко не досыта» <...>. Медленно подвигается стадо: пастухи, сидя на нартах, апатично глядят на оленей; работает только хозяин и собаки» [17, с. 53]. «Задача собак заключается в наблюдении за оленями; настоящие пастухи они, а люди — только как проводники. Если олени идут спокойно, не отбиваются от стада в сторону и не отстают, — собаки идут тоже тихонько за нартой; но чуть который отстанет, занявшись едой вкусного мха или желтых ивовых листьев, собака, упершись передними ногами о кочку, поворачивает в его сторону голову и ожидает: что будет дальше? Догадается олень сам бросить еду и поспешить за стадом, — и собака пойдет вперед; но чуть тот замешкается, верный пес бросается назад, обегит кругом и с лаем бросается на зеваку, который во весь дух летит догонять стадо» [Там же].

«Так идут до вечера, пока хозяин не выберет места для ночевки, к чему пригодно не всякое. Условия для остановки зырянина и самоеда не одинаковы: как тому, так и другому надо главное — чтобы был корм для оленей; потом уже второстепенные удобства: сухое место, вода и топливо; но дальше их вкусы расходятся. Зырянин для постановки чума выбирает место самое высокое в окрестности, чтобы от чума было видно далеко во все стороны; а самоед наоборот — заберется в какую-нибудь яму или овраг, так что можно пройти в 100 саженях от него и ничего не заметить. Зыряне объясняют это тем, что самоеды никогда не упустят случая украсть оленя, поэтому и прячутся; а им, стоя на бугре, легче караулить стадо. Насколько такое объяснение верно, — судить не могу; но что оно правдоподобно, — этого отрицать нельзя; и хоть такой способ постановки чумов можно объяснить и разницей характеров, но и воровство принять в расчет следует, как будет видно дальше» [17, с. 54].

«Как только хозяин выбрал место для чума, тут же соскакивает с нарты и бросает хорей впереди оленей, что служит сигналом для оста-

новки; за его нартой останавливается и хозяйка и т. д., причем нарты ставятся в несколько рядов в две колонны, а между ними устанавливается чум. Как только подъедут все и выпрягут оленей, мужчины отправляются к стаду, а женщины и ребята ставят чум и вносят поклажу, т.-е. иконы, посуду, оленьи шкуры, которыми устилают землю в несколько рядов, чтобы не проникла сырость, оставляя только пустое место против входа и, за ним вслед, посредине чума – для костра. Затем несут воду и навешивают медный чайник для воды на чай и котел для варки ужина. Все это устраивается очень быстро, и минут в 30 жилье готово, как-будто они здесь живут истари. Между тем мужчины приводят четверку свежих оленей, запрягают в нарту и ставят у чума на дежурство на всякий случай; тут же на ужин приводят, с начала лета – старого оленя, а с конца августа – олененка; его тут же колют, снимают шкуру, внутренность отдают собакам, а мясо – женщинам для котла. Пищу варят три раза в день и всегда одно и то же: оленье мясо варят в воде, солят и подбивают чуть-чуть ржаною мукой, причем похлебки выходит очень мало и ею только понемногу запивают съеденное мясо. Хлеба не полагается, так как его печь негде, а брать запас на все лето нельзя. Хотя в сундуке в числе других дорогих вещей и есть ржаные сухари, но они подаются только в экстренных случаях, в виде угощения к чаю; зато мяса едят сколько угодно» [17, с. 55].

«У кочевников-зырян есть два постоянных врага: волк и самоед. Первый опасен не тем, что зарежет оленя, но тем, что может разогнать стадо, и тогда собирать его нелегко, так как отбившийся олень не пойдет искать свое стадо, а будет бродить по тундре, пока его не найдет хозяин, или он набредет на чужое стадо. Зато волка собаки скорее почуют, нежели самоеда, и караульный с собаками живо его прогонит. С самоедом же сладить трудно; он лукавее и умнее волка, поэтому и приемы у него другие.

Надо заметить, что между самоедами почти нет уже владельцев больших стад и громадное большинство имеет лишь по несколько штук. Такие хозяева собираются артелями, поселяются у озера и занимаются ловлей рыбы, которою питаются летом и делают запас сушеной и соленой на зиму, а оленей, собранных в одно стадо, пасут по окрестностям. Когда корма для оленей сделается мало, они перебираются к другому озеру и так кочуют все лето, причем, как было замечено выше, чумы ставят по возможности скрытно. Эти-то самоеды и составляют грозу кочевников» [Там же, с. 56].

Далее Воропай описывает, как самоеды крадут оленей, указывая, что главная беда в том, что стадо от действия воров разбегается в разные стороны и его сложно собрать.

«Прошла ночь благополучно, корму для оленей вблизи нет и надо двигаться дальше. После утренней трапезы женщины начинают укладывать на нарты постели*, посуду и всякий скарб, а потом и самый чум, разобрав его на части; а мужчины, забрав хореи и свистнув собак, отправляются к стаду» [17, с. 58].

«Как сказано выше, в кочевку отправляются обязательно 25-го марта. В это время там еще зима, но дни уже больше, солнце днем начинает пригревать и идти делается легко. Каждое утро стадо начинает прибывать вновь народившимися оленятами, которые через несколько часов идут тоже и не отстают от матерей» [Там же, с. 60].

«День за днем идет кочевник вперед; лето догоняет его уже в тундре далеко и хотя дни делаются теплые, но зарождающиеся комары остаются сзади; а когда он дойдет до берегов Северного океана, около конца июня и начала июля, день уже начинает убывать; поэтому, повернувши обратно, стадо уже идет вслед за гибнущими комарами, и таким образом олени спасаются от своих врагов.

На обратном пути оленеводы останавливаются на несколько дней по зимовникам, где бьют лишних оленей, оставляют мясо до весны на хранение хозяев с платою 10 процентов, т.-е. десятой туши, а шкуры забирают с собою и отвозят к зиме на Ижму. Кончивши забойку, трогаются дальше и в конце октября добираются до своих зимних становищ» [Там же, с. 61].

Продолжением этнографических работ И. Воропая надо считать работу «Инородцы русского Севера». Приведем выдержки из нее: «Часто случается читать и слышать, что инородцев жалеть нечего, так как они осуждены на вырождение и гибель. Но позвольте, господа, узнать, какой суд решил их гибель и имеем ли мы право приводить этот приговор в исполнение и брать на себя обязанности палача? Начать с того, что эти народы жили хорошо, по тому времени считались довольно сильными, множились и даже воевали с русскими, а теперь гибнут. Как хотите, а не мешает разобраться: отчего все так изменилось? Жили они спокойно и сравнительно в довольстве; имели оленей, много было рыбы, птиц и всякого зверя, и вдруг начали вымирать. Причина очень простая: они жили так, пока не столкнулись с русскими и зырянами, которые сообщая познакомили их с водкой и наделили сифилисом. Тяжело делается на душе, когда встретившийся остяк жалобно просит дорогой травы (соссапарель). Несчастный чувствует, что сам себе помочь не может, и обращается к человеку более сведущему, не видя себе помощи ниоткуда» [18, с. 181–182].

* Шкуры оленей разделяются на три разряда: старого оленя называется постель; теленка до году – неблой или неплой; и новорожденного – пыжик. Последние два и сами называются этими же именами. Старый олень называется – хорь, выложенный – бык, корова – важенька. Ездят на быках, и только бедные запрягают важенок и редко – хора (прим. И.М. Воропая).

«Остяки делятся на роды, которые называются по местности, где они живут, например: Сургутские, Нарымские, Березовские, Ляпинские, Мужинские, Обдорские и другие. Мне пришлось больше видеть последние три рода» [18, с. 182].

«Маленьких детей держат в лубяных колыбелях, устроенных так, что ребенок находится в полусидячем положении; вместо пеленок детям и полотенца взрослым употребляются самые тонкие древесные стружки, наскобленные ножом из деревянной палки. В какой чистоте держатся дети, можно судить по взрослым, которые лицо и руки иногда моют, но сами не моются никогда и не меняют одежды, пока не износится окончательно. Одежда: летом ситцевая, а чаще замшевая рубаша и штаны, а сверху гусь, т. е. мешок из верблюжьего сукна с рукавами и капюшоном, а зимою малица и совик, т. е. такой же гусь, только из шкур молодых оленей без капюшона, надетый на рубашку шерстью вниз, а совик из шкур старого оленя, с рукавицами и капюшоном шерстью вверх. На ноги надеваются липты, т.-е. чулки из шкур маленьких оленей, пыжиков, шерстью внутрь, и пимы – сапоги из кожи с ног старого оленя, очень красивые, шерстью наружу. Надо заметить, что так же одеваются самоеды и зыряне, только одежда зырян поновее и наряднее; да в случае больших морозов в дороге они надевают еще род калош до полуколена из шкур старого оленя, шерстью наружу. Одевшись так, можно отлично выспаться прямо на снегу без огня при морозе 40 градусов и больше» [Там же, с. 183].

«Отличить у остяков мужчину от женщины по лицу и костюму очень трудно; одинаково скуластые, грубые и грязные лица, без бороды, черные не длинные волосы, заплетенные в две косички, – решительно трудно различимы, только у женщины, по врожденному кокетству, заметите на гусе или малице по подолу какую-нибудь красенькую или какую иную цветную тесемочку, шнурок или какое-нибудь другое украшение. Работа у них поделена правильно: мужчины работают вне дома, добывают пищу и средства к жизни, а женщины трудятся дома без отдыха; их дело – держать юрту в порядке, приготовить пищу, одежду, обувь, выделать оленьи кожи, что делается без квашенья, а просто, на особо устроенном станке (шкура строгаются особенным ножом для верхней одежды с нижней, а на замшу – с обеих сторон), наделать из оленьих жил ниток, смотреть за детьми и проч**» [Там же, с. 184].

«Все остяки считаются христианами, но на самом деле в церкви бывают два раза в жизни: когда крестятся и венчаются, а в течение жизни только случайно. Обыкновенно молятся своим богам, выбирая для этого места покрасивее, непременно на горе, над рекой, или возвышенном месте, на островах в лесу. Там они очищают площадку, ставят идолов и приносят

** Те же работы производятся самоедками и зырянками (прим. И.М. Воропая).

жертвы, для чего колют оленя, мясо съедают, а шкуру вешают на жердь. Тут же на деревья вешаются красивые тесемки, разные цветные лоскутки и проч. мелочь. Раньше они украшали идолов золотом, серебром и другими драгоценностями, но зыряне выслеживали и, выбрав удобное время, обкрадывали их. Теперь, после принесения жертвы, украшения снимаются и самих идолов прячут подальше» [18, с. 185].

Помимо этнографических сведений Воропай приводит и много собственно географических, например: «Обь вскрывается около половины мая, а прибывшая вода стоит до конца июля и только тогда начинает убывать. Обь – очень своеобразная река; от впадения Иртыша и до устья она очень глубока, местами доходит до тридцати саженей; дно илистое, течение чрезвычайно тихое, так что весной лед не взламывается, а тает, как на озере, особенно за Березовым – весной лед тронется, пройдет около версты и станет; через день или два опять пройдет немного и задержится, и так постепенно тает весь» [Там же].

«Летом такое обилие рыбы, что щуку, окуня, язя, налима и др. речных и озерных остяки за рыбу не считают, а рыбу у них называются сырки, нельма, осетр, щокур и моксун» [Там же, с. 186].

Достаточно подробно Воропай описывает охоту остяков на уток с помощью сетей, подытоживая: «Чтобы составить себе приблизительно понятие о количестве добытых селезней, скажу, что на 17 юрт остяцкой деревни, недалеко от села Мужей, в 1884 году было добыто 10 000 штук» [Там же, с. 190].

«Как только кончается добыча уток, начинают по ссорам появляться сырки. Это небольшая, но очень вкусная рыбка первая приходит с моря и своим появлением доставляет много радости тамошним жителям» [Там же]. «С приходом сырков прекращается окончательно остяцкая голодовка, и начинается долгий пир до зимы, о чем будет сказано ниже. Первую пойманную каждой породы рыбу остяк обязательно съедает сам и не продает ни за какую цену: такой обычай» [18, с. 194].

Затем Воропай подробно описывает способы ловли рыбы остяками: «Остяки ловят рыбу сетями и гимгами» [Там же, с. 191] а также процесс создания рыболовных снастей.

Автор подмечает, что «остяк тот же ребенок, если есть запас, – он ест и пьет без меры и разбрасывает провизию на все стороны; но зато придет голод, – он лежит молча у огня и, если не спасет счастливый случай, может и умереть, не вставая» [Там же, с. 196].

«...Но цены на количество забранного остяк не знает; все счета ведутся приказчиками, и когда по счету последнего остяк выбрал столько, на какую сумму приблизительно он может доставить рыбы, выдача прекращается. В результате оказывается, что остяк никогда из долгу не выбьется и по

весне обязательно голодает. Каждый приказчик наблюдает, чтобы его должник не продал рыбу другому покупателю, да и сам ел немного» [18, с. 198].

«Замечательные здесь ножи как остяков, так и “самоедов”, зырян. На вид очень незавидный, с лезвием вершка в четыре длины и в палец ширины, с ручкой большей частью из мамонтовой кости, которой в Большеземельной тундре очень много, особенно по реке Усе, где есть место, называемое “Мамонтова губа”. Но ножи эти сделаны из подпилков, и потому очень крепки и остры. При помощи такого ножа, топора и напарья инородцы делают себе все, что понадобится, начиная с вещей самых мелких и кончая нартой, лодкой и проч.» [Там же].

«Прежде всего, остяк добродушен и честен; долг для него – вещь священная, и сын платит за отца обязательно, данное слово держит крепко, и как бы явно его не эксплуатировали, но если это делается с его согласия, – никогда не жалуется и считает это совершенно правильным, приведу пример из своей практики» [18, с. 199].

«Кроме рыбы, которую за старый долг берут купцы, масса ее идет сельским зырянам, которую они приобретают за водку. В прежнее время на западе и юго-западе России, где только были евреи, там была и водка, а здесь, где зыряне, там и она» [Там же, с. 200]. Далее Воропай описывает, как зыряне, спаивая, обманывают остяков. «...Этот же способ практикуется во всех сделках с остяками, и результат выходит тот, что зыряне обеспечены на всю зиму, а остяки начинают голодать с начала ее» [Там же, с. 202].

И. Воропай на основании своих путешествий по Западной Сибири (Мужи, Березов, Обдорск) рассказывает о жизни остяков, описывая с этнографической точностью их быт и проблемы. В статье чувствуются его искренние сопереживания сложной и дикой жизни инородцев. Он подчеркивает основные проблемы местного населения: голод, болезни (в том числе широкое распространение сифилиса, болезни глаз – от постоянного дыма и грязи, поноса, уносящего особенно много детских жизней), пьянство и частый обман жителей торгашами. В качестве помощи автор предлагает прислать сюда добровольцев для просвещения и лечения туземцев без обременения их официальными бюрократическими обязанностями, но эти предложения носят достаточно иллюзорный характер.

Таким образом, Воропай в своих статьях дал интересные описания образа жизни кочевников, основанные на непосредственном многолетнем знакомстве автора с жизнью северных племен.

Отдельно отметим работы И.М. Воропая природоохранной тематики, что, понятно, для того времени было достаточно необычно, т. е. можно сказать, что он является одним из первых авторов, затронувших данную проблему. В 1904 г. писатель публикует работу «Хищничество в Камском бассейне и о правилах для рыбной ловли» [20], в которой рассуждает о по-

рядках на рыбных промыслах: «Летом прошлого года я по обыкновению удил рыбу удочкой, для чего поселился на берегу р. Камы в 30 верстах выше г. Перми. Здесь мне как-то случайно удалось посмотреть экземпляры новых правил о рыбной ловле в Волге и ее притоках, выше Саратова – или другого низового города, хорошо не помню. Я уж на Каме почти 40 лет» [20, с. 99].

Автор критикует указанные правила, в которых: а) разрешается проводить лов с 15 июля. По его мнению, в этом случае рыбаки останутся без улова, так как после середины лета рыба ловится очень плохо, б) «запрещается ловить рыбу шашковыми снастями и подольниками, или подпусками, выставляя ту причину, что со шашковой снасти рыбы много срывается и погибает напрасно. В этом, мне думается, есть ошибка» [Там же, с. 101]. И. Воропай доказывает, что эти снасти если и ранят рыбу, то не смертельно, и раны потом заживают: «Я уж шестьдесят пять лет, удил во многих бассейнах России и Сибири и ручаюсь, что своевременная ловля рыбы какими бы то ни было крючками не истребит ее и не помешает ее приросту» [Там же, с. 107]. «Как бы то ни было, рыба в Каме убывает и убывает быстро; но причина этой убыли вовсе не удочки и всякие крючки, а невода, всякие ловушки из сетей, запоры или забойни и нефть» [Там же, с. 109].

«В прошлом году Бог привел мне побывать летом в родном городе Ч-ве М-ой губ., на берегу рыбной Сожи. Раньше там было много рыбы, теперь нет вообще, ее потравили “кукельваном” – типа борной кислоты» [Там же].

И. Воропай призывает использовать сети, мережи, вентера с более крупной ячеей, чтобы не губить мелочь. В частности, он пишет: «В отношении сбережения рыбы, наши северные инородцы, зыряне и остяки, далеко предусмотрительнее наших русских крестьян. На севере Тобольской губернии, далеко за Березовым, ловят сырков, и, хотя эта рыба ежегодно приходит с моря и на зиму опять уходит, но инородцы делают для их ловли морды (гимги) из кедровых кореньев, с ячейками такой величины, чтобы задерживался только крупный (мерный) сырок, годный для продажи; все мелкие, а также нельма, мoksун и др., уходят свободно» [20, с. 111]. В конце 1960-х гг. автор проводил работы на р. Усьве... «Есть и еще одна причина уменьшения рыбы в р. Каме, но такая, от которой я не знаю, как избавиться, – это нефть» [Там же, с. 113].

В заключение статьи И. Воропай делает вывод: «На основании изложенного я полагаю, что для сохранения и размножения рыбы полезно было бы принять следующие меры.

Первая и самая главная – позволить ловить рыбу повсеместно и во всякое время года, но только тогда, когда она вымечет икру.

Не запрещать ловить всякой крючковой снастью.

Дозволить ловлю всякими сетями с ячейками не менее 1 1/8 вер. Или в крайности 1 вершок от узла до узла намоченной сети.

Не позволять делать забойки и загородки во всю ширину реки, как в Каме, так и во всех ее притоках, начиная с больших, напр. Чусовой, Сылве, Яйве, Вишере и других, и кончая самыми малыми и незначительными ручьями, дабы не заграждать тем выход рыбы весною из реки в луга и не препятствовать ее возвращению обратно в реки. Это самое большое зло и против него следует принять меры безотлагательно.

Придумать какой-нибудь способ против засорения реки нефтью.

Не допускать в продажу стерляди меньше полуфунта весом.

Запретить все способы отравления рыбы.

Я уверен, что при соблюдении даже только этих правил рыбы в Каме и ее притоках будет всегда достаточно.

Но теперь является вопрос самый главный: кто будет наблюдать за исполнением этих правил?» [20, с. 114].

В 1904 г. И. Воропай публикует еще одну природоохранную статью «Об охотничьем Законе» [21], в которой делает некоторые замечания о введении в действие Закона об охоте от 3 февраля 1902 г. Он пишет: «Во главе о времени охоты предлагается “разрешить весеннюю охоту на самцов-рябчиков на манок”. Если эта охота действительно будет разрешена, то ручаюсь, что через десять лет не останется ни одного рябчика в наших лесах, кроме тех мест далекого Севера, где добыча их производится как промысел для оптовой продажи. Тамошние крестьяне-охотники никогда не били их весной, и не будут бить, но не во исполнение закона, о котором едва ли и знают, а потому, что весною их сбывать некуда» [Там же, с. 23]. Далее автор описывает особенности охоты на рябчиков в отличие от тетеревов и глухарей. Значительное внимание в статье уделено тому, кто и как будет контролировать исполнение закона.

Продолжением тематики явилась статья 1906 г. «Ответ на замечание г. Дикаго» [22]. Эта публикация – продолжение дискуссии об охоте. Свою точку зрения Воропай доказывает на основе большого опыта охотника и любителя природы. В частности, он описывает такой случай отношения крестьян к природе: «В 1884 году, возвращаясь зимой из поездки в Большеземельскую тундру, не доезжая 3–4 станций до Тобольска, я разговаривал с ямщиком, оказавшимся охотником, стал спрашивать об их охотах и, между прочим, услышал такой рассказ.

– У нас, слава Богу, всего довольно. Вот в прошлом году мы пошли артелью за сохатыми: дело было Великим постом, наст был добрый; натыкались мы на большое их стадо и погнали. Нам-то на лыжах ходко, а они-то сразу стали проваливаться; погнали мы их не особенно далеко, а они

стали проваливаться; ишь, ноги в кровь-то порезали, а там и совсем стали; вот мы и принялись за работу: коего из ружья, коего обухом по лбу, подкравшись с боку, а иных лосят ножом, да и уложили их 47 штук.

– Что же вы с ними сделали? – спросил я, слушая с ужасом об этой бойне.

– А что? Известно, оснимали да и стали таскать шкуры домой. Да ходу-то, что от деревни, было далеко, верст 60, и стало таять; на лыжах ходу не стало; едва успели вытаскать шкуры, а мясо так в лесу и осталось». [22, с. 101].

Рассказав о работах И.М. Воропая, вернемся к его биографии, приведенной Ю.А. Кашаевой [7]: «И.М. Воропай был активным участником общественной жизни Пермского края. С 1888 по 1907 г. он был действительным членом Пермского губернского статистического комитета. В 1891 г. вступил в члены Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), в которую входил всего 31 человек. В 1891 г. в коллекцию музея Общества от него поступил бердыш, в 1894 – 30 штук окаменелых раковин с Николо-Ивдельской дачи; остяцкий охотничий пояс; зырянская головная гребенка ручной работы из мамонтовой кости. И.М. Воропай стал одним из учредителей Пермского научно-промышленного музея в 1901 г., подписав проект его Устава.

И.М. Воропай были сделаны несколько докладов на заседаниях Пермской комиссии УОЛЕ и Пермского научно-промышленного музея: 2 апреля 1899 г. – “Несколько слов о Большеземельской тундре”, ряд личных наблюдений над природой и жизнью обитателей тундры; 17 мая 1899 г. – “Остяки и самоеды в низовьях Оби”, ряд личных наблюдений над жизнью инородцев Сибири; 16 февраля 1901 г. – “К вопросу об уничтожении рыбы и птиц в окрестностях г. Перми и Пермской губернии”. По сведениям на 1 апреля 1902 г. И.М. Воропай числился в действительных членах Пермского научно-промышленного музея, живущих в г. Перми. <...> В адресе-календаре «Весь город Пермь» на 1904 г. мы встречаем фамилию Воропай среди кандидатов гласных Пермской городской Думы.

Как утверждалось в статье, опубликованной в «Пермских губернских ведомостях», И.М. Воропай первым начал составлять карту Пермской губернии по местным источникам. Эта карта была увезена в Петербург, “где и затерялась”. Им же составлены еще две подробные карты, одна из них находилась в Петербурге, а другая была исполнена по частному заказу Поклевского-Козелл.

И.М. Воропай являлся членом Пермского общества любителей правильной охоты: в 1893 г. – старшина; в 1894–1897 гг. – товарищ председателя» [7, с. 105; 23, с. 215, 217].

*Пермские охотники.
И.М. Воронин стоит с ружьем на плече.*

Игнатий Михайлович построил хорошую служебную карьеру. В Календаре пермской губернии на 1887 г. отмечается: «Пермская временная комиссия: От Министерства внутренних дел, по размежеванию башкирских земель, межевой инженер, статский советник Игнатий Михайлович Воропай» [24, с. 154]. Чин статского советника по табелю о рангах находился между военными чинами полковника и генерал-майора.

Во второй половине XIX в. в Перми проживало большое количество католиков, которые концентрировались вокруг храма. В 1850–1860-е гг. их численность в губернии значительно увеличивается за счет ссыльных поляков. В 1875 г. в Перми открылся католический храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. В 1899 г. были построены церковный дом и приходская школа. Католическая церковь всегда служила местом, где помимо богослужений проходила культурная и общественная жизнь прихожан. По всей видимости, И.М. Воропай активно участвовал в жизни верующих, об этом говорит следующая заметка: «Воропай Игнацы (скончался в 1908 году), губернский землемер, был избран синдиком (старостой) католической общи-

*Александр Игнатьевич
Воропай.*

Пермь. Польский костел.

ны, а также членом Пермского статистического комитета. Игнатий Михайлович изучал историю Пермского края, выступал с докладами в музее и Уральском обществе любителей естествознания; одна из тем его научных изысканий: “Истребление рыбы в Каме” (уже тогда это было актуально!). Рядом покоится его жена Юлия, умершая на 10 лет раньше мужа» [18].

В Справочной книжке Пермской губернии за 1910 г. отмечается: «232-й Ирбитский резервный батальон. Штабс-капитан Александр Игнатьевич Воропай» [25, с. 1878]. Это сын нашего героя. Он был военным и погиб на Гражданской войне.

В представленном очерке впервые в региональной литературе рассмотрено творчество своеобразного писателя-беллетриста И.М. Воропая. В своих путевых и охотничьих рассказах он оставил много достоверных описаний деятельности и быта северных жителей, которые до сих пор активно используются современными учеными [19, 26].

Литература:

1. Максимов, С.В. Год на Севере / С.В. Максимов. – СПб., 1871. – 690 с.
2. Иславин, В.А. Самоеды в домашнем и общественном быту / В.А. Иславин. – СПб.: Типография Министерства государственных имуществ, 1847. – 142 с.
3. Носилов, К.Д. На диком севере. Сборник рассказов / К.Д. Носилов. – М.: ред. жур. «Юная Россия», 1908. – Т. 1. – 115 с.; Он же. На диком севере. Сборник рассказов / К.Д. Носилов – М.: ред. жур. «Юная Россия», 1908. – Т. 2. – 111 с. и др.
4. Борисов, А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова / А.А. Борисов. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена. – 1907. – 104 с.; Он же. В стране холода и смерти / А.А. Борисов. – СПб., 1909. – 68 с.
5. Белдыцкий, Н. Очерки Вишерского края. Извлечено из «Пермских губернских ведомостей» / Н. Белдыцкий. – 1899. – 54 с.; Он же. В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда. – Пермь, 1901. – 127 с. и др.
6. Кушелевский, Ю.И. Путевые заметки, веденные во время экспедиций 1862, 1863 и 1864 гг., предпринятых для открытия сухопутного и водного сообщения на севере Сибири от р. Енисея через Уральский хребет до р. Печоры. (Отчет о трех экспедициях, организованных на средства М.К. Сидорова) / Ю.И. Кушелевский. – Тобольск, 1864. – 66 с.
7. Кашаева, Ю.А. Губернский землемер Игнатий Михайлович Воропай / Ю.А. Кашаева. // Поляки в истории и культуре Урала: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Пермь, 25–27 сент. 2012 г. – Пермь: Форвард-С, 2014. – С. 103–108.

8. Кашаева, Ю.А. Кадровое обеспечение деятельности Пермской временной межевой комиссии / Ю.А. Кашаева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 3. – С. 21–29.
9. Кашаева, Ю.А. История Пермской временной межевой комиссии / Ю.А. Кашаева // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. – Вып. 7. – Пермь: МБУК ОМБ, 2016. – С. 18–26.
10. Воропай, И. «По поводу рассказа “На правильной облаве”» / И. Воропай // Природа и охота. – 1896. – Вып. 6. – Июнь. – С. 138–142.
11. Воропай, И. Блаженные годы. (Воспитание былых охотников) / И. Воропай // Природа и охота. 1904. – Вып. 4. – Апрель. – С. 101–110.
12. Воропай, И. Как у нас заелись борзые / И. Воропай // Природа и охота. – 1903. – Вып. 9. – Сентябрь. – С. 90–103.
13. Воропай, И. Бог спас! / И. Воропай // Природа и охота. – Вып. 10. – Октябрь. – С. 29–34.
14. Голохвастов, А. Проект соединения р. Оби железною дорогою с Хайпудырскою губою Северного океана / А. Голохвастов. – СПб., 1879. – 23 с.
15. Воропай, И.М. От реки Оби до Северного океана / авт. вступ. ст. Н.А. Повод. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – 226 с. (Югорский репринт). – <http://hmap.kaisa.ru/object/1808937877?lc=ru> (дата обращения: 15.05.2025).
16. Воропай. Несколько слов о Большеземельской тундре / И. Воропай // Псовая и ружейная охота. – 1904. – Февраль. – Кн. 2. – С. 41–51.
17. Воропай. Несколько слов о Большеземельской тундре / И. Воропай // Псовая и ружейная охота. – 1904. – Февраль. – Кн. 3. – С. 49–61.
18. Пермский некрополь. – <https://refdb.ru/look/2642494-pall.html> (дата обращения: 15.05.2025).
19. Повод, Н.А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) / Н.А. Повод. – <https://cyberleninka.ru/article/n/olenevodstvo-komi-izhemtsev-severnogo-zauralya-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v> (дата обращения: 12.04.2020).
20. Воропай, И. Хищничество в Камском бассейне и о правилах для рыбной ловли / И. Воропай // Псовая и ружейная охота. – 1904. – Кн. 4. – С. 99–118.
21. Воропай, И. Об охотничьем законе / И. Воропай // Псовая и ружейная охота. – 1904. – Кн. 9. – С. 23–29.
22. Воропай, И. Ответ на замечание г. Дикаго / И. Воропай // Псовая и ружейная охота. – 1906. – Кн. 4. – С. 94–102.
23. Материалы по изучению Пермского края. – Пермь, 1905. – Ч. 2. – С. 215–217.
24. Календарь Пермской губернии на 1887 год / сост. Р. Рума. – Пермь, 1886.

25. Адрес-календарь. Справочная книжка Пермской губернии. 1910 год. – Пермь: Статист. комитет, 1909.
26. Повод, Н.А. Хозяйственные традиции Ляпинских коми в начале XXI в. / Н.А. Повод. – <https://cyberleninka.ru/article/n/hozyaystvennyye-traditsii-lyapinskih-komi-v-nachale-xxi-v> (дата обращения: 12.04.2020 г.).

ПЕРЕПИСКА В.А. ВАРСАНОФЬЕВОЙ С Н.А. ЕМЕЛЬЯНОВОЙ И О.А. БАЯН

В 2025 г. исполняется 130 лет со дня рождения известного геолога, географа, историка науки Веры Александровны Варсанофьевой. Ей принадлежат многочисленные труды по истории геологической науки [1, 2 и др.], из-под ее пера вышли прекрасные книги и статьи о великих ученых – А.П. Павлове [3], А.А. Чернове, А.А. Борисяке, А.Е. Ферсмани и многих других [4]. Творческое наследие В.А. Варсанофьевой как историка науки рассмотрено А.Н. Ивановым [5]. Работы В.А. Варсанофьевой по истории геологии написаны в разном стиле – есть аналитические, предназначенные только для специалистов, есть научно-популярные, написанные красивым и простым языком. С 1954 по 1970 г. Вера Александровна работала в Сыктывкаре, в Институте геологии Коми филиала АН СССР, и проживала в этом городе, часто выезжая в Москву. В Научном архиве Коми научного центра Уральского отделения РАН хранится личный фонд В.А. Варсанофьевой, содержащий ее переписку с двумя писательницами, которые тоже писали о науке и геологах и с которыми Вера Александровна дружила.

Жизнь и творчество Н.А. Емельяновой

Подругой юности В.А. Варсанофьевой была Нина Александровна Емельянова (по мужу Козловицкая) (16.12.1896, г. Москва – 25.11.1987, г. Москва), прозаик, член Союза писателей СССР (1941). Сестра известного детского писателя Б.А. Емельянова (широко известны его труды о А. Гайдаре). В 1905 г. Н.А. Емельянова вместе с родителями переехала в г. Воронеж, где окончила женскую гимназию (1912). Два года училась у известного художника А.А. Бучури в Воронежской бесплатной рисовальной школе. В годы Первой мировой войны – сестра милосердия. С В.А. Варсанофьевой Н.А. Емельянова вместе училась на физико-математическом отделении Высших женских курсов. В 1917 г. Нина Александровна получила диплом геолога и в течение многих лет работала по

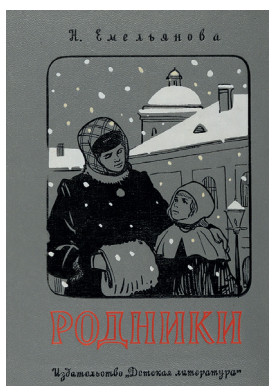

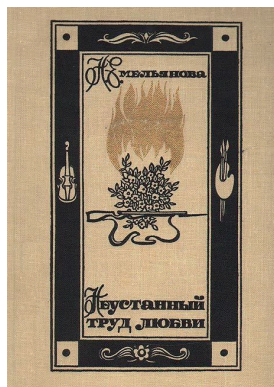
*Нина Александровна
Емельянова.*

специальности, участвуя в многочисленных геологических экспедициях – на Печору, Северный Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Писать Н.А. Емельянова начала в 1929–1930-е гг. В «Сибирских огнях» [1931. № 1–5] был напечатан цикл очерков «Заманщина». Первые литературные шаги Н.А. Емельяновой были поддержаны М.А. Горьким. С 1930 по 1940 г. Нина Александровна – сотрудник Владивостокского геологического треста. Геологическая работа Н.А. Емельяновой упоминается в статье академика Е.Н. Павловского: «Уже произведено предварительное описание геологии заповедника (Н.А. Козловицкая) и его почвенного покрова (М.А. Жукова) [6]». Первоначально в очерках Н.А. Емельяновой описывались люди, осваивающие природные богатства страны [7]. В 1939 г. в журнале «Красная новь» была напечатана повесть «В Уссурийской тайге». Эта работа высоко оценена и нашими современниками. Так, исследователь Дальнего Востока А.А. Калинин пишет: «Говоря по-другому, дальневосточные очерки Н.А. Емельяновой должны считаться нами за нашу “повесть временных лет”» [8].

В 1941 г. Нина Александровна написала первую книгу для детей – «Колбат».

С этого времени, не прекращая писать для взрослых (повесть «Хирург», 1944; сборник рассказов «Четыре весны», 1947), автор много пишет для детей. В 1950 г. вышла ее повесть «Заманщина» – о прошлом и насто-

ящем тайги в Красноярском крае. В 1955 г. Н.А. Емельянова опубликовала автобиографическую повесть «Родники» (1949–1954), где рассказала о своем детстве, о девочке, которая жила среди заводских рабочих, и великих событиях русской истории – Революции 1905 г. И все же, мне кажется, дело не только в великих событиях, для писателя интересен процесс становления человека как личности. Этот процесс может происходить, конечно, и как на фоне великих событий («Родники»), но также и на фоне не столь значимых переживаний («Родной дом»). Все творчество Н.А. Емельяновой пронизано любовью к своим близким людям – и по жизни, и по литературным произведениям. Герои повестей – дети, воспитываются в добрых семьях, где и проходит формирование их мировоззрения. Н.А. Емельянову можно назвать романтиком в литературе. Ее творчество – это исследование формирования человека (т. е. автора в большинстве случаев), которое происходит на фоне долгого времени. Современники Нины Александровны действительно пережили сложнейшие исторические события, которые были отражены в ее повестях и рассказах.

В 1961 г. выходит книга Н.А. Емельяновой «Повести», включившая в себя уже изданные произведения – «Родники», «Родной дом» и «Колбат».

В 1964–1966 гг. автором была написана повесть «На перекрестке ста дорог», посвященная молодым геологам. Писатель выносит свои представления о том, что происходит в душах молодых специалистов, как они видят свою будущую судьбу. Это абсолютно социальное сочинение. Сейчас очень трудно представить, что на специальность «геология» когда-то был громадный конкурс.

В 1973 г. вышла в свет книга Н.А. Емельяновой «Рождение командира». В издание вошли рассказы автора о героях и воинах Отечественной войны. Написаны они в разные годы: «Маркел – сухие гвозди» – 1942; «Во весь рост» и «Песня» – 1943; «Дружба» и «Товарищи» – 1944; «Суво-

ровское качество» – 1948; «Такая девушка» и «Корни» – 1959; «Рождение командира» – 1965.

«Неустанный труд любви» (1967–1974) – книга, в которой повествование пронизано «воронежскими мотивами», автором ярко обрисована фигура известного воронежского художника А.А. Бучкури.

В 1979 г. издана книга «Неустанный труд любви. Повести и рассказы». Интересно, что автор возвращается к событиям, происходившим много лет назад. В повести «Цильма – это начало» Н. Емельянова рассказывает, как после Высших женских курсов несколько выпускниц совершили поездку на Печору под руководством профессора А.А. Чернова. Благодаря Н.А. Емельяновой, мы сейчас можем представить почти с документальной точностью, что происходило в 1920-е гг. на Печоре.

В 1982 г. опубликована книга повестей и рассказов Н. Емельяновой «Видеть, думать, жить». В нее вошли как известные ранее, так и новые произведения.

О двух детских книгах Н.А. Емельяновой

Остановимся подробнее на двух детских книгах Нины Александровны, написанных в сотрудничестве с прекрасной художницей В. Челинцевой. К сожалению, в г. Сыктывкаре эти издания я не нашел ни в одной библиотеке. Первая книга – «Окся труженица», вышедшая в 1959 г., практически этнографически точно, прекрасным языком описывает быт и отношения в коми оленеводческой семье. Показано, как формируется представление маленькой девочки о семье, отношениях, о жизни. Книга

*Валентина Николаевна
Челинцева.*

не только знакомит читателя с жизнью оленеводов, но и показывает любовь к родине, к сложной природе, окружающей ребенка.

Продолжение рассказа о жизни в чуме девочки Окся находим в книге Н.А. Емельяновой «Северин едет по тундре». Писательница повествует о брате Окся – Северине. На севере дети взрослеют очень рано, они незаметно вовлекаются в жизнь взрослых людей, с малых лет помогая родителям и в уходе за оленями, и в работе по дому. В книге мы видим взросление мальчика Северина. Он еще не определился, кем будет в будущем, но его берут с собой в сложный полевой маршрут геологи, им предстоит совершить плавание на байдарке по р. Каре до

самого Ледовитого океана. Книга написана также простым языком, с этнографической точностью, даже многие слова и фразы даны по-коми.

Нельзя не отметить прекрасное оформление этих изданий Валентиной Николаевной Челинцевой (1906–18.09.1981), профессиональным художником-конструктором книги. Родилась В.Н. Челинцева (в большинстве биографических очерков фамилия пишется так, но на обложках книг – Челинцева) в г. Хвалынске, большую часть жизни проработала в г. Челябинске. Участвовала в оформлении книг многих авторов.

«В 1953 г. художница выезжала на Север, на дальние оленьи стойбища, в Амдерминский район. Инициатором ее путешествия на Север стал друг детства старшего сына – Женя. Геолог. В большой длинноухой оленьей шапке он появлялся всегда неожиданно. Женя работал около Воркуты. Его рассказами о Севере наполнялся весь дом. Увлеченная его словесными образами, Челинцева, хотя и была не совсем здорова, полетела самолетом, потом по ледяным дорогам ехала на машине. Потом – на белой оленьей упряжке как почетная гостя. Жила в чуме. И рисовала карандашом (краски замерзли). У нее получалось много белого цвета или шел контраст черного с белым. Появлялись неожиданно буддийские мотивы... А на Севере она ходила по пятам за пятилетней Оксей. Рисовала ее, чумы, собак, снег, оленей. Сделала много записей из жизни народа Коми. После поездки появились ею оформленные книги “Окся-труженица”, “Северин идет по тундре”, “Розовая чайка” (вышли в “Детгизе”) и другие. Она успешно иллюстрировала книги о Севере разных авторов – А. Мошковского,

Г. Ходжера, Г. Нагишкина. Начиная с оформления обложки, художница продвигалась все глубже, в пространственное построение всей книги. И это в то время, когда не было хорошей бумаги, цветопередачи, полиграфии. Но она говорила: “Работать же можно на любой бумаге, любыми средствами. Лишь

бы композиция была хорошей по мысли и рисунку”. Позднее ее Окся (рисунки) была выставлена в Москве, в выставочном зале на улице Горького. Это была большая персональная выставка. Работы с Севера занимали несколько стен. Широко известны ее творения “У оленеводов Севера”, “Встреча”, “Дочь Севера”, “В школу”, “Сборы в дорогу”, “Купанье новорожденного”. С 1953 по 1961 год она много работала в книжной графике для московских издательств “Детгиз”, “Детский мир” (за всю жизнь оформила 50 книг), “Мурзилка”, создала два фильма для телевидения» [9].

На Севере много работала и Н.А. Емельянова, которая прекрасно знала жизнь коми оленеводов. Именно знание материла позволило в содружестве Н.А. Ермолаевой и В.Н. Челинцевой создать такие замечательные книги для детей. Простая речь, понятная для детей, красочное, мастерское художественное оформление могли бы стать причиной нового издания этих и других произведений для детей.

«Если найдется такой человек – читатель, критик, который заинтересуется творчеством Н. Емельяновой, то будет вознагражден точным, правдивым описанием всего того, что было взято с натуры. Она сама гово-

рила: “Писательство пришло как итог работы в чрезвычайно полное событиями время...”. Широта ее взглядов и интересов, желание и способность воплотить черты наших современников отчетливо сказались в произведениях Н.А. Емельяновой» [10], – писал критик И. Гринберг.

Что общего можно выделить в произведениях писателя Н.А. Емельяновой? Что определяет оригинальность ее творчества?

1. Высочайшая культура отношения к жизни, людям, героям, своим произведениям. Эта культура, воспитанная всем течением ее жизни от детских лет (жизнь в не богатой, но и не бедной семье заводского служащего, трогательные отношения близких людей) до взрослой жизни (что отражают ее письма). Формирование Н.А. Емельяновой как подростка, как взрослого человека мы прекрасно видим в почти автобиографических произведениях «Неустанный труд любви», «Печора – это начало» и др. Эта культура – плод воспитания, самоанализа, результат тонкой восприимчивости людей (воспоминание о встречах с А.А. Бучкури, В.А. Варсанюфьевой и многими другими).

2. Общение с природой, любовь к ней и растворение в ней. Природа у Н. Емельяновой – это действующее лицо практически во всех ее произведениях. Поскольку почти все они написаны в зрелом возрасте (после 30 лет), то можно сделать вывод, что любовь к природе, знание ее, вовлечение природы в структуру произведения – плод образования (геологического) и длительной полевой работы автора. Н.А. Емельянова пишет В.А. Варсанюфьевой: «Я думаю, что теперь, когда оглядываюсь на литературную свою работу, мне ясно видно, откуда идет ее начало. Неизмеримо многим обязана я своему отцу, который научил меня прислушиваться к жизни природы, видеть ее вокруг себя, постоянно чувствовать. Люди особенно хорошо выражают себя среди природы, может быть потому, что у многих лучшие их чувства зажаты всеми трудностями жизни, службой, городом, а в природе они освобождаются. Так много поэтичного, очень нужного людям, связано у меня и с Вашим образом: я так и вижу Вас на берегах Цильмы, слышу, как Вы рассказываете о каком-нибудь случае, о чем-нибудь, увиденном Вами, – всегда это интересно и вызывает желание как-то это сохранить, записать, передать другим. Записывать я не записывала, а помню много из Ваших приездов для “встречного” свидания с нами и “пименом”. Как же было не стремиться к тому, чтобы написать о Печоре, о девушках геологах, но как-то это окладывалось, а теперь возьму и с благодарностью к Вам и впечатления от встреч в молодости. Сейчас же оба мы с Андрюшей поздравляем Вас еще раз. 11 января в клубе Центр. Дома литераторов будет мой вечер. Я пришло Вам пригласительный билет и буду счастлива увидеть Вас. Будьте здоровы. Н. Козловицкая».

Природа выступает в рассказах Н.А. Емельяновой и как фон, и как фактор формирования характера героев. Это мы видим и на примере детских рассказов «Окся труженица», «Северин идет на Север» и рассказов военных и автобиографических. Автор в силу своей профессии и биографии повидала многие ландшафты нашей Родины. В своих произведениях Н.А. Емельянова наделяет героев любовью и к Малой Родине, и к Великой Стране. Образцом влияния природы на формирование героя, мальчика-подростка, является повесть «Родной дом».

3. Вера в людей и их доброе начало. Подавляющее большинство героев Н.А. Емельяновой – люди очень добрые. Отрицательные герои встречаются не так часто, возможно, автору они не так интересны. Например, в повести «Цильма – это начало» один отрицательный герой – Леонтий Петрович. Зато сколько положительных персоналий. В повести «На перекрестке ста дорог» отрицательные герои вообще показаны мелким штрихом, лишь для того, чтобы усилить положительные черты других героев. Поскольку многие произведения Н.А. Емельяновой носят автобиографический характер, особенно отчетливо видны любовь, нежность и благодарность к близким людям.

4. Попытка осмысления жизненного пути, стремление разобраться кто, как, чем и каким образом сформировал те или другие качества героя. Многие произведения Н.А. Емельяновой написаны спустя большой промежуток времени после событий, которые описываются в повестях и рассказах. Многие писались по несколько лет. Когда читаешь очерки о детстве автора, поражают подробности, приводимые в работах, из-за которых все рассказы становятся абсолютно правдивыми. Н.А. Емельяновой было необходимо обдумать событие, найти соответствующие формы изложения материала. Возможно, с возрастом желание осмыслить события, а порой и всю свою жизнь, становится необходимым условием существования.

5. Автобиографичность многих рассказов и повестей. В этом плане можно выделить произведения почти автобиографичные – «Родники», «Усть-Цильма – это начало» и др. В них Н. Емельянова оставляет сюжеты и имена героев, которые были в действительности. Большинство других произведений написано со знанием дела и на основе личного опыта. Чаще всего автор создает сюжеты, в которых непосредственно ей пришлось жить и работать. Например, в повести «На перекрестке ста дорог» автор часто использует конкретную географическую и геологическую терминологию, которая знакома только специалистам. Возможно, погружение автора в глубину сюжета и тонкое знание подробностей, а также умелое использование особенностей описания конкретного ландшафта делают ее произведения достоверными и убедительными.

Нина Александровна Емельянова и Вера Александровна Варсанофьева дружили практически всю жизнь, и первое их совместное путешествие на Тиман и Печору под руководством А.А. Чернова в 1917 г. осталось в их памяти. Эту экспедицию Н.А. Емельянова описала в повести «Цильма – это начало» в 1971–1977 гг. В 1962 г. она писала Вере Александровне: «...Вы всем нашим писателям-друзьям очень понравились, и мне все делали замечание, что я, говоря о Вас, упомянула, что мы были “младшие” геологи, а Вы – старшая, так что вышло это неудобно: Вы меня извините, если так. В молодые годы три-четыре года кажутся большим сроком, но ведь Вы были “старше” просто по своему пониманию жизни и природы, и науки, а мы все-таки были глуповаты! Целую Вас. Н. Козловицкая». В.А. Варсанофьева ушла из жизни 29 июня 1976 г. Скорее всего, она успела прочитать повесть.

Н.А. Емельянова сохранила любовь к нашему краю на всю жизнь, и в своем письме она пишет: «Все же это плохо – не знать о том, как Вы работаете, вернее где? Не лежит ли Ваш путь на Ылыч? Вот уж сколько лет мечтаем мы побывать на Печоре, но трудно сказать – сумеем ли и в этом году. Все же не оставляем надежды проехать хотя бы на пароходе по Печоре с верховьев до Усть-Цильмы. Привет, Н. Емельянова, А. Козловицкий».

Творчество О.А. Баян

Второй адресат Веры Александровны писатель Ольга Александровна Баян (22.07.1899–1961) родилась в Николаеве в семье учителя [11]. После окончания гимназии училась в Киевском коммерческом институте. С 1919 г. работала библиотекарем, чтецом художественных произведений. Писать и печататься начала в 1931 г. на украинском языке, но в дальнейшем стала писать на русском. О.А. Баян – автор очерков, рассказов и повестей о жизни и деятельности русских геологов и географов – А.Е. Ферсмана, А.П. Карпинского, Н.Н. Миклухо-Маклая и др. Книга «Разведчик недр» рассказывает о жизни и научной деятельности Александра Евгеньевича Ферсмана, а работа «Отец русской геологии» – об Александре Петровиче Карпинском. Отметим, что оба героя внесли большой вклад в развитие геологии и экономики Коми края.

В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН хранятся письма О.А. Баян к В.А. Варсанофьевой (19 писем, 30.09.53–14.10.58 гг.; Ф. 10. Оп. 1. Д. 65). Их анализ показал, что последние годы жизни писательницы были очень трудными – постоянное безденежье, одиночество, сложные отношения с издательствами.

«5 мая 1954 г. В последнее время болею, и очень тяжело стало склоняться по чужим углам. Поэтому я переехала домой в мокрую недо-ремонтрованную комнату и из нее уже не хочу никуда двигаться. Ваша, О. Баян».

Вместе с тем она пишет, как заботится о девушке, которая 17 лет пробыла в недвижимости и теперь стала понемногу передвигаться: «21.03.? г. Хлопоты о девочке продолжаю с помощью хороших людей. Мы подняли на ноги двух депутатов, хлопочем о квартире, о повышении ей пенсии, о санатории – вообще обо всем. Но что получится, не знаем. Плохо то, что сама то она очень слабенькая».

Трогательными являются строки поздравления с днем ангела, кото-рые О.А. Баян адресует Вере Александровне Варсанюфьевой в письме от 30 сентября 1953 г.:

Моя хорошая Вера Александровна!

В день Вашего Ангела, этот Ваш праздничный день золотой осени, так любимый Вами, я шлю Вам свое самое сердечное поздравление.

Пусть вдохновение и вера в мечту никогда не покидают Вас. Пусть сбудутся эти мечты. Пусть так ярко засияют для людей плоды Ваших тру-дов, как сияет сегодня утром солнце. Пусть всегда в жизни вокруг Вас пе-стреют цветы, которые Вы – человек тонкого вкуса – так любите. Пусть их будет так много, как сегодня на улицах Москвы, а также (я уверена в Ва-шей уютной комнате. А когда Вы будете отсутствовать как обычно и не сможете ими любоваться, пусть любуются ими мамина кукла.

Как мне хочется поскорее отослать в издательство свою работу и хоть один вечер вместе с Вами мысленно уйти в Ваше прекрасное дет-ство, почувствовать его поэзию, поэзию красивой жизни (а у Вас она не может быть иной), среди прекрасных, чистых людей – такими я представ-ляю себе Ваших близких. Я верю, что этот день Вы все-таки выберете...

В Сыктывкарских библиотеках мне удалось найти только одну книгу О.А. Баян – «Первые исследователи Центральной Азии», посвященную Пржевальскому и его ученикам Роборовскому и Козлову. Очерки написаны для детей старшего возраста, они не похожи на книги В.А. Варсанофьевой, да это и не было задачей писательницы.

В одном из писем к В.А. Варсанофьевой Ольга Александровна пишет о переиздании книги «Разведчик недр»: «05.05.56 г. С нетерпением буду ждать Вашего приезда, чтобы вместе обдумать, что добавить к книге “Разведчик недр”. Наукой перенасыщать не хочу, боюсь засушить вещь, а если удастся добыть интересный материал – эпизоды живые, то добавлю. Шлю самый сердечный привет. О. Баян». Сейчас книги такого стиля – художественные описания деятельности ученых – практически не издаются, хотя в то время они выходили тиражами в десятки и сотни тысяч экземпляров.

В письме от 30 апреля 1957 г. Ольга Александровна пишет:

Вера Александровна!

Под впечатлением Вашего вчерашнего рассказа я написала специально для Вас (подчеркнуто в письме – В.С.) на память очерк (если в нем что наврала, исправьте). Его я и посылаю Вам сегодня вместо поздравительной телеграммы...

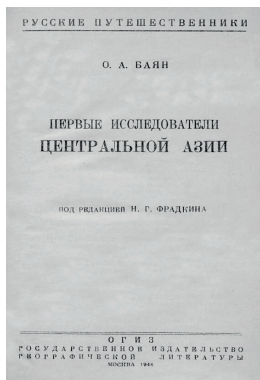
Целую Вас крепко и желаю сил и сил. Любящая Вас О. Баян.
(Вот этот очерк – В.С.)

Босиком по Москве

В тяжелые годы Второй империалистической войны Вера Александровна Варсанофьева не уезжала ни в какую эвакуацию, а оставалась в Москве. Она работала на кафедре пединститута, посещала госпитали, помогала людям в их несчастьях и ухаживала за больной племянницей. О себе ей было думать некогда. Поэтому, когда окончилась война, Вера Александровна обнаружила, что очень обносилась. Она не имела ни приличного платья, ни зимнего, ни летнего пальто и даже туфель для выхода.

И надо же было как-раз в это время получить ей приглашение на юбилейную Сессию Академии наук СССР, да еще такую, на которую съехались иностранные гости с разных концов земли!

Вере Александровне было вручено несколько пригласительных билетов – на торжественные заседания, на спектакли в театры, на банкеты...

– Никуда я не пойду, – решила Вера Александровна. – Мне ведь не в чем выйти, а купить что-либо денег нет.

Тут ее близкие друзья и ученики стали деятельно искать выход из положения. Позвонили в издательство, задолжавшее В. А. не деньги за книгу, но ответ получили печальный.

– Денег в наличии нет, – сказал бухгалтер.

Тогда они отыскивали одну даму, на что-то копившую деньги, и взяли их у нее в долг.

Оставалось всего несколько дней до начала Сессии, когда Вере Александровне друзья вручили деньги.

Тут началась бешенная спешка: беганье по магазинам в поисках материи на платье, к портнихе... Наконец дело с платьем улажено, но туфель нет. Вера Александровна не смогла в магазинах отыскать подходящие. Тогда одна из ее учениц-дочек Шурочка предложила ей надеть свои модельные туфли. Они оказались в пору Вере Александровне, и она согласилась.

Наступает день первого банкета. Портниха обещает к вечеру закончить платье, а один из молодых геологов-учеников доставить к портнихе тоже к вечеру Шурины туфли.

Вот Вера Александровна уже стоит в платье и туфлях. Все хорошо.

– Но как я пойду? – говорит она, на таких каблуках быстро не добежишь, а осталось до начала считанные минуты.

– Я вас провожу, буду поддерживать, как-нибудь вместе дойдем – успокаивает молодой друг.

– Нет, мы сделаем иначе, – решительно говорит Вера Александровна и снимает новые туфли. – Мы завернем их в бумагу и возьмем с собой. А потом в какой-нибудь подворотне неподалеку от Охотного я их переодену.

Так и сделали. На улице Горького в каком-то дворе Вера Александровна переобулась, отдала старые туфли приятелю и на банкет явилась к сроку и в полной форме.

Во время банкета она чувствовала себя не хуже других.

Вечер прошел хорошо. События начались уже после банкета, когда окруженная иностранными гостями и живо беседующая с ними (В. А. знает три иностранных языка – немецкий, французский и английский) Вера Александровна вышла на улицу. Дул холодный ветер и накрапывал дождь.

– Где же ваше пальто? – спросил ее кто-то из гостей.

– А я его в своей машине обратно домой отправила, – сочинила Вера Александровна, – было ведь очень жарко, и я думала, оно не пригодится.

Не могла же она сказать, что у нее вообще нет пальто.

Распрощавшись, Вера Александровна поспешила в метро. А когда вышла из него на станции «Крымская», то увидела сплошные лужи вокруг.

«Что делать? Разве я имею право портить чужие туфли, да еще модельные, которые нигде не достать!»

.....

Не долго думая, Вера Александровна сняла туфли, взяла их подмышку и, «подняв хвост платья» (как она потом рассказывала), смело зашагала по лужам босиком. Домашние пришли в ужас, когда увидели ее в таком виде!

О. Баян

Не знаю, был ли опубликован этот очерк, но автору показалось возможным его привести полностью, так как в нем отражены скромность, интеллигентность и крайняя неприхотливость Веры Александровны Варсанофьевой... Об этом же и в другом письме: «13.10.1958 г. ...Читая в Вашем письме о Ваших походах, я восхищалась Вами, а когда дочитала до места, где Вы на плоту в холод надеваете на ночь ночную сорочку, то даже ахнула. Что бы было со мной, если бы я рискнула такое совершить? Я уже успела в Доме творчества простудиться и переболеть гриппом. Целую Вас крепко. Любящая Вас, О. Баян».

Как нам удалось выяснить, Ольга Александровна Баян была знакома с Ниной Александровной Емельяновой, потому что в одном из писем она просит Веру Александровну Варсанофьеву дать в издательство характеристику на одну из своих книг от лица ученого, напоминая, что другую характеристику как писатель даст Нина Александровна.

Литература:

1. Варсанофьева, В.А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки / В.А. Варсанофьева. – М.: МГУ, 1955. – 103 с.
2. Варсанофьева, В.А. Сорок лет советской геологии / В.А. Варсанофьева // Бюлл. МОИП. – 1957. – Т. 32, вып. 5. – С. 5–54.
3. Варсанофьева, В.А. А.П. Павлов / В.А. Варсанофьева. – М.: МОИП, 1941. – 347 с.
4. Силин, В.И. Географические исследования Веры Александровны Варсанофьевой / В.И. Силин // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Сыктывкар, 2011. – Ч. 5.
5. Иванов, А.Н. Вера Александровна Варсанофьева как историк науки / А.Н. Иванов // Бюлл. МОИП. Отд. геол. – 1977. – Т. 52, вып. 6. – С. 11–14.

6. Павловский, Е.Н. Горно-таежная станция имени В.Л. Комарова Академии Наук СССР / Е.Н. Павловский // Вестник Академии наук СССР. – 1940. – № 6.
7. Емельянова, Н. // Советские детские писатели. Биобиблиграфический словарь (1917–1957). – М., 1961. – С. 135–136.
8. Калинин, А.А. Утренние часы, лучшее время жизни (Н.А. Емельянова) / А.А. Калинин // Восточное притяжение: Наша история в биографиях и лицах. – Владивосток, 2008. – С. 57–76.
9. Мои люди. – 9 октября 2013 года. – Надежда Лысанова, краевед, писатель, Челябинск. – <http://www.levluzin.ru/people/nadezhda-lysanova-kraeved-pisatel-chelyabinsk/> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Гринберг И. // Знамя. – 1950. – № 8.
11. Баян Ольга Александровна // Советские детские писатели. Биобиблиграфический словарь (1917–1957). – М., 1961. – С. 35.

АНАТОЛИЙ АНТОНОВИЧ СМИЛИНГИС*

Анатолий Антонович Смилингис – легенда среди знатоков истории, туризма, педагогики и культуры Республики Коми. За его плечами многолетние путешествия по самым сокровенным местам республики, он познакомил со своей Родиной и привил любовь к ней не одной сотне мальчишек и девчонок. В родном Корткеросском районе его знает, наверное, каждое дерево [1].

А.А. Смилингис родился 4 октября 1927 г.: «Родился я в Литве в городе Плунге, который перед началом Великой Отечественной войны, если

*Анатолий Антонович
Смилингис.*

*Семья Смилингисов. Город Плунге,
Литва. 1940 год.*

* В очерке использованы интервью А.А. Смилингиса и публикации некоторых авторов.

пользоваться советской лексикой, “был освобожден от буржуазного ига”. В первую волну начавшихся в Литве репрессий пострадали в основном бывшие полицейские, военные. Уже тогда составлялись и более обширные списки “неудобных элементов”, куда вошли семьи литовской интеллигенции, активистов местных партий. По секретному приказу Берии за один день – 14 июня 1941 года – по всей Прибалтике подверглись арестам десятки тысяч семей, из них 800 тысяч литовцев, которых отправили в Коми, а также в Красноярский и Алтайский края. Среди них оказалась и наша семья: родители-учителя, я и младшая сестренка» [2].

Далее судьба нашего героя типичная для многих репрессированных литовцев, поляков, немцев да и русских тоже: «На железнодорожной станции нас разлучили с отцом: мужчин определили в одни вагоны, женщин и детей – в другие. В пути, как выяснилось позже, мужские вагоны отцепили, их направили в Красноярский край. С отцом я больше не увиделся, не было от него и никаких вестей. Лишь через несколько лет знакомые сообщали из Вильнюса, что он погиб под Красноярском. По всей вероятности, был расстрелян» [Там же].

Арестованных через Котлас привезли на барже в Корткерос, поселили в бараках Локчимлага. Владения Логчимлага простирались на 3 896 200 га, максимальное число заключенных в 1939 г. доходило до 27 тыс. чел. [3].

Четырнадцатилетний мальчуган, родившийся в Литве, русского языка не знал: «В гимназии, в которой я обучался в Литве, хорошо освоил немецкий и французский, сносно изъяснялся на польском. Говорят, жизнь всему научит. Сначала по-русски освоил ненормативные слова, затем и разговорную речь. Одновременно научился разговаривать по-коми» [2]. Осенью 1941 г. начал свою трудовую биографию рабочим по приемке леса, затем стал работать мастером.

«В 1942 г. арестовали маму. За то, что из конюшни принесла пару горсточек овса испечь нам лепешки. Увезли ее в Чов, там в 1943 г. она умерла от голода. Но об этом я узнал лишь после войны, ведь с сидящими в лагерях в годы войны переписка запрещалась. После ареста мамы сестру Риту определили в школу-интернат в Теребее. Ее спасли поляки. После войны им разрешили выехать на родину, они помогли уехать и Рите. Это считалось побегом, но в Литве ее укрыли, не дали снова вывезти на Север. Она и сейчас проживает в Литве» [Там же]. Вот так в суровое время разрушилась семья, еще недавно строившая планы на жизнь...

Анатолию Антоновичу можно сказать «повезло» – он заболел, попал в больницу и с помощью врачей остался там работать завхозом, затем его пригласили в райздравотдел бухгалтером. Благодаря директору школы Н.В. Шемякину устроился работать на такую же должность в школу. «Тот

же Шемякин, уже будучи заведующим роно, вызывает как-то к себе, говорит, отправляйся в Ухту на первый республиканский слет туристов. Вскоре после этого и поставили меня директором Дома пионеров» [2]. Кстати, первенство в туристическом движении в республике подтверждается и в энциклопедии «Республика Коми» (среди прочих). В 1958 г. А.А. Смилингис был реабилитирован, но остался жить и работать на второй Родине.

Впоследствии все многочисленные открытия за долгую жизнь А.А. Смилингис делил с постоянными спутниками – воспитанниками Корткеросского дома пионеров, который он возглавлял более 40 лет. Им создан районный туристический клуб «Белка», через который прошли сотни детей. Со школьниками он посетил все районы республики, сплавлился по всем значимым рекам.

Анатолий Антонович стоял во главе организации школьных краеведческих музеев в Коми республике: «Музей начинался с разнообразных камушков, привезенных с первых походов, позже сложилась неплохая геологическая коллекция. С ребятами во всем искали что-то необычное, экзотическое. Уже позже к походам в “чистом” виде примешалась идеология, стали проходить всесоюзные экспедиции пионеров и школьников, начали записывать воспоминания участников Гражданской войны. Создание нашего музея совпало с хрущевской “оттепелью”, к нам попали воспоминания людей, прошедших через сталинские лагеря, запрещенные учебники, книги, в свое время изъятые из библиотек. Это вызвало интерес, к нам зачастили экскурсии из Сыктывкара, приезжали ветераны партии, ученые» [Там же].

«По проведенным со школьниками исследованиям и представленным материалам на территории Корткеросского района образованы: ботанический, речной и ландшафтный заказники (Пианько, Локчим, Лымва). По его инициативе в Корткеросском районе создан Сусьельский кедровый заказник. Открыто несколько памятников природы. Создано три краеведческих музея в с. Корткерос. Он (А.А. Смилингис – В.С.) тесно сотрудничает с обществом “Покаяние”. Занимается изучением заброшенных поселений репрессированных. Им записаны воспоминания более 300 ветеранов Великой Отечественной войны. Внес вклад в создание “Книги памяти”, в которую внесены его материалы. Им собраны материалы о биографиях выдающихся людей-выходцах из Корткеросского района, выпущена книга “Люди земли Корткеросской”. Последние пять лет совместно с Коми научным центром Уральского отделения РАН Смилингис Анатолий Антонович участвует в археологических раскопках на территории Корткеросского района. Собран материал о стоянках предков коми людей. Смилингис А.А. и его ученики составили карту мест обитания древнего человека на территории района» [4].

За спиной Анатолия Антоновича десятки экспедиций по району, все не перечислишь. Его интересует буквально все, что связано с жизнью района, – он записывает рассказы охотников, старожилов, рассказы о войне. Например, зимой 1998 г. в поездке со школьниками в с. Вомын А.А. Смилингис и Л.Н. Королева обнаружили интересный деревянный календарь, который сохранился с середины XIX в. [5].

Результаты работы краеведов – нахождение захоронений бывших заключенных, установка на местах захоронений крестов и памятных знаков, помогают многим людям узнать о судьбе своих родственников, связать нити судеб со своими близкими [6].

В 2001 г. обследовано кладбище в пос. Аджером, установлен памятный крест, силами общественности произведено частичное благоустройство территории: восстановлены сохранившиеся могилы, подняты упавшие кресты. Проведены работы на кладбище на р. Кияю, в 2002 г. – в поселках Шудог, Боровой, Расью, в 2005 г. обследованы и оформлены захоронения заключенных в с. Мордино, заключенных Первого участка Локчимлага. Обследовано кладбище заключенных инвалидного лагпункта «Нидзь Вычегодская» Устьвымлага («Нидзь-І»), на котором ежегодно у памятного знака проходят траурные церемонии, в 2008 г. – лагерный участок «Комендатская зона» в Аджероме и многие другие.

По результатам обследований десятков мест захоронений краеведам во главе с А.А.Смилингисом пришла идея организации в Корткеросском районе **туристического проекта Коми «Мемориально-музейный комплекс ГУЛАГ»**. Здесь объекты более всего изучены и приведены в готовность для осмотра их туристами.

Многолетний спутник и коллега Анатолия Антоновича – его жена Людмила Николаевна Королева, известный в республике краевед, педагог, организатор экспедиций, музеев, собиратель «древностей» (особенно знаменита ее коллекция прялок) [7]. Многие годы они с мужем вместе бескорыстно служат на ниве краеведения.

Анатолий Антонович как руководитель, педагог и краевед отмечен большим количеством государственных и ведомственных наград, является заслуженным работником культуры Республики Коми, почетным членом Всероссийского общества охраны природы, академиком Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения [8], но, наверное, главной наградой стало присуждение ему 28 апреля 2011 г. звания «Почетный гражданин муниципального района Корткеросский» за особые заслуги перед МР «Корткеросский». Надо отметить, что деятельность А.А. Смилингиса нашла признание у многих и многих жителей республики.

Литература:

1. Сивкова, А. Анатолий Смилингис: «Чем больше знаешь, тем больше тайн» / А. Сивкова // Республика / Дым Отечества. – 2007. – 29 сентября.
2. Сивкова, А. Смилингис, или Путешествие к «дилетанту» / А. Сивкова // Дым Отечества. – 2010. – Сыктывкар, 2014. – С. 118–121.
3. Сивкова, А. Аджеромский «бастион» привлёк внимание краеведов и туристов / А. Сивкова // Дым Отечества. – 2009. – Сыктывкар, 2013. – С. 390–391.
4. А.А. Смилингис. – <http://www.cogita.ru/pamyat/uroki-litovskogo/anatolii-smilingis-70-let-zhivet-v-kortkerose> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Сивков, Н. Тайна Вомынского колендаря / А. Сивкова // Дым Отечества. – 2010. Сыктывкар, 2014. – С. 202–205.
6. Сивкова, А. Родные Гака Китиева / А. Сивкова // Дым Отечества. – 2009. – Сыктывкар, 2013. – С. 413–414.
7. А.А. Смилингис – <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=542269078&language=1> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Твои люди, земля Корткеросская: справочник. – Корткерос: ООО «Типография «Полиграф – Сервис», 2006. – С. 33–34.

НАДО ВСЕ ПОМНИТЬ...

Люди путешествуют по свету, и в каждой стране можно посмотреть тысячи памятников, связанных с культурой, верой населения. Мы живём в «деревянной» стране, а век дерева короток. Самыми прочными и самыми информативными памятниками в России являются церкви, от маленьких деревянных часовенок до громадных каменных монастырей. Сколько церквей было разрушено за годы советской власти, не сосчитать. Как только не умудрились использовать помещения храмов – это и склады, и клубы, и тюрьмы, и фермы. Рушит церкви не народ, рушит приходящая на смену другая культура-идеология. Стоит посмотреть на современные события в мире – рушат церкви и памятники в Сирии, Афганистане, Сербии, Украине. Много церквей было и на Вычегде. И здесь разрушали и до сих пор разрушают десятки храмов, а то, что нам досталось, никак не сбегается.

Мы много раз путешествовали по Вычегде, и где была возможность зайти в старую церковь, обязательно заходили. Конечно, фотографировали. Церкви, как и люди, с каждым годом меняют свой вид, очень редко восстанавливаются и хорошеют, в большинстве же случаев стареют и разруша-

ются. Возникла мысль создать банк фотографий церквей, расположенных по р. Вычегде, для мониторинга их состояния. Многие церкви могут быть и почитаться как памятники, для этого их надо очистить от многолетнего мусора, убрать с них растительность, возможно, забетонировать верхнюю часть стен, чтобы кирпич не разрушался. Пусть эти храмы, или в некоторых случаях их руины, стоят еще много, много лет, как стоят в Турции руины римского времени. Многие деревни исчезают по экономическим причинам, происходит изменение системы коммуникаций, отмирание экономической и производственной жизни на реке, но культовые постройки необходимо сохранить как память о времени и о тех людях, которые на строительство этих церквей отдавали последние деньги. Часто рядом со старыми церквями расположены кладбища или памятники погибшим во время войны. Здесь также необходимо стараться сохранить культовые постройки как память об этих ушедших людях. По-первобытному, дико смотрятся случаи разрушения кладбищ около церквей в Выемково, Ошлапье и лежащие на месте размывов человеческие кости и черепа.

Рассказ пойдет о путешествии на яхте «Nord» в июле 2016 г. небольшого коллектива: капитан Александр Сорвачев, боцман Сергей и стажер-кок Владимир Силин, с целью посетить разрушенные церкви и поближе познакомиться с историей нашего края. Что нужно для такого путешествия? Хорошие отношения, немного времени, лодка и желание все посмотреть своими глазами.

4 июля. Утро, как всегда сборы. Лодочная станция в Эжве, где стоит на приколе наша яхта – большая лодка с двумя парусами и, естественно, мотором. Выложили вещи на песок. Столько имущества у меня не было

Церковь в селе Зелене.

никогда в предыдущих экспедициях. Наконец, из-за поворота грациозно и бусшумно выплывает наша красавица. В солнечную погоду загружаемся и отходим. Чуть ниже лодочной станции громадный водопад из трубы – это использованная в производстве на Лесопромышленном комплексе вода вытекает в реку. Сколько же за день выбрасывает комбинат отходов в Вычегду? На улице +25 °С, солнце, но в небе в разных частях темно-синие гроззовые тучи.

Первая церковь Богоявления Господня стоит на высоком левом берегу. Церковная история в Зеленце начинается с писцовых книг 1586 г., где упоминается, что в починке Зеленец была часовня Пречистой Богородицы. В 1830 г. была построена каменная одноэтажная церковь, холодная, с двумя теплыми приделами и с колокольной в одном корпусе. В холодном храме – престол в честь Рождества Богородицы, освящен в 1849 г. В храме – два престола: по правую сторону – в честь Богоявления Господня, освящен в 1834 г.; по левую – в честь пророка Божия Илии, освящен в 1835 г. Придел во имя Богоявления Господня освящен 14 октября 1880 г. Придельный храм во имя пророка Илии освящен 2 июня 1881 г.

В источниках упоминается, что в церковной ризнице хранился напрестольный крест весом 2 $\frac{1}{4}$ фунта, внесенный вкладом великим князем Сергеем Александровичем в память посещения с. Зеленца 3 июня 1898 г.

Меня все время удивляет пересечение событий во времени и пространстве. В Санкт-Петербурге мне довелось жить на улице Ивана Платоновича Каляева, который бомбой убил Московского генерала-губернатора Сергея Александровича Романова, а в 1998 г. автор очерка писал статью о столетии посещения великим князем Усть-Сысольска. Это единственный Романов, который добрался до наших мест. И вот сейчас я мог представить, как торжественно, с песнями и хоругвями встречали в Зеленце великого князя. Где теперь этот крест?

*Сергей Александрович
Романов.*

Иван Платонович Каляев.

Новая церковь Богоявления Господня в селе Зеленце.

Возрождение православной жизни в с. Зеленце началось с 1996 г. В 2007 г. состоялось первое богослужение в небольшом храме. Сейчас построена красивая церковь Богоявления Господня. В этот раз в храм попасть не удалось, он весь обнесен железным высоким забором, но в прежние посещения запомнились его значительные площади. В отличие от других брошенных церквей, здесь не было внутри груд мусора, видимо, поселяне его убрали. Значит, остатки храма можно использовать как туристический ресурс, ведь на востоке везде посещают даже руины.

Сфотографировав храм со всех сторон, спускаюсь к реке. Рядом останавливается автомобиль, в нем три нетрезвых молодых парня:

– Эй, мужик, ты откуда? – спрашивают меня.

– Из Сыктывкара, – отвечаю, ведь человеку интересно.

Со второго сидения раздается:

– Ну и..., куда шел!

Я пошел вниз к реке, будучи уверен, что в таком интересном повороте разговора и заключена тайна русского общения.

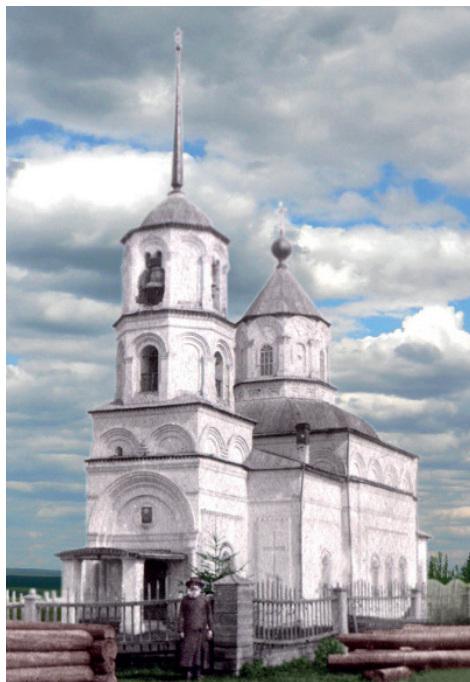
От Зеленца идем не останавливаясь, погода чудесная. Идем медленно, берега меняются – то боровые террасы с красивыми соснами, то высокая пойма с дремучими ельниками, то песчаные пляжи, то оползни и «пьяный лес» – это когда стоящие наверху деревья, обрушаясь, беспорядочно валяются на берегу реки.

Река совершенно пустая, редко на берегу увидишь купающихся детей или «отдыхающие» компании взрослых. По дороге поймали маленькую щучку, вторая сорвалась. Искупались в реке. Я приготовил щи из свежей капусты; рецепт у меня прост – все чищу, бросаю одновременно

в кастрюлю и варю до готовности. Получилось очень вкусно, по крайней мере, мне так сказали.

Для сна мне предоставили самое лучшее место – над головой люк, если его открыть, то сверху чистое небо, а на него можно смотреть бесконечно! Вечером, да и с каждым часом, пейзажи меняются. Идем на запад следом, за заходящим солнцем. Горизонт освещен розовой короной заката. Останавливаемся возле берега, сразу окружает множество комаров и мошек. Понимаешь преимущество водного туризма. Место тихое – песчаная коса, впереди отвесный берег, на котором растут сосны. В разговорах еще раз обсуждаем, что река пустая, нет судов, нет туристов.

5 июля. Проснулся рано, но экипаж уже наверху, даже искупаться успели. Попили чай с бутербродами. Уже часа четыре беспрерывно идем. Сегодня хотели осмотреть Усть-Вымь, но там уже много раз были и решили отложить на потом. В Вогваздино купили бензин. Деревня старинная. Расположена в месте впадения р. Выми в Вычегду, в сосновом бору. Упомянулась в переписи 1678 г. как починок Боровой, в 1859 г. – Боровская (Бор, Яг). Сейчас это абсолютно «дачный» новострой, дома новые, красивые, старых домов почти нет. Пока внутри лодки писал дневник, слышу на палубе суету. Серега поймал достаточно большую щуку, килограмма на

Церковь Николая Чудотворца. 1936 год.

два с половиной, правда, по телефону сообщил, что на шесть. Будем ее жарить и варить уху.

Причалили под церковь в д. Семуково. Высоко над рекой стоит церковь Николая Чудотворца, построенная в 1900 г. Поднимаясь от реки к селу, проходим разнотравный луг, погружаемся в омут разноцветья. Какой запах! С ума сойти можно! Никакой морской воздух не может сравниться с запахом цветущего луга! Сейчас цветут почти все растения: и медунница, и клевер, и герань. Поднимаемся от реки к коренному берегу – какие просторы, какая красота! Деревня старая, традиционные дома, на некоторых из них коньки украшены охлупнями, много и новых.

По дороге заходим поклониться на братскую могилу – большая красная звезда и фамилии погибших земляков.

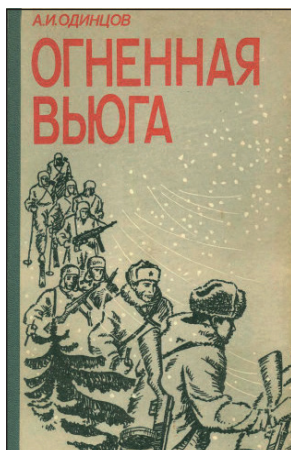
Здесь же памятник-могила генерал-полковника Александра Ивановича Одинцова (13.05.1918 – 09.01.1995), уроженца д. Семуково, автора книги о советских разведчиках «Огненная выюга». Выпускник Усть-Вымского педучилища, в 21 год А.И. Одинцов участвует в Финской войне. За мужество был награжден орденом Красного Знамени. В начале Великой Отечественной войны А.И. Одинцов возглавляет оперативную группу особого назначения штаба Западного фронта. С августа 1942 г. эта группа под командованием А.И. Одинцова действует в тылу немецко-фашистских захватчиков на территории Смоленщины и Белоруссии. Отряд внес немалый вклад в успешное проведение стратегической операции «Багратион». В послевоенные годы А.И. Одинцов окончил военные академии имени М.В. Фрунзе и Генерального штаба, последовательно командовал батальоном, полком, дивизией, корпусом. Был начальником управления Главного штаба сухопутных войск.

Подошли к церкви – вот пример возвращения разрушенной постройки и сооружения нового храма. Видимо, хороший батюшка. 19 июня 2013 г. состоялся крестный ход и освящение крестов и куполов церкви. В газете читаю: «По словам отца Симеона (С. Кобылинского), начали ходить слухи, что церковь забросили и никому нет до нее никакого дела. “Как видите, храм под крышей, люди работают, и сегодняшнее освещение куполов доказывает, что церковь жива и будет жить!” – сказал о. Симеон».

Батюшки дома не оказалось, но все говорит о том, что храм живет, и слава богу. Вот бы такую судьбу всем брошенным церквям!

Александр Иванович Одинцов.

Меня все время удивляло, почему на Руси так почитается именно Святой Николай из города Мирры, Ликийских земель? Мне по милости божьей удалось побывать в церкви, где всю жизнь служил Николай, и там я тоже задавался вопросом, почему он считается покровителем моряков и путешественников, разве только потому, что его отец был рыбаком?

Рядом дом, сидят бабушки. Спрашиваем:

– Не магазин ли здесь?

– Нет, сыночки, магазин был рядом, да в прошлом году сгорел, приезжает автолавка через день, завтра приедет.

Церковь в деревне Семуково. Июль 2016 года.

Освящение куполов.

Гамская церковь Архистратига Михаила. 2016 год.

Спускаемся к реке, продолжаем путь. На небе спорят между собой грозные тучи, небо темно-синее, и на нем появляются радуги – сначала с востока двойная, затем с запада одна, постепенно они соединяются, и над рекой висит разноцветная дуга. Зрелище, потрясающее своей вечностью и быстротечностью. Через 10 минут эта декорация растворяется. Под вечер подошли к с. Гаму, я давно мечтал здесь побывать. Был раньше и в Жешарте, и в Айкино, а в Гаме не был. По пути с реки к церкви, которая расположена на высоком холме, рассказываю Сереге о том, что некогда академик А. Шегрен считал, что Гам созвучно с исчезнувшим племенем Ямь, которое упоминается в Несторовой летописи. Жил ли здесь загадочный народ, пусть выясняют историки, а мы идем смотреть храм. Впервые Гам упоминается как село в 1586 г. В нем насчитывалось 49 дворов, восемь из которых были пусты. В 1704 г. в Гаме появилась первая деревянная церковь. Через 70 лет она была разобрана, так как окончательно обветшала. В 1771 г. построили еще одну – холодную деревянную с престолом во имя Воскресения Христова. В 1834 г. началась постройка каменной церкви, которую возводили почти 20 лет – до 1851 г. Церковь во имя Архистратига Михаила и Прочих Небесных Бесплотных Сил была двуххрамовая: нижний – главный, с престолом Архистратига Михаила, и верхний – с престолом Воскресения Христова. Повествуется, что Архангел Михаил победил семиглавого и десятирогового дракона: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воева-

ли [против них], но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним». Но защитить свою церковь в Гаме Архангел Михаил не смог. Большой храм разрушен, свод обвалился, но стены стоят. Внутри все захламлено разрушенными потолками, мусором. По составу мусора ничто не говорит о том, что это церковь. На окнах остались характерные чугунные решетки, возможно, Нювчимского или Кажимского производства. Назад идем грустные и подавленные, ведь не было здесь ни врагов, ни инопланетян, местные сами строили и сами разрушали. Напомнил Сереге и о том, что Гамскую 2-классную школу с отличием окончил легендарный Питирим Сорокин. Хорошо, что он не видел родную церковь в таком виде.

6 июля. Проснулись на песчаной косе, пляж лучше, чем на Канарах, хоть и достаточно холодно – искупались. Позавтракали оставшейся со вчера ухой и жареной щукой. Через несколько часов хода прошли железнодорожный мост и оказались в Архангельской области. Река здесь очень мощная и широкая. За мостом прокладываются трубы газопровода – это единственное производственное событие, встреченное нами на реке. Сажу за рулем – впереди церковь в с. Выемково.

Подходим. Церковь Георгия Победоносца построена в 1831 г., освящена в 1840 г. Питерцы Лукьян и Михаил Софьины в дар церкви привезли большой медный колокол, двенадцать колоколов поменьше, серебряный крест и чашу. В 1930-х гг. была закрыта и переделана под хозяйственные

Церковь Георгия Победоносца в селе Выемково. 2016 год.

Своеобразный амвон. Село Выемково. 2016 год.

нужды колхоза. Большой колокол был разбит на куски и утонул при переправе их через Вычегду. Церковь стоит на высокой пойме, рядом с ней кладбище, которое активно размывается рекой, поэтому на пойме встречаются кости. От бровки поймы до церкви осталось 18 шагов. Лет через 10, а может и ранее, Вычегда начнет размывать храм. По легенде, деревню основали два татарина, приехавшие в эти края на заработки. Первого звали Софа, второго – Мурза. С тех пор половина деревни носила фамилию Софины (или Софьины), другая половина – Мурзины, но на сохранившихся могилах мы встретили такие фамилии: Потюковы, Бобцовы, Якимовы. Кстати, их находим и в Переписной книге Яренского уезда 1710 г. На начало XX в. в приходе числилось 121 дворохозяство, 345 мужчин и 343 женщины.

На берегу рыбак нам сказал, что недалеко живет священник. Церковь открыта, входим. На стенах и куполах не осталось никаких росписей. Раньше в церкви было два престола: во имя святого великомученика Георгия и во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Сегодня на месте амвона стоят строительные козлы, а на них разложены иконки. Стало душевно тепло, что в разрушенном храме и сейчас молятся.

Возможно, церковь, как Святой Георгий, вернется еще к жизни. Подхожу к дому, где живет священник. На дворе висит большой флаг «Единой России». Потом в разговоре я спросил, говорит ли это о политических взглядах хозяев. На что получил ответ: «Мы его используем как флюгер, чтобы знать, откуда дует ветер». Я поразился дипломатическо-

му ответу. Домик старинный, полуразрушенный. На лай собаки-сторожа выходит бородатый человек неопределенного возраста (лет за пятьдесят), невысокий, коренастый, с открытым русским лицом. Одет в старинную рубаху, штаны, босиком. Знакомимся – инок Владимир.

– Откуда вы, добрые люди? – спрашивает инок.

– Из Сыктывкара, фотографируем церкви.

– Это вы на яхте? Нам уже сообщили, спускается по Вычегде яхта без парусов.

– Ветер встречный, идем на моторе. Живет ли в деревне народ?

– Нет, все брошено, только приезжают на лето рыбаки и отдыхающие.

– Говорят, Вы храм будете восстанавливать? – спрашиваю я.

– С божьей помощью, сюда приезжал и епископ наш. Бог поможет, сладим. Поговорив, я стал прощаться. Владимир меня задержал:

– Подождите, дам вам на дорогу рыбки. Сварите уху.

– Спасибо, – отвечаю, – если, конечно, не жалко.

– Какое «спасибо»? Это я вас должен благодарить за то, что есть возможность вам помочь. Вы сварите и меня вспомните. Вот вам за это спасибо!

Он пошел в ледник, вытащил корзинку с рыбой, выбрал нам большого окуня и единственную в корзинке стерлядку. Поблагодарив, я пошел фотографировать старые дома, а на душе стало светло от встречи с добрым человеком.

Подхожу к лодке, капитан спрашивает:

– Что у тебя в сумке?

– Отгадайте.

– Да рыба, наверное.

Быстро отгадал, но он и предположить не мог, что сегодня будет уха из стерляди.

Взяли курс вниз по реке до с. Ирты. В Яренск пройти не удалось, он в стороне от реки. Ирты в прошлом, видимо, очень большое село. В селе два больших храма, расположенных около реки. Первая церковь – Воскресения Христова, построена между 1798 и 1813 гг., вторая – Спаса Нерукотворного Образа, построенная в стиле барокко, с очень симпатичным кирпичным декором.

Сейчас руины храмов заросли лесом так, что даже чтобы сфотографировать их, необходимо пробираться через заросли. Внутри храмов горы мусора, обрушенные потолки, разрушающиеся стены. На стенах следов культа совершенно не осталось. В мусоре нашел чугунное кольцо, возможно от дверей, взял с собой, сохраняю как память об Ирты. По центральной улице много традиционных северных домов, некоторые украшены балконами с балясинами, коньки заканчиваются охлупнями. Современные

службы проходят в молельной комнате, размещенной в обычном доме. Сейчас в Ирте построен новый деревянный храм, но мы его не видели.

В Ирте необходимо отметить командировку. У местных спросили:

– Есть ли сельсовет?

– Нет.

– Есть ли почта?

– Есть, но сегодня не работает.

Остается магазин. Там и поставили печать. Главное, что отмечены место и адрес. Все цены очень высокие, спрашиваю у продавца:

– Где население работает?

– Нет у нас в селе работы вообще.

– А что тогда люди делают?

– Водку пьют!

Вот так по всей деревенской России. Совхозы развалили и опять ничего не создали.

Отчалили от Ирты, сварили уху из стерляди и под мелкий дождь легли спать.

7 июля. К моему сожалению, взяли курс на Сыктывкар. Совершенно изменилась погода, всю ночь шел дождь. Уже 10.00, а я еще не выходил на улицу. Серега, весь промокший, ведет наш корабль. Ура! Опять поймали щуку, а у нас еще два окушка в соли, голодными не останемся. Правда, в трюме еще еды море. Сейчас будет с. Казлук, я там еще не был, но это значит – обязательно буду... Вот и очередной судьбы урок. Вышли с капитаном на дорогу, а до магазина оказалось в одну сторону 2,5 км, в дру-

Спасская церковь в селе Жешартте. 2016 год.

гую – 7. Мы подумали-подумали и вернулись на лодку. Судьба еще раз подтвердила – не говори гоп, пока не перепрыгнул. Так я опять в Казлуке не побывал. По дороге капитан увидел на горе церковь – это старинная деревня Жешарт. Пристали. Два молодых парня подошли, попросили сфотографироваться на фоне яхты, показали дорогу в деревню. Село было большое, старые дома. В основном модернизированы – либо обшиты сайдингом, либо вагонкой. Это говорит о том, что здесь, видимо, много дачных мест. Село опрятное и чистое. В 1794–1807 гг. здесь была построена каменная Спасская церковь. Престолов в церкви было три: в честь Нерукотворного Образа Спасова; во имя святого пророка Илии; во имя Святителя Николая. Причт состоял на начало XX в. из священника, диакона и псаломщика. Приход Спасской церкви с еще тремя деревнями составлял 2534 чел. Последним священником в 1930 г. был Петр Алексеевич Антоновский.

В центре, рядом с церковью, – обелиск погибшим на войне и список из 250 фамилий – это говорит о том, что село было очень большое (в 1926 г. здесь насчитывалось 397 дворов, 1525 жителей – 676 мужчин и 849 женщин).

Церковь Спаса Нерукотворного Образа в ужасном состоянии, никакой речи о восстановлении не может быть, потому что промокшие без крыши кирпичи крошатся при соприкосновении. Оригинального декора на стенах и окнах не сохранилось, разве что треугольный портик на колокольне. Сейчас хотелось бы представить купол, над которым была, возможно, икона Спаса.

Спустились на речку, зашли в пос. Жешарт. Я остался на камбузе варить макароны с тушенкой. Ребята пошли в магазин, позвонили своему коллеге по работе, который здесь живет. Приехал. Познакомились. Андрей, немец по происхождению, интеллигентный 40-летний мужчина, образованный (в 1949 г. в поселке при фанерном заводе жили 257 высланных: 206 немцев (106 семей), 28 западных украинцев, 19 «бывших кулаков», 4 «власовца»). Понятно, откуда здесь немец. По Андрею сразу видно, что романтик. Пока ужинали, он все предлагал пойти Северным морским путем на нашей яхте к устью Енисея. Мне пришлось рассказать несколько грустных случаев из истории освоения Севера, но это не остудило романтика Андрея. Вечер наступил быстро, причалили на песчаную косу.

8 июля. Проснулся от гула мотора – капитан уже ведет яхту. День обещает быть солнечным, но утро пасмурное. Причалив к пляжу, залезли в воду, несмотря на хмурое утро – вода теплая. Как удобно готовить макароны – целую кастрюлю, хватило позавтракать и еще осталось на обед. Сегодня большой отрезок пути, идем под мотором, но часто ставим и паруса. Они раздуваются, как щеки при надувании шарика. Поскольку у меня много

времени, предложил капитану подняться вверх по р. Выми. Он, вроде, схватился за мою идею, так как никогда яхта по этой реке не поднималась...

Увидев деревню на горе, решили, что там должна быть церковь. Подошли. В этот момент к берегу на мотоцикле подъехала «веселая» компания – четверо парней и девчонка. В деревне ни часовни, ни церкви нет, зато сказали – на другом берегу, в д. Окваде, есть. Идем дальше, на высокой пойме вдали от реки – д. Оквад. Один иду по тракторной дороге в деревню. Очень много старых брошенных домов, многие в разрушенном состоянии. В центре села стоит разрушенная церковь и рядом вновь построенная красивая маленькая часовенка, в которой проводятся и службы, так как в окне рассмотрел иконы. Раньше в деревне было две каменных церкви – зимняя Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм построена в 1841 г. и летняя Церковь Илии Пророка – в 1822–1837 гг., в которой были Афанасие-Кирилловский и Зосимо-Савватиевский приделы. Вторая в середине XX в. была полностью разрушена, и сейчас на ее месте построили часовенку Во имя Пророка Илии.

Деревня Оквад. Начало XX в. Слева от Введенской церкви – Ильинская церковь (1822). В 1937 г. закрыта и взорвана, приход упразднен. Ниже – фотография из фондов Усть-Вымского филиала МУ «Усть-Вымское ММО».

Руины Введенской церкви сохранились и представляют собой архитектурный памятник. Здание построено в стиле классицизма, в необычном для наших церквей стиле. Западная и восточная части храма схожи между

Церкви деревни Оквад.

собой. Над центром храма купольный свод. С северной и южной сторон храма кирпичные колонны с фигурными капителями. На них опирается треугольный портик, апсида украшена в верхней части каменными розетками листовидной формы. Строить классическую колокольню в церкви не было смысла, так как она имела в рядом стоящей Ильинской церкви. На фотографии начала века мы видим над сводом еще барабан и луковицу с крестом. Понятно, что эта часть церкви была разрушена в первое время богоборчества. Сейчас внутри здания кучи мусора. Я все больше становлюсь сторонником мысли, что наши церкви, конечно, не восстановишь, но желательно убрать мусор, пусть красиво стоят стены, как памятники, напоминая людям о советской власти, о предках, которые отдавали свои кровные на постройку этих церквей.

На общественные деньги построена и современная часовня Святого Илии на месте старой церкви. В 2015 г. епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим освятил строительство часовни Ильи Пророка в д. Оквад.

Встретил на дороге женщину лет пятидесяти с яркими рыжими волосами. Спросил: «Кого больше в деревне живет, коми или русских?». Отвечает: «Очень трудно сказать, я и про себя не знаю. Бабушка была раскулачена и в 15 лет оказалась в Окваде, выучила язык. Папа был ставропольский, приехал к другу на побывку, познакомился с мамой да так и остался здесь».

Вот тебе и весь наш национализм. Все перемешалось, и любые государственные движения – это ножом по сердцу. Напротив церкви сфо-

*Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Деревня Оквад.
1 января 1940 года. (Фото Петра Иевлева).*

Строительство часовни Ильи Пророка освятил епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим. (Фото газеты «Красное знамя Севера». 19.05.2015).

Часовня Ильи Пророка. 2016 год.

тографировал памятник погибшим, опять десятки фамилий. А по стране? Старые деревни надо сохранять хотя бы как память об этих людях, которые ушли на войну и не вернулись, но сердцем они здесь.

Вернулся на лодку, все спят, будить не стал. Ночевали на косе.

9 июля. Искупались, идем вверх. Я в кубрике пишу дневник, капитан обновляет грот парус: «Запиши, первый раз его поднял!» К часам трем дня капитан стал беспокоиться, не хватает бензина. Идем против ветра и против течения, топлива уходит много. Обращаемся к рыбакам – хотя бы несколько литров, ни у кого нет. Впереди д. Пожег. Решаем, либо здесь достаем бензин, либо не дойдем. Ребята пошли по домам. На берегу рядом со стоянкой яхты вижу развалины кирпичного здания. Кирпич такой же, как во всех церквях, такие же массивные стены, место, как специально для церкви... Спросил у местного жителя, он говорит, что это была баня. – В каком году? – В 1985 году. А кирпич явно XIX в. Понятно, что при советской власти в церкви могло быть что угодно.

Ребята вернулись с хорошим уловом и с бензином, и в магазин сходили. До Слуды дошли быстро, по берегам заказника много рыбаков, многие на машинах, с семьями.

10 июля. Проснулись почти под мостом на песчаной косе. Капитан собирается ехать в город, тем более – оказия – рядом рыбаки собираются в Сыктывкар. Серега идет в Слуду за бензином, я спускаюсь жарить щуку. Опять не получилось, слабо поджарил рыбу и рано бросил лук. Поев, отчалили от Слуды. Красивые лесные берега меняются песчаными косами. Пока я писал, Серега поймал щучку, ее величина была чуть больше блесны, конечно, отпустили. Сорвалась большая щука, мы ее видели, не судьба! Из-за поворота появились Коччоягские террасы. Песчаные отвесные берега высотой 10–12 м. После Коччойга яхту настиг резкий порыв ветра. У нас был расправлен первый парус – генуя. Мы его свернули, но видимо не очень крепко. Верх паруса стал разрываться под порывами шквального ветра и дождя. Дождались передышки ветра, развернули парус и свернули, как полагается. Спокойно дошли до пирса.

Вот и все путешествие. Теперь только воспоминания.

СУДЬБА ДВУХ ЧЛЕНОВ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (И.П. МИНАЕВА И И.М. КАРТАВЦОВА)

В декабре 2023 г. исполнилось 75 лет Коми филиалу ВГО (сейчас Коми отделение РГО). Обработывая архив, обнаружил заявление о приеме в члены Общества от 12 марта 1951 г. Ильи Михайловича Картавцова

(14.VIII.1895 – 31.XII.1971). На первый взгляд ничего особенного, если бы не приписка к его документам: «В последние два года я занялся собиранием материалов для биографии моего деда, одного из выдающихся деятелей Географического общества, путешественника по Индии профессора И.П. Минаева (1840–1890)». Сам Иван Павлович Минаев своей семьи не имел, но его родной брат Сергей Павлович Минаев был отцом матери Ильи Михайловича Картавцова – Анны Сергеевны Минаевой, в замужестве Картавцовой. Конечно, я не мог не заинтересоваться судьбой этого человека.

Сейчас географы, как правило, не упоминают И.П. Минаева, все статьи о нем написаны специалистами по Востоку, в основном филологами.

Иван Павлович Минаев (9 (21) октября 1840, Тамбов – 1 (13) июня 1890, Петербург) – известный востоковед-индолог. Окончив Тамбовскую гимназию, поступил в Санкт-Петербургский университет на восточный факультет. Здесь же он служил в течение всей жизни. Биографии И.П. Минаева посвящена многочисленная литература, особенно полный очерк представлен академиком А.П. Баранниковым [1], известным востоковедом, «научным внуком» И.П. Минаева. А.П. Баранников был учеником С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского, которые считали своим учителем И.П. Минаева. А Иван Павлович учился у крупнейшего китаиста своего времени и лучшего знатока буддизма – профессора В.П. Васильева (20 февраля (4 марта) 1818, Нижний Новгород – 27 апреля (10 мая) 1900, Санкт-Петербург).

Василий Павлович Васильев внес значительный вклад в географию Восточной Азии: «...в бытность свою в Пекине издал большую карту китайских владений на китайском языке и, помимо того, составил особые исторические карты Китая при 12 различных царствовавших в нем династиях. Здесь, рядом с нынешним названием местностей, показано название их в каждую данную эпоху; древние и несуществующие ныне города подписаны красною тушью. В 1852 г. поместил в “Журнале Министерства народного просвещения” статью: “Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях”, а в следующие за сим года, до 1857, напечатал в Записках Географического Общества “Описание Маньчжурии”, “Записку о Нингуте”, “О реках, впадающих в Амур”, и “О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии”» [2].

В свою очередь И.П. Минаев тоже очень много сделал для исторической географии. Очень подробно его вклад в эту область знаний описал А.П. Баранников, я приведу только отрывок из его исследования.

«Кроме своей длительной командировки 1863–1868 гг., И.П. Минаев в интересах научной работы многократно ездил за границу, где работал в библиотеках Германии, Франции и Англии.

Помимо частых поездок в Западную Европу, И.П. Минаев совершил три путешествия в Индию. Первое путешествие в Индию продолжалось с июня 1874 г. по декабрь 1875 г., второе – с января по май 1880 г. и третье – с декабря 1885 г. по апрель 1886 г.

И.П. Минаев был многолетним членом Русского географического общества. Он был избран в члены Общества 1 декабря 1871 г. и состоял в нем до конца жизни, принимая весьма активное участие в работе Общества. Со своей стороны, Общество оказало ему существенную поддержку в его первом путешествии в Индию, снабдив его письмами к властям и деятелям Индии с просьбой о содействии. Особенно энергичное участие в работе Общества И.П. Минаев принимает по возвращении из своего первого путешествия в Индию, выступая как активнейший член его этнографического отделения. В связи с запиской известного географа и путешественника М.И. Венюкова об изучении арийских племен по верховьям Аму-Дарьи, в Гиндукуше и т. д., И.П. Минаев составляет “Сборник сведений о странах по Аму-Дарье. Сборник вышел в издании Географического общества.

Труды И.П. Минаева можно разбить на пять групп: I) лингвистические, II) историко-литературные, III) исследования фольклора, IV) работы по истории буддизма и V) работы историко-географические.

О широких научных интересах И.П. Минаева к вопросам исторической географии говорит и его большой труд, перевод “Путешествия Марко Поло”. Работа над “Путешествием” была закончена им в последние годы жизни. Этот труд вышел в свет только после смерти автора перевода» [1]. Надо отдать должное землякам Ивана Павловича, на родине, в Тамбове, его не забывают и проводят конференции, на которых открываются новые моменты жизни и творчества ученого.

Племянник И.П. Минаева И.М. Картавцов оказался в Республике Коми не по своей воле. Приведу подробно данные документов, хранящихся в фондах Коми отделения РГО. «Данные анкеты: родился 27 (14) августа 1895 г. в г. Курск. Социальное происхождение – сын служащих. Образование высшее (неоконченное), специальность – библиограф, метеоролог. Место работы и должность – станция Ира-Йоль Печорского управления дорог. Член профсоюза работников ж/д транспорта. Беспартийный. Работал в 1919–22 гг. в Курской области в системе народного образования, в 1923–29 гг. – в Москве во Всесоюзной Книжной палате редактором “Журнальной летописи” и зав. Периодической печатью, с 1930 г. нахожусь на Севере, сначала в лагере, а затем вольнонаемным. Работал зав. Метеостанцией и на опытных полях. С 1948 г. работаю на Печорской железной дороге».

В члены Географического общества Илья Михайлович был рекомендован профессором А.О. Мацейко, членом Общества с 1925 г., и директором школы № 12 ст. Ира-Йоль А.Д. Корневым. В Обществе И.М. Картавцов предполагал сотрудничать в отделении истории географических знаний и фенологической комиссии. В рекомендации А.Д. Корнева отмечается: «Знаю Картавцова И.М. второй год по совместной работе на ст. Ира-Йоль. Он имеет ряд важных наблюдений за погодой Севера Европейской части СССР, живо интересуется флорой и фауной Севера. Считаю, что г-н Картавцов будет полезным членом старейшего общества». Рекомендация профессора А.О. Мацейко: «Настоящим рекомендую т. Картавцова И.М. как человека много отдавшего своего труда и времени на изучение фенологических явлений в природе, а также познанию производительных сил нашей Родины. Он вполне заслуживает быть избранным в члены Русского географического общества».

К заявлению Илья Михайлович приложил «Записку о научных работах»: «Начиная с 1915 г. я начал работать в области краеведения, библиографии и архивных разысканий. В 1915–20 гг. мною был помещен ряд библиографических, генеологических и др. работ в изданиях Тамбовской, Псковской архивных комиссий и в Тульских краеведческих изданиях. В 1923–29 гг., работая во Всесоюзной Книжной Палате, я организовал и редактировал “Журнальную летопись”, которая в настоящее время хотя и реорганизовалась и видоизменилась, но в значительной степени идет по тем путям, которые еще мною намечались. В эти годы мною было помещено несколько десятков разных статей, обзоров и т. п. во многих журналах и сборниках – “Библиография”, “Книга о книгах”, “Тульский край”, “Альманах библиофила” и др. Полный список их затрудняюсь сейчас составить за отсутствием под рукой всех этих журналов.

В то же время, начиная с 1912 г. я был одним из усерднейших корреспондентов основоположника русской фенологии профессора Д.Н. Кайгородова. Поэтому вскоре после прибытия на Север я начал вести фенологические наблюдения за флорой и фауной.

В настоящее время я занят обработкой своих фенологических наблюдений за 1937–1947 гг. в совхозе Кедровый шор Кожвинского района, хотя в них есть ряд пропусков, но думаю, что и в этом виде они представляют известный интерес, в виду малого числа подобных наблюдений».

На сайте жертв политических репрессий размещены информация о И.М. Картавцове и его фотография [3]. Здесь данные немного разнятся с теми, что приведены им самим в заявлении о приеме в члены Географического общества: «Профессия – священник. Место проживания – город Ярцево (Смоленская область). Дата ареста: 24.12.1933 г. Обвинение: 58,

п. 9, 11 УК РСФСР. Осуждение: 22 марта 1934 г. Приговор: 8 лет ИТЛ. Дата реабилитации: 11 апреля 1957 г.».

Помимо перечисленных самим Ильей Михайловичем научных заслуг, отметим его активное участие в работе по генеалогии, в том числе рода Картавцовых. В 1916 г. вышел его первый труд – «Библиографические заметки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных в Псковской губернии» (Псков, 1916).

В 15-летнем возрасте И.М. Картавцов начал усиленно собирать надгробные эпитафии и записи, продолжая эту работу на протяжении 40 лет, что в итоге вылилось в труд «Русский некрополь». Издание включает в себя сведения некрополей Тульской, Курской, Орловской, Калужской, Полтавской губерний (в том числе некрополей Оптиной пустыни, Белевского Крестовоздвиженского монастыря). Работа является ценным источником генеалогической информации для реконструкции несохранившихся некрополей, однако она не была опубликована. Рукописи хранятся в Пушкинском Доме.

В 1926 г. было опубликовано совместное с В.С. Арсеньевым издание «Декабристы – туляки». В 1922–1930 гг. активно работало Общество изучения Русской усадьбы (ОИРУ). В 1927 г. И.М. Картавцов выпустил работу, которую переиздали в 1992 г., – «Усадьбы Московской губернии: (Опыт библиографического указателя)». В 2013 г. вышла книга воспоминаний И.М. Картавцова «“Тут была подлинная русская жизнь...”»: фрагменты воспоминаний», содержащая новые данные о его жизни и творческом пути [4].

Литература:

1. Баранников, А.П. Биография И.П. Минаева (1840–1890). – http://az.lib.ru/m/minaew_i_p/text_0010.shtml (дата обращения: 22.01.2018).
2. Василий Павлович Васильев. – <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.01.2018).
3. Картавцов Илья Михайлович. – <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 23.01.2018).
4. Картавцов, И.М. «Тут была подлинная русская жизнь...»: фрагменты воспоминаний / [сост.: Г.Д. Злочевский, А.В. Маштафаров]. – М.: Минувшее, 2013. – 289 с.

П.Н. ВЕРЕХА – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ БИБЛИОГРАФОВ ЛИТЕРАТУРЫ О ЛЕСЕ

Середина XIX в., время активизации разноплановых научных сил в деле объединения усилий, привлечении многочисленных деятелей на периферии к решению многих теоретических и практических вопросов науки и производства. Время создания многих научных печатных изданий, позволяющих распространять передовой опыт, исследовать новые земли, осваивать новые ресурсы. Среди них можно назвать «Горный журнал» (1825), «Общество для поощрения лесного хозяйства» (1832) и «Лесной журнал» (1833). В 1845 г. произошло объединение Вольного экономического общества и Лесного общества, в 1945 г. было создано Русское географическое общество, которое стало выпускать свои издания, и т. д. В 1852 г. «Лесной журнал» был закрыт из-за отсутствия финансирования и статьи по лесному хозяйству печатались в трудах ВЭО.

Каждое научное общество, образовательное учреждение и печатный орган внесли свой большой вклад в развитие науки в России и помогли проявиться своими делами многим деятелям русской науки. В числе таких научных сотрудников и Петр Николаевич Вереха (1838–1917) – заслуженный профессор Санкт-Петербургского лесного института, ученый-лесовод, один из первых и наиболее крупных библиографов лесной науки и производства.

Родился П.Н. Вереха в дворянской семье в Черниговской губернии, образование получил в Новгород-Северской мужской гимназии, которая

Профессор Лесного института П.Н. Вереха со студентами на практике в Лисинском учебном лесничестве [1].

*Петр Николаевич Вереха
(1838–1917) [1].*

была создана еще в 1808 г. В 1857 г. окончил офицерский класс Петербургского лесного и межевого института и был направлен для изучения лесов в Новгородскую губернию. Новгородские леса даже в XXI в. славятся своими богатствами. Однако в наше время и в середине XIX столетия плотность и количество сельского населения, проживающего на этой территории, отличаются. Большая часть населения жила «среди леса». Поэтому можно только предполагать, что у лесного офицера было немало работы. Через 4 года, в 1861 г., П.Н. Вереха был назначен преподавателем в Лисинскую егерскую школу [1], где преподавал лесную технологию и лесные законы, а через год отправлен на стажировку за границу.

Вернувшись из-за границы, П.Н. Вереха поступает на службу и занимается обустройством лесов в Гомельской губернии, в имении недавно умершего графа Ивана Федоровича Паскевича (1782–1856). В годы работы там П.Н. Верехи имение принадлежало Федору Ивановичу Паскевичу (1823–1903) – известному деятелю времени освобождения крестьян от крепостного права. В имении Ф.И. Паскевича в 1870 г. было основано деревообрабатывающее предприятие, которое позже было перепрофилировано в писчебумажную фабрику, одну из лучших в России [2]. Возможно, к организации данного предприятия имел отношение и П.Н. Вереха. Про этот период известно, что Петр Николаевич занимался не только практической работой, но и научными исследованиями, в частности, изучал вред, причиняемый деревьям сдиркой бересты.

В 1867 г. П.Н. Вереха назначен начальником отделения Лесного департамента и членом специального Лесного комитета. В 1878 г. избран профессором лесной таксации в Лесном институте.

В 1869 г. частные лица организовали Санкт-Петербургское лесное общество, ставя своей целью, в числе других, возродить «Лесной журнал». 2 марта 1871 г. был утвержден устав общества и получено для использования помещение при Министерстве государственных имуществ. Первое официальное собрание состоялось 5 апреля, в присутствии 137 членов-учредителей было избрано руководство обществом. Первым председателем стал В.С. Семенов, а секретарем – В.Н. Вереха, который исполнял возложенные на него обязанности много лет (с 1871 по 1880 г.). В 1873 г. по инициативе В.Н. Верехи общество обращалось с просьбой к Министер-

ству государственных имуществ предоставить опытную дачу для проведения лесных работ на научной основе, но безуспешно [3].

Бурное развитие капиталистических отношений, в том числе развитие лесного предпринимательства в 1970–1980-е гг., создали необходимость учета лесных ресурсов, и в 1873 г. по инициативе Лесного общества П.Н. Вереха издает «Лесохозяйственный статистический Атлас Европейской России» (2-е изд. в 1878 г.) в сотрудничестве с Александром Николаевичем Матерном [4]. При издании Атласа стояла задача отобразить наличие и возможности развития лесного хозяйства. Сопроводительный текст был дан на русском и французском языках.

В 1877 г. П.Н. Вереха совместно с И.П. Вишневым публикует «бюрократическую», но очень важную для практики лесных чинов работу «Систематический сборник действующих циркулярных распоряжений» [5]. Впоследствии эта работа с обновленным материалом помогала лесным чинам осуществлять свою непростую деятельность [6, 7]. В наше время этот труд чрезвычайно важен для историков многих направлений, в первую очередь для тех, кто занимается историей лесного производства, он показывает порядки, взаимоотношение между чинами, действующие среди работников лесного хозяйства.

Р.В. Бобров пишет: «С 1873 г. П.Н. Вереха – надворный советник, через 7 лет – статский советник, старший запасной лесничий. Положение, как известно, обязывает, поэтому приходилось внимательно следить за всем новым, что происходило в науке и практике. П.Н. Вереха был не только прекрасным лесным специалистом, но и одним из образованнейших людей своего времени. Он превосходно знал европейские языки. Одной из главных литературных его заслуг стали библиографические указатели журнальных статей по лесному делу и справочники изданных лесных книг» [8].

В 1878 г. П. Вереха совместно с А.Ф. Рудзким публикует библиографический аннотированный указатель «Литература Русского лесоводства» [9], составленный по просьбе совета Лесного института.

Александр Фелицианович Рудзкий (1838–1901) – известный лесовод, заведовал кафедрой лесоустройства, выпустил известнейших впоследствии ученых-лесоводов – Г.Ф. Морозова, Д.М. Кравчинского, М.М. Орлова, В.Н. Сукачева и др.; автор многочисленных трудов: «Лесные беседы» (1891); «Руководство по устройству русских лесов» (1893); «Настольная книга по лесоводству» (1897); «Лесная таксация» (1914) (посмертная публикация).

В предисловии авторы выражают благодарность за помощь в работе Василию Тарасовичу Собичевскому (1838–1913) – известному лесоводу, директору Лесного института (1801–1887), предоставившему список книг, составленный им, по лесоводству.

Для удобства пользования указателем источники распределены по предметным 15 отделам: «В каждом отделе книги сгруппированы также по предметам, в более уже тесном смысле, хотя эти дальнейшие подразделения по мелкости их, и не снабжены особыми заглавиями. Наконец, в пределах таких групп, сочинения размещены в алфавитном порядке имен авторов, анонимные же книги – в алфавитном порядке заглавий» [9, из Предисловия].

Библиографические изыскания П.Н. Вереха продолжал в течение всей своей научной жизни. В 1891 г. выходит значительная библиографическая работа «Лесоводство в журнале “Сельское хозяйство и лесоводство”. Систематический указатель статей по лесному хозяйству, помещенных в Журнале Министерства Государственных имуществ за 1840–1890 гг.» [10]. Продолжение каталога под названием «Систематический указатель отдельных книг (изданий) по лесоводству на русском языке, вышедших с 1878 по 1888 гг. включительно» опубликовано в 1892 г. в «Ежегоднике Санкт-Петербургского Лесного института», в том же году был издан «Систематический указатель “Лесного журнала”, издаваемого Санкт-Петербургским Лесным обществом, за двадцать лет. 1871–1890 гг.» [11].

Библиографические работы П.Н. Верехи были в последующем продолжены [12–15 и др.].

Весомым вкладом П.Н. Верехи в лесное хозяйство России является издание в 1898 г. книги «Опыт лесоводственного терминологического словаря» [16]. Библиограф отмечает, что мысль о создании терминологического словаря была высказана в Лесном обществе еще в 1879 г. Автор пишет: «Составленный мною словарь, думаю, может послужить некоторым пособием для установления однообразной и чисторусской лесоводственной терминологии. В нем то компетентное учреждение, которое примет на себя труд устранить уясненный в собрании лесного общества недостаток, найдет в “словаре” не мало образных чисторусских выражений, для замены ими переводных, часто неуклюжих терминов» [Там же, с. 5]. В этом довольно важном для тогдашней лесной науки источнике в изобилии встречаются неиспользуемые сейчас термины и обозначения, утраченные современным языком и производственной практикой. Приведу пример, интересный для филологов:

«Вятель» – Плетеный изъ лыкъ Кошель, пестерь (Пермск.).

Вятокъ – *Вича*.

Вяха, дровъ – Вязанка дровъ.

Вяхель. Вяхерь. Вяхиръ – Вятель» [Там же, с. 81].

Указатель может рассматриваться и как источник по истории науки, печати, истории технологий.

«География лесная. В русской лесоводственной литературе об этой отрасли лесоводственного учения говорится впервые в Лесном журнале

1835 г. ч. I. кн. 2. Тамъ же сказано, что понятие о предмете и пределах Г. л., по новости самой науки “по сие время” еще не определено съ точностью. И ныне можно повторить то же. Предметомъ Г. л. должно было бы быть определение пределов распространения древесныхъ породъ по отношению Их к внешней природе» [16, с. 83].

В 1900–1909 гг. опубликована многотомная энциклопедия сельского хозяйства, для которой П.Н. Вереха написал ряд статей: «Береза карельская», «Берека», «Боярышник», «Гледичия», «Крушина», «Можжевельник», «Мох болотный», «Падуб», «Плющ», «Саксаул» и др. [17].

В 1903 г. выходит книга П.Н. Верехи и известного лесовода профессора Михаила Михайловича Орлова (1867–1932), посвященная истории Санкт-Петербургского лесного института [18]. Введение и первые четыре главы по истории института написаны П.Н. Верехой, пятая и шестая главы – М.М. Орловым. Списки окончивших курс до 1865 г. составлены П.Н. Верехой, следующие годы (до 1902) – М.М. Орловым. В представленном издании отражены все периоды развития Лесного института с момента его основания и до начала XX в. Кроме того, в нем приводятся все высочайшие Положения, относящиеся к 100-летию Санкт-Петербургского лесного института: его учебные планы, практические курсы, правила приема, организация курсовых испытаний. Также в издание вошли списки лиц, окончивших образовательный курс, начиная с Царскосельского лесного института, удостоенных звания ученого лесовода, а также личного состава служащих при институте к 19 мая 1903 г.

Михаил Михайлович Орлов (1867–1932) – лесовод, выпускник Петербургского лесного института (1889), служил на кафедре А.Ф. Рудзкого. В 1894 г. стал профессором Новоалександрійского института сельского хозяйства и лесоводства, в 1901 г., после смерти А.Ф. Рудзкого, приглашен в Лесной институт в Санкт-Петербурге, где с 1904 по 1907 г. работал помощником директора, а в 1907–1909 гг. – директором.

На переломе веков П.Н. Вереха редактировал издания Лесного института – «Ежегодник Санкт-Петербургского лесного института», «Известия Санкт-Петербургского лесного института» (с 1898 г.), «Известия Императорского лесного института» (с 1903 г.).

В очерке мы упомянули соавторов профессора П.Н. Верехи, знаменитых лесоводов России, учителей многих основателей различных отраслей лесоведения, показав тем самым круг его общения. Многолетняя педагогическая работа, активная общественная и научная деятельность способствовали высокой оценке работы Петра Николаевича Верехи – заслуженный профессор Лесного института, действительный статский советник (звание равнялось чину генерал-майора), учитель многих знаменитых лесоводов, один из столпов лесоводческой науки.

Автор не ставил задачи рассмотреть все труды Петра Николаевича Верехи, это материал для большой книги. Хотелось подчеркнуть огромное значение работ ученого и его приоритет в проведении очень важных для исследователей леса, в том числе и современных, библиографических изысканий.

Литература:

1. Классики отечественного лесоустройства. К 180-летию Александра Фелициановича Рудзкого и Петра Николаевича Верехи. – <http://roslesmuseum.ru/event/klassiki-otechestvennogo-lesoustrojstva-k-180-letiyu-a-f-rudzkogo-i-p-n-verehi> (дата обращения: 11.01.2020).
2. Паскевич Федор Иванович // Знаменитые люди Гомельщины. – <http://www.person.goub.by/?p=2573> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Федотова, А.А. Лесное общество в Санкт-Петербурге / А.А. Федотова // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / ред.-сост.: Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. – СПб.: Нестор – История, 2011. – С. 276.
4. Лесохозяйственный статистический Атлас Европейской России / сост. Под редакцией П. Верехи и А. Матерна. – СПб.: Изд-во Лесного общества, 1773.
5. Вереха, П.Н. Систематический сборник действующих циркулярных распоряжений, последовавших по Лесному Департаменту Министерства Государственных имуществ с 1838 года по 1 июля 1890 года / П.Н. Вереха. – СПб., 1877. – 284 с.
6. Вереха, П.Н. Систематический сборник действующих циркулярных распоряжений, последовавших по Лесному Департаменту Министерства Государственных имуществ. Первое продолжение. Циркулярные распоряжения с 15 марта 1877 года по 1 января 1886 года / П.Н. Вереха. – СПб., 1888. – 78 с.
7. Вереха, П.Н. Систематический сборник действующих циркулярных распоряжений, последовавших по Лесному Департаменту Министерства Государственных имуществ с 1838 года по 1 июля 1890 года / П.Н. Вереха, И.П. Вишнеvский. – СПб., 1877. – 284 с. – <https://www.booksite.ru/fulltext/rusles/sistsborn/index.htm> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Бобров, Р.В. Книгоописатель П.Н. Вереха / Р.В. Бобров // Лесное хозяйство. – 1999. – № 6. – С. 19–20. – https://www.booksite.ru/rusles/st_0041.html (дата обращения: 15.05.2025).
9. Литература Русского лесоводства. Систематический указатель отдельных книг, изданных на русском языке до 1878 года / сост.: П. Вереха, А. Рудский. – СПб., 1878. – 207 с.

10. Вереха, П.Н. Лесоводство в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство». Систематический указатель статей по лесному хозяйству, помещенных в Журнале Министерства Государственных имуществ за 1840–1890 гг. / П.Н. Вереха. – СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1891. – 160 с.
11. Систематический указатель «Лесного журнала», издаваемого Санкт-Петербургским Лесным обществом, за двадцать лет. 1871–1890 гг. / сост. П.Н. Вереха. – СПб.: [б. и.], 1892. – 146 с.
12. Мельников, А. Указатель «Лесного журнала», издаваемого С.-Петербургским Лесным обществом за пять лет, 1891–1895 (приплетено к: Лесной журнал. – 1896. – Вып. 1. – 59 с.).
13. Даниель-Беков, Г.Г. Систематический указатель «Лесного журнала», издаваемого С.-Петербургским Лесным обществом за пять лет, 1896–1900 (приплетено к: Лесной журнал / Г.Г. Даниель-Беков. – 1901. – Вып. 6. – 64 с.).
14. Систематический указатель «Лесного журнала», издаваемого С.-Петербургским Лесным обществом за пять лет, 1901–1905 / сост. И.И. Сурож. – СПб., 1906. – 82 с.
15. Систематический указатель «Лесного журнала», издаваемого С.-Петербургским Лесным обществом за 13 лет, 1906–1918 / сост. С.С. Печникова, М.Л. Стельмахович. – Казань, 1926. – 92 с.
16. Вереха, П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря / П.Н. Вереха. – СПб., 1898.
17. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: в 11 т. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1900–1909.
18. Вереха, П.Н. Исторический очерк развития Лесного Института (1803–1903) / П.Н. Вереха, М.М. Орлов. – СПб., 1903. – <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003711194#?page=6> (дата обращения: 15.05.2025).

ЭССЕ ОБ А. БИРШТАДТЕ (СУДЬБА ОДНОЙ КАРТИНЫ)

В Национальной галерее Республики Коми много картин известных художников, полотна которых представлены в крупнейших собраниях мира. Часть произведений была получена республикой благодаря Даниилу Тимофеевичу Яновичу (1879–1940). Среди них – картина американского художника А. Бирштадта. В путеводителе Национальной галереи отмечается: «Альберт Бирштадт (07.01.1830 – 18.02.1902), представитель американской живописи, развивавшейся в XIX в. под влиянием европейского искусства. Его масштабное полотно “Озеро в снеговых горах” (1871), запечатлевшее первозданную чистоту озера Тахо в окружении грандиозной

природы отрогов хребта Сьерра-Невады, – характерный образец творчества этого талантливого живописца» [1]. Истории этой картины и ее судьбе в галерее в региональной литературе посвящены как минимум две статьи – Э.К. Поповцевой [2] и А. Даньшовой [3]. Э.К. Поповцева рассказала об истории атрибуции картины и кратко о художнике. По ее данным, картина поступила в Коми республиканский художественный музей из краеведческого в 1952 г. В г. Усть-Сысольск (Сыктывкар) она была привезена в 1928 г. В 1923 г. картина поступила в Румянцевский музей из собрания К.Т. Солдатенкова: «Свою коллекцию русской живописи и скульптур (258 картин и 17 скульптур), а также богатейшую библиотеку (8 тыс. книг и 15 тыс. журналов) Солдатенков завещал Румянцевскому музею. В 1925 году, когда музей был ликвидирован, коллекцию распределили между Третьяковской галереей, Русским музеем, Государственной библиотекой имени В.И. Ленина и другими музеями Советского Союза. Значительная часть редких икон из собрания Солдатенкова была отписана Покровскому собору Рогожского кладбища» [4]. Э.К. Поповцева пишет: «По всей вероятности, среди полотен иностранных мастеров солдатенковского собрания присутствовал и пейзаж знаменитого американского художника “Озеро в снеговых горах”, привезенный в Усть-Сысольск Даниилом Тимофеевичем Яновичем в 1928 г.» [2, с. 106].

Как географ я не мог пройти мимо этой картины, на которой изображен прекрасный горный ландшафт – мечта каждого путешественника, поэтому хотел бы рассказать о картине и ее авторе.

Родился Альберт Бириштадт (нем. Albert Bierstadt) в 1830 г. в небольшом старинном немецком городе Золинген. Альберту не было и двух лет,

Озеро в снеговых горах. 1871 год. Холст, масло.

когда его семья эмигрировала в Соединенные Штаты, поселившись в Нью-Бедфорде, штат Массачусетс. В 1830 г. население города составляло 7592 чел. Нью-Бедфорд – один из основных городов США, в которых базировался китобойный флот. Наверное, нельзя вырасти в таком городе и не стать романтиком, что особенно ярко отразилось на художнике и его творчестве. У Альберта было два старших брата, оба в будущем стали специалистами по фотографии и своими работами помогали художнику. В 20 лет А. Бирштадт стал предлагать свои услуги в качестве учителя рисования. В 23 уехал учиться в Германию, где надеялся на помощь своего родственника Иоганна Петера Хазенклевера (1810–1853), но тот скоропостижно скончался до приезда молодого художника. В 1853 г. Бирштадт отправился в Дюссельдорф, с тем чтобы расширить свое художественное образование, где и получил его при тамошней Художественной академии. По приезду ему на помощь пришли американские коллеги Эммануэль Лейтце (1816–1868) и Уортингтон Уиттредж. «После почти трехлетнего пребывания в Дюссельдорфе Бирштадт присоединился к Уиттреджу в продолжительном туре по Германии, Швейцарии и Италии. После зимы в Риме и эскизного тура в Неаполь и Капри, Бирштадт вернулся в Нью-Бедфорд осенью 1857 г. Описанный как “робкий, неуклюжий, неполированный образец янки”, когда он прибыл в Дюссельдорф в 1853 г., Бирштадт вернулся в Нью-Бедфорд четыре года спустя социально уравновешенным и технически зрелым художником» [5].

Альберт Бириштадт.

Выпускники Академии относили себя к школе *немецкого романтизма*. А. Бирштадт, находясь за границей, много путешествовал и рисовал европейские пейзажи (Рейн, Альпы, Италия). В путешествии по Европе его сопровождали друзья художники (с которыми он и затем сотрудничал и даже путешествовал): Томас Уортингтон (Thomas Worthington Whittredge (1820–1910)), Сэнфорд Робинсон Гиффорд (Sanford Gifford (1823–1880)), Уильям Стэнли Хейзелтин (William Stanley Haseltine (1835–1900)). Сравнивая манеру письма, объекты изображения, тональность картин и работу с цветом, даже неспециалисту заметна тесная творческая близость этих художников. Касаясь географии их творчества, можно сказать, что и здесь все очень похоже, сначала – объекты востока США, затем – картины европейских стран и, конечно, запад страны.

А. Бирштадт вернулся в Нью-Бедфорд осенью 1857 г. По возвращении он быстро становится самым известным художником города.

Часть учеников Дюссельдорфской Академии оказалась впоследствии в Америке, где их объединение известно под названием *Школа реки Гудзон* [6]. Школа так называется потому, что основатели начинали свое творчество с создания пейзажей на востоке США, в частности, в бассейне р. Гудзон, Аппалачи и т. д. Первооснователем Школы общепризнан художник Томас Коул (Thomas Cole (1801–1848)). Понятно, почему художники рисовали восток страны, – отсюда шло освоение Американской страны, здесь в основном тогда и селились приезжающие за новой жизнью переселенцы.

А. Бирштадт является ярким представителем Школы Гудзона. Став известным художником, он даже построил себе особняк на р. Гудзон в Ирвингтоне (недалеко от Нью-Йорка) в 1866 г. [7]. Бирштадт был достаточно плодовитым мастером – за свои 72 года он написал более 500 картин [8], некоторые исследователи отмечают до 4 тыс. произведений.

В 1825 г. изобретателем знаменитой «азбуки Морзе» Самюэлем Морзе (Samuel Finley Breese Morse (1791–1872)) и художниками Ашером Дюраном (Asher Brown Durand (1796–1886)) и Томасом Коулом была основана Академия дизайна. Цель создания Академии – дать возможность развивать изобразительные искусства и выставляться художникам, в том числе молодым. В музее Академии ныне хранится более 5 тыс. произведений искусства из собрания американской живописи и скульптуры XIX и XX столетий. «Весной 1858 г. он (А. Бирштадт – В.С.) дебютировал в Нью-Йорке, представив большую картину озера Люцерн и Швейцарских Альп на ежегодной выставке в Национальной академии дизайна. Критики были ослеплены техническим мастерством Бирштадта» [5]. В 1860 г. художник был избран действительным членом Академии дизайна. В том же году он совершил поездки в Белые Горы (восток США), а также в южную часть Соединенных Штатов.

Говоря о творчестве А. Бирштадта, необходимо иметь в виду явление, которое получило потом название «люминизм». Однозначной трактовки этому термину нет. Здесь речь идет о мастерстве художника варьировать в изображении цветом и светом. С помощью цвета отображать различное насыщение объектов показа солнечным светом, создавать своеобразие восприятия времени и пространства. В стиле люминизма работали многие американские живописцы того времени: Фитц Генри Лейн (Fitz Henry Lane (1804–1865)), Фредерик Эдвин Черч (Frederic Edwin Church 1826–1900)), Сэнфорд Робинсон Гиффорд и др. Почти все художники, причисляемые к Школе реки Гудзон, применяли приемы стиля люминизм в своих картинах. Кстати, в недавней публикации известный искусство-

вед Джон Э. Боулт (John Ellis Bowlt) отмечает работу А. Куинджи «Красный закат на Днепре» (Метрополитен-музей) как продолжение традиций А. Бирштадта в русской живописи [9].

1860–1970-е гг. как в России, так и в США были чрезвычайно знаковыми. У нас – отмена крепостного права (1861), в США – Гражданская война (1861–1865), отмена рабства (1865), активное освоение новых земель, резкое продвижение цивилизации на запад страны, постройка коммуникаций, изгнания индейцев с мест проживания, создание населенных пунктов.

В 1859 г. А. Бирштадт сопровождал полковника Фредерика Лендера (Frederick William Lander (1821–1862)) в его геодезической экспедиции (изыскательских работах для постройки трансконтинентальной железной дороги) по Великим равнинам и Скалистым горам до берега Тихого океана. Ф. Лендер проводил изыскания для строительства Тихоокеанской железной дороги, которая проходила по землям индейцев. Дорога была построена в 1869 г. Часть ее известна как Дорога Лендера (Lander Road). Она вела из Бернт-Ранч в Вайоминге до Фотр-Холл на Орегонской территории. В марте 1862 г. Ф. Лендер умер от ран, полученных на Гражданской войне.

Осознанно или случайно, но поездка на Запад стала «золотой жилой» для Бирштадта, он получил «свою тему», которая сделала его знаменитым.

Бирштадт вернулся сначала в Нью-Бедфорд, через три месяца перешел в Нью-Йорк и осенью 1859 г. со множеством эскизов и стереофото-

*Фурун землемера в Скалистых горах. Калифорния, 1859 год.
Художественный музей Сент-Луиса, подарок Дж. Лайонбергера Дэвиса.*

снимков организовал свою студию на Tenth Street Building. Здесь он стал выставлять картины, изображающие пейзажи Запада.

Первая публичная выставка указанных выше работ в 1860 г. принесла художнику успех и подняла его репутацию на международном уровне. Основными сюжетами картин стали природа Запада, индейцы и, конечно, горы. Самую знаменитую картину – Скалистые горы, Пик Лендера – он завершил весной 1863 г., написав всего за несколько недель. По своим наброскам, сделанным во время поездки с Ф. Лендером, А. Бирштадт в 1863 г. нарисовал картину, изображающую гору в Вайоминге. В память о Лендере он назвал гору «Пик Лендера», а картину – «The Rocky Mountains, Lander's Peak». В настоящее время она выставлена в Метрополитен-музее в Нью-Йорке.

В 1863 г.: «В сопровождении Фица Хью Ладлоу (Fitz Hugh Ludlow (1836–1870)), знаменитого писателя, который позже опубликовал книгу об их сухопутном приключении, Бирштадт отправился на тихоокеанское побережье. Он провел несколько недель в долине Йосемити, завершая пленэрные этюды, которые позже использовал для создания нескольких своих самых важных картин. После поездки на север через Орегон к реке Колумбия Бирштадт и Ладлоу вернулись на восток. Используя исследования, собранные на всех этапах его путешествия, Бирштадт завершил к концу десятилетия замечательную серию крупномасштабных картин, которые не только обеспечили ему положение главного живописца западноамериканского пейзажа, но и предложили истерзанной войной нации золотой образ их собственной земли обетованной» [5].

Во время этой поездки А. Бирштадт стал первым (вместе с политиком Уильямом Байерсом) покорителем горы в Колорадо высотой 4348 м, которой дали имя Розали (сейчас гора Эванс), в честь жены писателя Фицца Хью Ладлоу, которая после ранней смерти мужа стала женой Бирштадта.

В том же 1863 г. художник впервые покорил близлежащую гору чуть меньшей высоты (4287 м) – она до сих пор носит его имя – гора Бирштадт. Кстати, сейчас данные географические объекты – современные объекты туристического показа. Гора Бирштадт входит в состав Передового хребта, который является частью Скалистых гор.

«В 1867 г. Бирштадт и его невеста (Розали) отплыли в Лондон. Это было триумфальное возвращение сына эмигранта, который прибыл в Европу четырнадцать лет назад нетерпеливым, но обедневшим студентом. Через шесть месяцев после приезда Бирштадт был приглашен на выставку двух своих самых важных картин (обе они были куплены английскими железнодорожными предпринимателями), в частном порядке перед королевой Викторией. В течение более чем двух лет, проведенных за границей,

Бирштадт путешествовал, делал наброски и культивировал дружеские отношения, которые на протяжении многих лет поддерживали европейский рынок для его работ» [5].

В 1870 г. многие художники, в том числе Кенсетт, Гиффорд и Черч, стали основателями Метрополитен-музея в Нью-Йорке. Сейчас этот музей знают все жители мира, в его экспозициях представлены и картины А. Бирштадта. В 1871 г. он переехал в Калифорнию, где играл активную роль в художественной жизни Сан-Франциско. В 1873 г. вернулся в Нью-Йорк.

В 1875 г. художник выполнял росписи в Капитолии и, в связи с ухудшением здоровья жены, впервые съездил на Багамские острова. В Капитолии хранятся такие картины художника, как «Discovery of the Hudson River», «The Settlement of California» [11].

В 1883 г. А. Бирштадт совместно с супругой посетил в третий раз Европу. В 1889 г. выезжал для работы на Аляску и в Британскую Колумбию. Он продолжал рисовать ландшафты в 1890-х гг. Картины выставлялись в Соединенных Штатах и за рубежом и приносили художнику хороший доход.

Бирштадт принимал участие в многочисленных благотворительных организациях и мероприятиях. Он также участвовал в поощрении различных изобретений, в том числе сделал собственные дизайны железнодорожных вагонов.

Альберт Бирштадт пережил ряд несчастий: уничтожение огнем студии Malkasten в 1882 г. в Эрлингтоне, где сгорели многие картины, смерть жены в 1893 г. После 1893 г. дела художника стали идти все хуже и хуже.

Последний из буйволов. 1888 год.

Картины перестали пользоваться спросом. Это был период увлечения художественного мира различными течениями абстрактного искусства.

Альберт Бирштадт умер в Нью-Йорке в 1902 г. и был похоронен на Сельском кладбище в Нью-Бедфорте.

В наше время картины реалистического пейзажа приобретают свое заслуженное признание. Работы художника можно найти в крупных государственных и частных коллекциях по всей Северной Америке и в Европе, в том числе в Музее Метрополитен и Национальной галерее Канады.

Сделав попытку нанесения на карту географических объектов, изображенных на картинах А. Бирштадта, мы убедились, что легче выделить штаты США, которые не запечатлел художник. По реалистичным пейзажам А. Бирштадта можно проводить уроки географии – на его картинах отображены тропики и субтропики, степи и пустыни, водопады и береговые формы, горный и равнинный ландшафты. Картины А. Бирштадта и других художников, открывших американцам красоты Запада, послужили одной из причин создания на западных территориях национальных парков: Йелоустоунский, Гранд Каньон, Йосемитский и др.

В 1998 г. Почтовая служба США выпустила серию марок (20 штук) «Четыре века американского искусства», на одной из них есть и картина Альберта Бирштадта «The Last of the Buffalo. 1888».

Художник имел многочисленные награды разных стран: Австрии, Баварии, Бельгии, кроме того он был кавалером ордена Почетного легиона (Франция) и ордена Святого Станислава (Россия) [10].

События, происходившие в жизни А. Бирштадта, показывают, что художник был не только романтиком в творчестве, но и заядлым романтиком-путешественником в жизни.

Знакомство с картиной А. Бирштадта в Сыктывкарской галерее дает возможность приобщиться жителям Республики Коми к искусству Соединенных Штатов второй половины XIX в., а более глубокое исследование биографии и творчества художника позволяет узнать об истории развития американского государства.

Литература:

1. Национальная галерея Республики Коми. – www.ngrkomi.ru (дата обращения: 22.03.2019).
2. Поповцева, Э.К. «Озеро в снеговых горах» американского художника Альберта Бирштадта / Э.К. Поповцева // Д.Т. Янович (1879–1940). Личность в истории музейного строительства в Коми крае. Сб. статей. – Сыктывкар, 2018. – С. 105–107.

3. Данышова, А. Альберт Бирштадт. «Озеро в снеговых горах» / А. Данышова // Регион. – 2018. – 25 декабря.
4. Жизнь, достойная восхищения. Солдатенков Козьма Терентьевич. – <https://starove.ru/anons/zhizn-dostojnaya-voshishheniya-soldatyonkov-kozma-terentevich> (дата обращения: 23.12.2019).
5. Albert Bierstadt. – <https://www.nga.gov/collection/artist-info.6707.html?artistId=6707&pageNumber=1> (дата обращения: 12.12.2019).
6. American paradise: the world of the Hudson River school / introduction by John K. Howat. – <https://libmma.contentdm.oclc.org/digital/collection/p15324coll10/id/37698> (дата обращения: 02.12.2019).
7. Художественная школа Гудзона. – <https://ru.newmediator.org/1933-hudson-river-school-of-painter.html> (дата обращения: 03.12.2019).
8. Фимирякова, А. Школа реки Гудзон / А. Фимирякова. – <https://artdoart.com/news/skola-reki-gudzon-2> (дата обращения: 15.05.2025).
9. Джон Э. Боулт. Русская школа лимитизма? «Красный закат на Днепре» Архипа Куинжи / Джон Э.Боулт // Третьяковская Галерея. – 2018. – № 3 (60). – <https://www.tg-m.ru/category/tag/lyuminizm> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Бирштадт Альберт. – https://en.wikisource.org/wiki/Appletons%27_Cyclopædia_of_American_Biography/Bierstadt,_Albert (дата обращения: 12.12.2019).
11. Альберт Бирштадт. – <http://nevsepic.com.ua/art-i-risovanaya-grafika/381-albert-birshadt-xixe-albert-bierstadt-317-kartinok.html> (дата обращения: 11.12.2019).
12. Albert Bierstadt. – https://en.wikipedia.org/wiki/Albert_Bierstadt (дата обращения: 11.12.2019).

КОМИ КРАЙ В РОССИЙСКИХ АТЛАСАХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Картографические источники Севера изучаются давно [1–3 и др.], однако не были проведены исследования изображения Коми края в разновременных атласах. Вместе с тем в них содержится значительная историческая информация.

Первым атласом надо считать утраченное изображение «Большого чертежа». В пояснительной записке «Книга Большому чертежу» содержится описание гидросети Коми края, указаны длины рек, приведена информация о некоторых населенных пунктах [4, 5].

Первый полный атлас России [6] был издан в 1745 г. с перечнем условных обозначений. Он содержит 13 карт Европейской России в масштабе 34 версты в дюйме и шесть карт Азиатской России в масштабе

90 верст в дюйме. Для исследователей Коми края важны «Карта Мезенского и Пустоозерского уездов с близлежащими островами и уездами» и «Карта Яренской, Важской, Устюжской, Соли-Вычегодской, Тотьмской и Хлыновской провинций с пограничными уездами».

Следующим отметим «Атлас Российской империи» [7] 1792 г., состоящий из 45 карт. Важны «Карта Архангельского наместничества, разделенная на 7 уездов» и «Карта Вологодского наместничества, состоящая из 2 областей, разделенная на 12 уездов». Эти карты хорошо воспроизводят образ территории и отчасти могут использоваться как топонимический источник. С этим Атласом можно работать в библиотеке Национального музея Республики Коми.

Чрезвычайно важным является рукописный Атлас Вологодского наместничества с планами городов [8 и др.], составленный в результате проведения Генерального межевания. Здесь интересна для историка «Карта Усть-Сысольской округи», масштаб – 32 версты в дюйме. «План Усть-Сысольска» составил землемер прапорщик Яков Козлов. Кроме того, представляют интерес «Карта Яренской округи» в масштабе 16 верст в дюйме и «План Яренска». Копировал ее уездный землемер поручик Николай Баранов. Эти карты являются прекрасным источником для изучения структуры расселения и топонимии.

В 1797 г. был выпущен Атлас Архангельской губернии. В состав Атласа входят 272 листа текстовых описаний и 106 листов карт, панорамы – виды Архангельска, уездных городов и наиболее значимых монастырей. Анализ Генеральной карты Архангельской губернии из этого атласа был опубликован автором [9].

В конце XVIII столетия кардинальным образом было реорганизовано картографическое дело в Российской империи, положившее начало независимой военно-топографической службе.

Вскоре после вступления на престол Император Павел I обратил особое внимание на малое количество в России хороших карт. По его Указу от 13 ноября 1796 г. все карты Генерального штаба были переданы в распоряжение генерала Г.Г. Кушелева и образовано Его Императорского Величества Чертежная, через год преобразованная в Собственное Его Величества Депо карт. Так была создана служба для составления, печатания и хранения топографических карт и атласов.

Реформа внесла порядок в издание карт и сделала Депо карт централизованным государственным органом по составлению, печатанию и хранению топографических карт и атласов. Во времена правления Александра I картографическое дело было передано в компетенцию Генерального штаба. При нем в 1822 г. был учрежден корпус военных топографов. К эпохе Александра I относятся первые триангуляции в России, исполняв-

шиеся сперва под руководством генерала К.И. Теннера, затем – генерала Ф.Ф. Шуберта.

В 1800 г. выходит «Российский Атлас» из 43 карт (показана 41 губерния). Атлас составлен А.М. Вильдбрехтом, географом Императорского Бюро карт, автором Атласа 1792 г. и учебного Атласа 1824 г. [10]. Важны карты Архангельской и Вологодской губерний. Они могут использоваться как топонимический источник.

В 1808 г. (потом в 1820 г.) опубликован «Карманный почтовый Атлас Российской империи» [11], на картах которого отображены основные почтовые тракты. Атлас содержит карты 54 губерний и областей Российской империи, расположенные на 35 листах. Издан в Депо карт Его Императорского Величества. Приведены данные и по Архангельской (хорошо читаются деревни по тракту с Пинеги до Мезени, на территории Припечорья ничего не показано) и Вологодской (по Вычегде тракт доходит до Усть-Сысольска, отмечены основные станции) губерниям. На территории Коми края почтовых трактов нет.

Алексей Иванович Максимович (автор первого в России учебника по маркшейдерскому делу) составил «Атлас Российской империи» (1824 г.) [12]. На севере Коми края (Архангельская губерния), помимо гидросети, отмечены: Мезень, Пустозерск, Цильма, на юге (Вологодская губерния) – Сольвычегодск, Яренск, Серегово, Устьсысольск, Северо-Екатерининский канал.

В 1835 г. издан Атлас Российской империи, содержащий карты 51 губернии, четырех областей, царства Польского и княжества Финляндского [13]. Данное собрание карт отражает административно-территориальное устройство Российской империи на 1835 г. с подробным указанием расположения городов, деревень, монастырей, почтовых станций, форпостов, проселочных и почтовых дорог. На карте Архангельской губернии показаны: Пустозерск, Великовельюшная, Устьцелемская, Целемской (на Цильме), Ижемская (размещена на Печоре), Оранец. По р. Ижме расположены: Красноборская, Ижемская, Невда. По Мезени много селений. На карте Вологодской губернии: по Печоре – с. Печорское; по Вычегде – села Пожегодское, Деревенское, Усть-Сысольск, Койтыбожская, Разгвоздинская, Тоддор, Межок, Арабах, Яренск; по Выми – Серегово; по Сыsole – Кажемской, Кайгородское, Нючпаской, Чукайбское, Виленское, Межедорье, Избы, Гарь, Шескинское. Помимо деревень показаны тракты с обозначением станций и границы уездов.

«Атлас Российской империи» 1843 г., составленный под руководством землемера Грибовского, состоит из 33 карт [14]. Издан управлением Первого департамента Министерства государственных имуществ. На свободных частях листов атласа изображены гербы губерний и народные

костюмы. На карте Архангельской губернии показаны: по Ижме – села Мохченское, Ижемская, Красноборское; по Печоре – Усть-Цилемская, Тельвисочская, Пустозерское, Никитцинское. В Ижемском и Усть-Цилемском показаны значки портов. На карте Вологодской губернии: показаны по р. Печоре – с. Троицкая (значок порта); по Вычегде – с. Помоздинское, Керчемское, Усть-Куломское, Першинское, Сторожевская, (на Локчине – Мординское), Преображенское, Вашкурское, Корткеровское, Усть-Сысольск, Большое Лужское, Сотетское, Керолское, Занучевское, Ликинская, Яренск; по Сыsole – Вадорское, Георгиевское, Воронцовская, Визинско-Георгиевская, Морозовское, Нибское, Пожгинско-Благовещенское, Чистовское, Вильгородская, Слобоцкое; по Лузе – Ношульско-Боровское, Остановская, Посельдинское, Вашинское.

В 1848 г. П.И. Кеппен составил «Этнографический Атлас Европейской России» (в 3-х экз.) [15]. На основе материала, собранного для атласа, впоследствии П.И. Кеппен выпустил широко известную «Этнографическую карту Европейской России» 1852 г., изданную Русским географическим обществом и вызвавшую большой интерес у научной общественности. Автор был награжден высшей наградой РГО – Константиновской медалью. Цветом на картах атласа обозначены ареалы проживания различных народов (розовым – зыряне). Помимо карт атлас содержит таблицу (составленную от руки), в которой приводятся, в какой губернии сколько проживает инородцев. К пермским народам П.И. Кеппен относит, помимо зырян, пермяков и вотяков, а также бессермян. Зыряне, судя по атласу, проживали в Архангельской – 6958 чел. и в Вологодской – 64 007 чел. губерниях. В Архангельской губернии проживали 4495 самоедов.

И еще три карты первой половины XIX в. необходимо упомянуть, несмотря на то, что они не входят в атласы. Это карты экспедиции 1843 г. под руководством А.А. Кейзерлинга. Первая – «Меркаторская карта рек Печоры, Ижмы, Илыча, Вычегды, северной и южной Мылвы, составленная с описи и астрономических определений флота капитан-лейтенантом Павлом Ивановичем Крузенштерном. Издание Гидрографического департамента, 1846 года. Размер карты 47×75 см» [16]. На этой карте отмечены населенные пункты, многие острова, реки. Надписи приведены на русском языке и дублируются латинскими буквами. Карта построена на астрономических определениях, выполненных П.И. Крузенштерном. Вторая – Геологическая карта на обширный Европейский северо-восток, составленная А.А. Кейзерлингом, «Geognostisch-Geographische Übersicht des Petschora Landes» [17]. Третья карта – «Карта Северного Урала и берегового хребта Пай-Хой». Год выпуска: 1850. Составлена по результатам работы на Севере Урала экспедиции под руководством Э.К. Гофмана. На этой карте

подробно приведены топонимы Урала и Предуралья. Карта построена на астрономических наблюдениях участников экспедиции.

Возможно, автор проанализировал не все атласы, опубликованные в указанный временной интервал. Большая часть из них представляет интерес для современных историков и географов.

Литература:

1. Сухогузов, П.Г. Карты нашего Севера / П.Г. Сухогузов // Родники пармы. – Сыктывкар, 1993. – № 7. – С. 178–179.
2. Сухогузов, П.Г. Астрономо-геодезические исследования в Коми крае (в XIX – начале XX вв.) / П.Г. Сухогузов // Научные экспедиции и исследования Коми края: Тез. докл. V краев. конф. – Сыктывкар, 1993. – Ч. 1. – С. 9–12.
3. Силин, В.И. Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г. как демографический источник / В.И. Силин // Историческая демография. – 2019. – № 2 (24). – С. 75–77.
4. Спасский, Г.И. Книга, глаголемая Большой Чертеж / Г.И. Спасский. – М., 1846. – 327 с.
5. Сербина, Н.К. Книга Большому чертежу и ее редакции / Н.К. Сербина // Исторические записки. – 1945. – Т. 14.
6. Атлас Российской состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющий Всероссийскую империю с пограничными землями. – СПб., 1745.
7. Атлас Российской империи, состоящий из 45 карт. – СПб., 1792.
8. Карта Усть-Сысольской округи 8825x6188. – http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=5217 (дата обращения: 15.05.2025).
9. Силин, В.И. Хозяйство Архангельской губернии и поселения по Печоре и Ижме по данным старых карт / В.И. Силин // Историческая демография. Научный журнал. – 2021. – № 1 (27). – С. 45–49.
10. Шибанов, Ф.А. Забытая страница в истории русской картографии: (Деятельность А.М. Вильбрехта) / Ф.А. Шибанов // Вестник ЛГУ. Геология и география. – 1961. – № 24. – Вып. 4. – С. 157–163.
11. Карманный почтовый Атлас Российской империи. – СПб., 1808.
12. Атлас Российской империи / сост. А. Максимович. – СПб., 1824.
13. Атлас Российской империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское. – СПб., 1835.
14. Атлас Российской империи. – СПб., 1843.
15. Этнографический Атлас Европейской России. – СПб., 1848.

16. Меркаторская карта рек Печоры, Ижмы, Илыча, Вычегды, северной и южной Мылвы, составленная с описи и астрономических определений флота капитан-лейтенантом Павлом Ивановичем Крузенштерном. 1846. – <https://kp.rusneb.ru/item/reader/merkatorskaya-karta-rek-pec-hory-izhmy-ilycha-vychegdy-severnoy-i-yuzhnoy-mylvy> (дата обращения: 18.04.2024).
17. Geognostisch-Geographische Übersicht des Petschora Landes. Автор: Александр Андреевич Кейзерлинг (1815–1891). Из приложения к изданию: «Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jahre 1843. – St.Petersburg, 1846». Издание Корпуса горных инженеров. – http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=6107 (дата обращения: 15.05.2025).

ВЫХОДЕЦ ИЗ ИЖМЫ Ф.М. ИСТОМИН

*Федор Михайлович Истомин –
действительный статский
советник.*

Династия Истоминых из Ижмы достаточно известна [1, 2 и др.]. Дед Федор Михайлович участвовал в миссионерской работе по крещению самоедов (ненцев) под руководством архимандрита Вениамина (Смирнова) в 1825–1830 гг. [3]. Отец Михаил Федорович – архангельский чиновник, литератор, оставивший большое литературное наследие: исторические труды, в том числе историко-географические, стихи, этнографические и языковедческие сочинения, впервые опубликовал повесть о Яг-Морте.

Внук, которого звали, как и деда, Федор Михайлович Истомин, – профессиональный этнограф, известен исследованиями песенного наследия на Севере [4].

В 1890 г. Ф.М. Истомин участвовал в качестве этнографа в экспедиции Ф.Н. Чернышева по обследованию Тимана и опубликовал ряд интересных этнографических пионерных статей [5]. Экспедиция проводилась на средства, отпущенные Геолкому Министерством государственных имуществ. Ф.М. Истомин осуществлял исследования на средства Русского географического общества (далее – РГО). Выбор Ф.М. Истомина определялся не столько тем, что он был известный исследователь, сколько тем, как особо отмечалось в журнале заседания отделения этнографии, «что облегчение своей задачи он надеется найти в том, что род его происходит от поселив-

шихся на Ижме новгородцев, и что отец его, архангелогородский местный писатель, и дед, печорский миссионер, пользовались в свое время в Печорском крае большой известностью и уважением» [6].

В отчете РГО за 1890 г. читаем: «На северо-востоке России, имен- но в Печорский край, командирован был Обществом член-сотрудник, секретарь отделения этнографии Федор Михайлович Истомин для этно- графических исследований. Ф.М. Истомин направился на Печору через Пермь. Поднявшись из Чердыни по реке Колве до ее верховьев, он прошел отсюда через 30-верстный волок по лесным дебрям на верховья р. Уньи, впадающей в Печору. Захватив на этом пути крайние населенные пункты, г. Истомин от устья Уньи спустился вниз по Печоре в лодке через губер- нии: Пермскую, Вологодскую и Архангельскую до селения Усть-Цильмы, при этом поднимался по притокам Печоры – по Усе, на 25 верст, до са- моедского поселения Колвы, и по Ижме, на 300 верст, до селения Усть- Ухты. Прибыв в селение Усть-Цильму 1-го июля, должен был отказать- ся от дальнейшей поездки вниз по Печоре до Пустозерска, по причине позднего времени, неблагоприятной погоды, а также и потому, что все население, как Усть-Цилемской волости, так и Пустозерской находилось в отъезде на речные и морские промыслы; в деревнях же оставались лишь старцы да малые дети. В виду этого г. Истомин покинув Печору, 6-го ав- густа направился на г. Мезень, по рекам Цильме и Пезе, потратив на этот переезд по многоводным и порожистым рекам 18 суток, при расстоянии между Усть-Цильмой и Мезенью в 748 верст.

На всем пути по Печорскому краю, от Чердыни до Мезени Ф.М. Истомин посетил все населенные пункты, ознакомился с внутрен- ним и внешним бытом при-печорского населения: русского, зырянского и оседлого самоедского; произведя в некоторых пунктах детальные этно- графические исследования, добыл некоторые важные сведения касательно истории заселения края; производил наблюдения над языком и, между прочим, нашел два полных рукописных русско-самоедских словаря. Отмечая подробно маршруты своего следования, г. Истомин наносил возможные исправления на карту, главным образом, касательно названий и положе- ния населенных пунктов; исправлял существующие и наносил неизвест- ные названия рек и речек, встреченных на пути. Начиная с Вологодской губернии и кончая Усть-Цилемской волостью Архангельской губернии, г. Истомин собрал точные сведения по волостям о составе деревень, вхо- дящих в них, с обозначением расстояний одна от другой, о числе дворов каждой деревни и жителей по душам ревизским и наличным. Сверх того, г. Истомин собирал сведения касательно археологии края, добыл некото- рые предметы древностей, а также до 20 номеров рукописей».

Одной из главных своих задач Ф.М. Истомин считал сбор былин, в связи с этим приведем строки открывателя Печорских былин, известного этнографа Н.Е. Ончукова: «Съездив на Печору в 1891 г., Истомин писал в своем “Предварительном отчете о поездке на Печору”, стр. 3: “Одним из крайне интересовавших меня вопросов в нынешнюю поездку был вопрос о былинах. Но указанных в прошлом году знатоков я вторично не застал дома, а расспросы мои о старинах, которые они знают, убедили меня, что это не былины, а рассказы и записи о местной старине”. Таким образом, целых два раза Ф.М. Истомин ездил в Печору, расспрашивал о былинах и пришел к твердому убеждению, что былин на Печоре нет. А 10 лет спустя я поехал на Печору и вывез оттуда прекрасных былин на целый сборник, который за 10 лет до того Истомин мог бы составить вдвое больше и качеством может быть еще лучше, ибо за 10 лет часть сказителей умерли. Какой-то фокус на первый взгляд, который объясняется, впрочем, очень просто. Ф.М. Истомин очень важным барином ездил по Печоре. Останавливаясь на съезжих избах, как крупный петербургский чиновник, он “приказывал явиться” к себе старшине, старосте и “приказывал” разыскать и привести к себе песенников. Результаты приведены выше – самые плачевные» [7, с. 279].

Впоследствии населению Печорского края Ф.М. Истомин посвятил многочисленные работы: «Поездка в Печорский край летом в 1889 году», «Поездка в Печорский край летом в 1890 году», «Этнографическое изучение Печорского края» и многие др.

В этнографическом плане Ф.М. Истомин территорию Припечорья разделил на шесть районов и охарактеризовал каждый из них: «Определяя этнографически точнее, получим следующие районы:

- 1) Пермско-Русская или Верховая Русская Печора.
- 2) Вологодско-Зырянская или Сыольско-Зырянская Печора.
- 3) Архангельско-Зырянская или Ижемско-Зырянская Печора.
- 4) Архангельско-Русская или Низовая Русская Печора.
- 5) Оседло-самоедский район – Усть-Колва.
- 6) Кочевой самоедский район или тундра» [8, с. 27]

Теперь несколько слов о судьбе этнографа и писателя. Федор Михайлович родился в 1856 г., воспитывался в Кронштадтской классической гимназии, по окончании курса которой, в 1876 г., поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1880 г. окончил обучение со степенью кандидата, получив золотую медаль за сочинение «О складе народных славянских песен». В том же году, будучи оставлен при университете для приготовления к степени магистра славяно-русской филологии, вступил на должность штатного помощника библиотекаря университета. В 1891 г. по предложению государственного контролера Т.И. Филиппова перевелся в ведомство Государственного кон-

троля на должность чиновника по особым поручениям при Государственном контроле. Дослужился до чина действительного статского советника (по табелю о рангах соответствовал генерал-майору).

Федор Михайлович являлся членом ряда научных обществ, что говорит о его разносторонних успехах. В 1881 г. вступил в число членов филологического общества при Санкт-Петербургском университете. В том же году был избран в действительные члены Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества, где с 1884 г. состоял членом издательской комиссии, исполняя с 1884 по 1886 г. обязанности секретаря этой комиссии. В 1890 г. избран в действительные члены Саратовской ученой комиссии, в 1893 г. – в члены Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Активную работу Ф.М. Истомин проводил в стенах РГО, где в 1883 г. он был избран в члены-сотрудники, а в 1893 г. – в действительные члены Общества. С 1883 г. он занимал должность секретаря отделения этнографии, за исполнение которой в 1888 г. награжден малою Золотой медалью. В 1886 г. заведовал Ученым архивом Общества, а с 1887 по 1889 г. состоял секретарем редакционного комитета.

В 1884 г. Федор Михайлович по поручению Совета РГО совершил поездку в Архангельскую губернию для этнографических наблюдений и для участия в 300-летнем юбилее г. Архангельска в качестве представителя Общества.

Помимо этнографической деятельности, Федор Михайлович активно работал и в области литературы и критики. Им был опубликован ряд критических статей на отдельные издания, которые в основном напечатаны в Журнале Министерства народного Просвещения.

К сожалению, дальнейший жизненный путь Ф.М. Истомина автору неизвестен, разве что в отчетах Архангельского общества изучения Русского Севера за 1914 г. в числе членов общества отмечается Истомин Федор Михайлович – чиновник, место проживания – г. Тифлис. Он это или его однофамилец – неизвестно, но мы давно знаем, «неисповедимы пути Господни», а тем более человеческие.

Литература:

1. Силин, В.И. Изъваса вужсянь (от Ижемский корней) / В.И. Силин // Войвыв Кодзув. – 1997. – Вып. 9. – С. 72–74; То же: Силин, В.И. Славная династия Истоминых // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Ч. 2. – Сыктывкар, 1997.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Санкт-Петербургского университета (1869–1894). – СПб., 1896. –

- Т. 1. – С. 281–285. (В книге приведены биография и библиография трудов Ф.М. Истомина).
3. Силин, В.И. Странички подвижничества на Севере / В.И. Силин // Православие и русская культура о любви к отечеству (Мат-лы конференции). – Сыктывкар, 1999. – С. 28–30.
 4. Силин, В.И. Инициативы Русского географического общества по сохранению песенного наследия русского народа / В.И. Силин // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Ч. 2. – Сыктывкар, 1997. – С. 55–60.
 5. Силин, В.И. Экспедиция под руководством Ф.Н. Чернышева на Тиман / В.И. Силин // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Сыктывкар, 1996. – Ч. 1. – С. 58–62.
 6. Хроника // Журнал заседания Отделения этнографии ИРГО от 3 ноября 1889 г. // Известия ИРГО. – 1889. – Т. 25, вып. 3. – С. 45–46.
 7. Ончуков, Н.Е. Что и как записывать по народному творчеству / Н.Е. Ончуков // Краеведение. – 1925. – Вып. 3, 4. – С. 269–284.
 8. Истомин, Ф.М. Об этнографическом изучении Печорского края / Ф.М. Истомин // Тр. VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. – СПб., 1890.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА ПЕЧОРЕ В ОПИСАНИЯХ Ф.М. ИСТОМИНА

Жизнь Федора Михайловича Истомина описана выше. Его творчество хорошо известно этнографам, однако на работы исследователя по характеристике религиозной ситуации ссылаются очень редко.

Ф.М. Истомин доложил о своей поездке в Печорский край в 1889 г. на торжественном собрании Санкт-Петербургского благотворительного общества 25 февраля 1890 г. [1].

Приехал на Печору Ф. Истомин с юга, через Пермскую губернию, территорию, которую раньше называли «Великая Пермь». Здесь, в верховьях р. Колвы было много исторических памятников. Особенно большое место в описаниях занимает с. Ныроб, где сохранилась память о ссылке сюда боярина Михаила Никитича Романова (около 1560–1602).

В те годы была свежа память и памятники о содержании и кончине брата патриарха Филарета и дяди первого царя из рода Романовых – Михаила Федоровича. Сейчас оковы М.Н. Романова хранятся в Чердынском краеведческом музее [2]. В работе Ф.М. Истомина очень подробно описан памятник в Ныробе, но многочисленные публикации об этом месте нигде не упоминают его исследование и описание.

В ближайшей деревне Ветлань Ф.М. Истомин осмотрел Дивью пещеру, углубившись в нее на 200 сажень. Первое научное описание пещеры в 1772 г. выполнил П.И. Рычков. В 1821 г. здесь побывал известный исследователь этих мест В.Н. Берх. Первый план пещеры составил С. Лукин в 1949 г. В последующие годы пещеру изучали другие спелеологи, открывая все новые и новые ее части.

Далее по пути более 100 верст от Ныроба проживали раскольники. Ф.М. Истомин описывает обряды и образ жизни крестьян в расколе.

По религиозным воззрениям населения Печоры он выделяет следующие группы: русские – православные и раскольники, зыряне – православные и раскольники, самоеды – язычники и православные.

Первую православную церковь путешественник встретил в Троицком селении. В селениях на другом берегу жили раскольники. Интересны упоминания Ф.М. Истомина о том, что в Троицких церквях находились старые иконы, привезенные с упраздненного Коряжемского монастыря, которые были введены Александром Яковлевичем Строгановым. Далее Истомин описывает жизнь православной общины, причта и образ жизни раскольников. Приводит сведения о церквях, расположенных по р. Печоре: в селах Троицком, Савиноборском, Кожве, Ижме и др. Ф.М. Истомин отмечает: «Некоторые села, как Ижма, Мохча, Бакурино, поистину могут гордиться своими храмами, каменные, с красивой архитектурой, с дорогами иконостасами и богатейшими ризницами, храмы их далеко превосходят своим благолепием многие из уездных городских церквей» [1, с. 615].

Особое внимание Ф.М. Истомин уделяет описанию церкви в Колве, где жили самоеды. Здесь он оставил запись с упоминанием о том, что его дед Федор Истомин был первым священником, обратившим часть самоедов Большеземельской тундры в веру Христову еще в 1823 г. С 1825 по 1830 г. в тундре работала духовная миссия под руководством архимандрита Вениамина, одним из работников которой был Федор Истомин. Большая часть самоедов приняла крещение.

В 1889 г. Ф. Истомин не смог ознакомиться с религиозной жизнью жителей Печоры ниже с. Усть-Цильмы и в 1890 г. предпринял вторую поездку в низовье Печоры. Результаты своих исследований опубликовал в двух работах [3, 4]. Первая статья посвящена религиозной ситуации в Усть-Цилемской волости. Ф.М. Истомин пишет: «В южной части Низовой Печоры и по притокам ее: Цильме, Пижме и Нерице расположилась волость Усть-Цилемская, состоящая из 55 населенных пунктов, с селом Усть-Цильмой во главе; число дворов в них достигает до 989, а население состоит из 5812 душ» [3, с. 875]. На всей территории волости на тот момент, как отмечает Истомин, было всего три церкви: две в Усть-Цильме и одна на Пижме в д. Замежной.

В Усть-Цилемской волости исследователь отмечает большое развитие старообрядничества и сосуществование его последователей мирно с православными, при этом указывает на достаточную индифферентность почитателей и того и другого к вере, особенно мужчин. Все очерки Ф.М. Истомина содержат исторические сведения о районах исследования, он описывает историю основания и заселения Усть-Цильмы, исторический пожар 1745 г., уничтоживший все селение до последнего дома (убереглась лишь икона Николая Чудотворца), приход первых староверов с Мезени и организацию ими Великопоженского скита на р. Пижме. Описывает Ф.М. Истомин и легендарный процесс самосожжения староверов в 1744 г. в д. Скитской, где автор побывал лично и отметил: «Пижма с 10 деревнями, на ней расположенными, является, таким образом, главнейшею представительницею Печорского раскола» [3, с. 877].

Следующая статья исследователь посвящена ситуации в Пустозерской волости: «...в пределах этой волости насчитывается 22 населенных пункта, в коих число дворов достигает 432, а русского населения считается 2219 душ обоего пола; следовательно, волость эта более, чем вдвое уступает по величине волости Усть-Цилемской, между тем православных храмов в ней вдвое более, а именно 6. Это одно до известной степени может уже характеризовать религиозное состояние местного населения. Во всех, сколько-нибудь, выдающихся пунктах имеется церковь» [4, с. 915].

Старейшим центром церковной жизни в волости являлся Пустозерск. Ф.М. Истомин подробно рассматривает историю церквей в Пустозерске, отмечая, что на период его пребывания там оставалась только одна Преображенская церковь, построенная в 1835–1837 гг.: «Храм довольно видный и не бедный, обладающий значительною церковной утварью; так в нем напрестольных крестов насчитывается до 8, из них 2 серебряных под золотом; Евангелий 9, из них 2 жертвованы боярином И.П. Лошаковым 11 апреля 1664 г. и 2 принесены в дар князем Семеном Щербатовым в 1823 г.; священные сосуды серебряные трои. До 1845 г. Пустозерский приход считался очень богатым; в нем насчитывалось до 1500 русских прихожан и до 1500 самоедов» [Там же, с. 916]. Интересно, сохранились ли эти артефакты во времени. С конца XVIII в. церковная значимость Пустозерска стала падать: «...взамен того стали возвышаться, богатеть и населяться пункты припечорские, расположенные на торговом Печорском пути и вблизи рыбных промысловых мест; из таких пунктов нельзя не отметить следующих: Виска Великая, Оксино, Куя и Тельвиска» [Там же].

Ф.М. Истомин очень подробно рассматривает ситуацию с верой у самоедов. Несколько идолов путешественник привез, и они хранились в Музее Русского географического общества. Ф.М. Истомин отмечает:

«Кроме этих частных и семейных, бывают еще хеги (идолы – *В.С.*) общице, поставленные в особых общеизвестных местах поклонения самоедов, как на острове Вайгаче и в Тиманской тундре в 40 верстах от города Мезени, в урочище Кузьмин-перелесок» [4, с. 920]. Далее автор пишет: «Самоеды-язычники не имеют общественных богослужений и общественных молитв; у них есть лишь особые общеизвестные места, где приносятся в жертву Нуму (главный бог у самоедов – *В.С.*) олени. Из различных описаний известны несколько таких мест: остров Вайгач, Минисей – возвышенность у Уральского хребта, Ялмал – полуостров на западной стороне Обской губы, и упомянутый уже мною Кузьмин Перелесок» [Там же]. Описал Ф.М. Истомин и пункт поклонения, открытый им надалеко от Пустозерска.

Автор заканчивает статью описанием богослужения в д. Андег в честь заложения здесь нового храма. «В этой волости (Пустозерской – *В.С.*) мне представился случай убедиться не только в усердии к церкви, но и в проявлении чувств патриотизма. Самого последнего населенного пункта на севере Печорского края я достиг 17 июля прошлого года; пункт этот – деревня Андег, от которого, по известной поговорке, считается “только три версты до ада”. И вот на этой то отдаленной окраине мне довелось присутствовать на церковном торжестве, совпавшем с моим туда прибытием. Местный капиталист, крестьянин Хабаров, на свои личные средства решил воздвигнуть здесь церковь в память чудесного избавления Государя Императора и Августейшей Семьи от грозившей опасности во время железнодорожного крушения 17 октября 1888 года» [4, с. 921].

Интереснейшие текстовые описания церковной ситуации на Печоре дополнены фотографиями церквей 1890 г., что является также значимым артефактом. Среди них: «Гробница боярина Михаила Никитича Романова», «Церковь во имя св. Николая Чудотворца в Савиноборском селении на Печоре», «Церковь во имя свв. Петра и Павла в Усть-Кожве на Печоре», «Церковь в Няшабожском селе на Печоре», «Церковь в с. Мохче, на р. Ижме», «Пижемская православная церковь в деревне Замежной», «Усть-Цилемская православная Николаевская церковь», «Церковь в с. Куе Пустозерской волости», «Церковь в с. Виске Великой, Пустозерской волости», «Церковь в с. Оксине, Пустозерской волости», «Преображенская церковь в Пустозерске», «Самоедская Тельвисочная Богоевленская церковь».

Литература:

1. Истомин, Ф. О религиозном состоянии обитателей Печорского края / Ф. Истомин // Приложение к Церковным ведомостям. – 1890. – № 19. – С. 607–617.

2. Чагин, Г. Священные оковы. Михаил Никитич Романов и ныробские святыни / Г. Чагин // Родина. – 2001. – № 1. – http://urbibl.ru/Stat/Goroda_sela/svyash_okovi.htm (дата обращения: 15.05.2025).
3. Истомин, Ф. О религиозном состоянии обитателей Русской Низовой Печоры / Ф. Истомин // Приложение к Церковным ведомостям. – 1891. – № 27. – С. 875–879.
4. Истомин, Ф. О религиозном состоянии обитателей Русской Низовой Печоры / Ф. Истомин // Приложение к Церковным ведомостям. – 1891. – № 28. – С. 915–921.

ПИСЬМО ИЗ 1959 ГОДА (МАТЕРИАЛ К БИОГРАФИИ А.В. ЖУРАВСКОГО)

В архиве Коми отделения Русского географического общества сохранилось письмо М.А. Мжачиха, который участвовал в экспедиции в Большеземельскую тундру 1907 г. известного ученого, основателя первой научной структуры на Европейском Северо-Востоке (Печорской естественно-исторической станции) Андрея Владимировича Журавского (22 сентября 1882 – 15 августа 1914).

М.А. Мжачих прислал в 1959 г. в Географическое общество (г. Ленинград) письмо «Мои воспоминания...». Оно было переадресовано Председателю Коми филиала ГО Союза ССР В.А. Витязевой с просьбой сообщить о решении вопроса.

Рассматривалось ли письмо, был ли на него ответ? Не известно. Может быть, оно было переправлено куда-нибудь еще.

Несомненно, что письмо представляет собой исторический документ, который будет способствовать формированию более четкой картины жизни и деятельности известного исследователя Севера.

М.А. Мжачих участвовал в экспедиции А.В. Журавского на р. Колву в 1907 г. Результаты этой экспедиции Андрей Владимирович доложил на заседании Отдела математической и физической географии Русского географического общества 2 декабря 2008 г. [1]. А.В. Журавский оставил комплексное географическое описание территории, но сам выделил важнейшие результаты: «...перейду к главному, по значению, открытию 1907 года, а именно к открытию двух становищ “до-исторического” человека, или, вернее, – человека с до-исторической индустрией, так как надо полагать каменный век на нашем Крайнем Севере завершился в эпоху, когда Европа уже имела свою определенную историю и далекую от кремневого ножа цивилизацию.

Дело в том, что в эпоху неолитической индустрии, к которой относятся останки орудий, открытые мною в центре Большеземельской

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИ ФИЛИАЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

к-ту г.н. В.А. Витязевой

Г л у б о к о у в а ж а е м а я

Валентина Александровна!

Направляем письмо тов. М.А. Мжачиха «Мои воспоминания о замечательном русском ученом Андрее Владимировиче Журавском» на рассмотрение Совета филиала.

Ваше решение просим сообщить в Общество и тов. Мжачиху.

Ученый секретарь Общества

/Е.Е. Воронов/

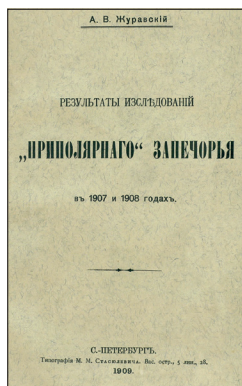
Тундры, наряду с кремнем видную роль, вне сомнения, играла и *кость* (выделено А.В. Журавским – В.С.), как материал для орудий, и мы, действительно, находим в бассейне Печоры своего рода “тамагавки” из костей мамонта, имеющих форму “молотков”.

Я, лично, склонен считать реальной переходную эпоху, когда преобладающим материалом в индустрии служила кость, “век костяной индустрии”» [1, с. 11].

Сам А.В. Журавский был удивлен тем, что один из первых исследователей Большеземельской тундры А. Шренк не заметил и не отразил в своей книге археологических находок. «Шренк, бывший здесь 75 лет назад, очень подробно описал область Сандивэя; но какими судьбами он не заметил массы кремневых орудий и черепков первобытной посуды, всюду торчащих здесь из песка, – этого я не могу постигнуть» [Там же, с.

Андрей Владимирович
Журавский.

13]. Было найдено два археологических памятника – ярэя, как называет их А.В. Журавский. Первый памятник был назван в честь А. Шренка. «Второй ярэй расположен на 130 верст выше по Колве в 448 верстах от устья Колвы, при ручье, названном нами “Мой-Шор”, что значит “Бобровый ручей”»: здесь мой сотрудник М.А. Мжачих нашел поразительно хорошо сохранившийся (имея в виду песчаный грунт) череп европейского бобра» [1, с. 12].

В следующем году А.В. Журавский путешествовал по р. Сыне и оконтурил возвышенность Адак – Тальбей, названную по его инициативе «Кряж Чернышева». Надо отметить, что об археологических находках на Европейском Северо-Востоке многие авторы писали и до А.В. Журавского. Среди них – А.И. Антипов (находки на Средней Печоре), А.А. Штукенберг (находки на Севере Тимана), Е.С. Мельников (находки на Вычегде) и др.

От комментариев перейдем к тексту письма сотрудника экспедиции М.А. Мжачиха, полностью приведенному ниже.

Мои воспоминания о замечательном русском ученом Андрее Владимировиче Журавском

Это было в 1907 г., когда я был сослан царским правительством в Архангельскую губернию, в г. Мезень. За организацию забастовки на лесопильных заводах, за манифестацию и за призыв к вооруженному восстанию меня отправили в г. Архангельск по «болезни», но вместо лечения я был арестован, посажен в Архангельскую тюрьму, а потом выслан под особый надзор в отдаленную ссылку на Печору, в село Усть-Цильму, где я и имел счастье познакомиться с А.В. Журавским при следующих обстоятельствах.

Организовав коммуну из числа ссыльных, и все мы поместились в нижнем этаже одного двухэтажного дома, а на верхнем этаже была квартира Журавского и т.н. Естественно-Историческая станция, которой заведовал Андрей Владимирович.

Он был общительным человеком, и среди ссыльных пользовался большой популярностью, и, как говорят украинцы, «не цурался» их. Сначала мы с ним раскланивались, и при одном подходящем случае и познакомились.

Он интересовался нашей жизнью и коммуной, и я с удовольствием ему об этом рассказал, что мы живем чисто коммунальной жизнью, все деньги (8 р. 30 к. в месяц на человека) мы отдаем выборному старосте, и он расходует на наши нужды.

Кроме того, мы подрабатываем, лудим самовары, среди нас есть портные и сапожники, и поэтому мы материально жили неплохо, и даже

помогали «привилегированным» товарищам, которые получали 11 руб. в месяц. На зиму впрок мы заготавливаем морошку, рыбу и т. д.

Тов. Журавский слушал все с большим вниманием и интересовался всеми подробностями.

В один из вечеров он пригласил меня к себе в дом. В его кабинете я увидел, что все стены, шкафы заполнены засушенными растениями, чучелами животных и птиц, и значительное количество стеклянных банок, с заспиртованными насекомыми, животными и т. д.

Особенно я обратил внимание на его письменный стол, на котором было много книг и ряд настольных медалей, награждаемых за научные труды и ряд экспедиций.

Он мне тщательно, просто и подробно объяснял, и на все мои вопросы (а я был крайне пытлив) я получал исчерпывающие ответы.

Все это меня ошеломило, удивило, т. к. я до этого ничего в науке не понимал, имел низшее образование.

Передо мной открывался совершенно новый мир – мир науки и пути к знанию.

На столе был образчик найденного угля на Печоре, и в банках стояла мутная жидкость, наверху которой радугой был слой найденной им нефти.

Андрей Владимирович так увлекался, а я тем более, и мы иногда долго засиживались. Он тогда еще пророчил о богатстве этого края и предсказывал о его будущем.

Он был из увлекающихся натур. Он очутился в этом далеком краю после неполадок с учебой в Университете, который он принужден был оставить и добровольно поселился в этом захолустье. Его рассказы о богатстве Большеземельской тундры доходили иногда до фантастики. Он планировал постройку целой сети тепловых электростанций, которые работали бы на дешевом топливе, торфе, которым покрыта вся площадь тундры, на глубину до одного метра. Все построенные электростанции дадут такое большое количество электроэнергии, которого хватит на все промышленные объекты и на отопление вечной мерзлоты тундровой почвы, и вся площадь покроется засеянными злаками, овощами, садами и т. д.

Мало этого, он строил свои планы и о изменении климатических условий. Весь Печорский край должен превратиться в цветущий край и источник снабжения всем необходимым всего населения этого края.

Обо всем этом он писал докладные записки Царской Академии, например, отчеты об экспедициях были полны ценных материалов, но царские чиновники и т. н. «ученые» не обращали никакого внимания, и лишь при советской власти, власти рабочих и крестьян Печорский край стал неузнаваемым. Советская власть, как видно, извлекала из архивов эти ценные документы и дала быстрый ход по использованию всех богатств это-

го края. За все научные труды и открытия царская власть временами награждала Журавского настоятельными медалями, но материальной помощи не оказывала, и ему приходилось вкладывать свои средства, которые он получил по наследству от своего умершего отца. Андрей Владимирович был скромным человеком, он не транжирил деньгами и старался, чтобы лишняя копейка была использована на научные цели и для пользы Родины.

Он глубоко верил в будущее и был убежден, что придет время, когда все его труды будут оценены народом.

В 1914 г., 4-го октября, в самом расцвете сил А.В. Журавского не стало. Подлая рука убийцы прекратила его жизнь, и если бы не этот злополучный акт, то Журавский при советской власти смог бы принести в несколько раз больше пользы и многие его мечты осуществились. Еще в 1907 г. он проектировал открыть опытную станцию по воспитанию, приручению и разведению диких ценных животных – песцов, лисиц и т. д.

В одно прекрасное время, я от посторонних людей узнал о том, что Журавский снаряжает новую экспедицию в Большеземельскую тундру по реке Колве (приток Печоры). Представьте себе мое положение, как мне захотелось принять участие в этом благородном деле. Сколько жажды знания проявили во мне научные беседы с Журавским и как мне захотелось пробить брешь из темноты к свету, к новой жизни, которая открыла мне новый совершенно путь. Я долго не решался заговорить с ним об этом, но, набравшись смелости, я наконец-то спросил его. Я попросил его взять меня в эту экспедицию, хотя бы простым рабочим. Журавский улыбнулся и сказал: «Я, Михаил Алексеевич, думал об этом, но боюсь что организованная вами коммуна, распадется. Я убедил его в противном и нашел хорошего заместителя. Радости моей не было конца. Я представлял себе заранее, сколько я получу за это время знаний и как я полезно использую это время. Несмотря на особый надзор за мной, Журавский добился для меня разрешения через исправника и поручился за мою целость, подкрепив это собственноручной подписью. Настало жаркое время сборов. Мы упаковывали весь необходимый инвентарь, наняли две больших лодки, в которые были погружены все наши запасы продовольствия и снаряжения, наняли 4 человека рабочих из самоедов и двинулись в путь. Лодки наши передвигались по бурлацкому методу, ее тянули рабочие с берега, накинув через плечо лямки.

Данная экспедиция, организованная Журавским, имела целью полное обследование Большеземельской тундры, изучение флоры и фауны, торфяного покрова почвы, глубины залегания торфа, глубины промерзаний почвы, полезных ископаемых, изучения быта кочевого населения тундры, снятия на карту притока Печоры, реки Колвы, и целый ряд других научных вопросов. Передвижение по реке было иногда трудным,

т. е. встречались отмели и пороги, приходилось и нам впрягаться в лямки, а иногда и разгружали лодки.

Нанятые нами рабочие «самоеды» были очень трудолюбивы, честны, и они пользовались одинаковыми с нами правами. Все было бы хорошо, если б не один злосчастный случай. Царское правительство и в тундру пустило свои разрушительные и развращенные щупальцы. Царские чиновники спаивали водкой самоедов и глубоко привили этот порок пьянства. За бесценок, за водку самоеды меняли хорошие дорогие меха и часто совершенно разорялись.

Когда на одной из стоянок наши друзья выгружали из лодки вещи, в двух бидонах был спирт, и они сейчас же потребовали спирта. Несмотря на все наши объяснения, что спирт отравлен и его пить нельзя, самоеды с этим не соглашались и объявили, как говорят, забастовку. Наше положение оказалось безвыходным. Несмотря на целый ряд увещаний и даже угроз, ничего не помогло.

Посоветовавшись между собой, мы решили попробовать спирт, насколько он действительно отравлен, Журавский хлебнул один глоток и пройдя некоторое время мы убедились, что наш спирт только покрашен. Подсчитав все потребности в спирте для научных целей, мы нашли возможность отпустить самоедам по небольшой порции.

Все это настолько оказало благоприятное влияние, что мы быстро двигались вглубь тундры.

Река Колва, и ряд многочисленных больших озер, кишмя кишели рыбой. Тысячи диких гусей, уток и др. птиц вследствие линьки не могли летать, и мы были вполне обеспечены мясом и рыбой. На одной из стоянок под утро к нашей палатке подошел голодный и истощенный песец, которого мы без труда поймали. Он был так истощен, что не оказал никакого сопротивления. Этот ценный зверек, как видно, от голода вырождался и не мог существовать и размножаться.

На каждой стоянке мы с Журавским, снаряженные сачками, банками, обследовали данную местность. На каждой стоянке мы рыли глубокие ямы, с целью распознавания глубины залегания верхнего покрова торфа, и глубины промерзания почвы. На одной из стоянок, после всех проведенных научных работ, я пошел пройтись на одну из песчаных лужек и вдруг увидел какую-то торчащую кость. Когда я тщательно разрыл, то оказался череп какого-то животного. Не придавая никакого значения, я взял этот череп с собой и показал его Журавскому. Рассматривая этот череп, Журавский менялся в лице и вдруг закричал на всю тундру: «Это ценная находка, наша экспедиция оправдалась» и т. д. Оказалось, что это череп европейского бобра и что эта находка имеет очень ценный материал для науки. В настоящее время этот череп хранится в зоологическом

музее, г. Ленинград. Не все благополучно обошлось в нашей экспедиции. У разведенного костра мы должны были обедать, подходя к костру, я бросил заряженную берданку, курок ударился о камень, произошел выстрел, и весь заряд из гусиной дробы попал в руку одного рабочего. Он упал. Поднялась паника, и мы после тщательной перевязки должны были отправить его в Усть-Цильму. Освободив одну лодку и освободив одного рабочего, лодка благополучно дошла до медпункта, где и оказали раненому необходимую помощь. Этот несчастный случай, безусловно, повлиял в плохую сторону нашей экспедиции. Потеряв 2-х рабочих и лодку, мы принуждены были ускорить наше возвращение.

Кроме всех этих неприятностей была еще одна, которая не менее беспокоила нас, это несметная туча комаров.

Представьте себе, когда солнце иногда закрывалось от такой массы. И никакие средства не помогали. Они проникали в невидимые щели, прокусывали своим хоботком одежду и безжалостно пили нашу кровь. Несмотря на то, что мы работали в сетках, мазали руки и лицо гвоздичным маслом, наши руки, лица были всегда в крови от раздавленных комаров, и все эти места были в волдырях и ранах от расчесывания. Наша еда была наполовину из комаров, когда мы варили кашу, макароны, то белый их цвет превращался в серый. Помню хорошо такую шутку Журавского: «Михаил Алексеевич, чтоб быть хорошим зоологом, надо съесть бутерброд из пауков и тарантулов».

Дикие олени, спасаясь от комаров, погружались целиком в воду, и из воды торчали их ветвистые рога и ноздри для дыхания.

В общем целом наша экспедиция закончилась вполне успешно. Мы привезли много собранных растений тундры и очень много различных насекомых, пресмыкающихся и этнографический материал.

В одном чуме мы приобрели изготовленную из ребра мамонта целую без соединения звеньев цепь, которая была изготовлена самоедом, имея один единственный инструмент – нож.

В то время вероисповедание самоедов было смешанным. Идолопоклонство и христианство, которое было навязано царским правительством, совмещалось. В чумах вы могли встретить икону и рядом Идола, их в одинаковой степени почитали. Если охота прошла удачно, самоеды мазали их маслом, украшали их, но если охота была неудачной, идолов беспощадно били и выбрасывали.

За все время знакомства с Журавским и, главное, в то время, которое мы с ним провели в экспедиции, я получил исчерпывающие знания по всем отраслям научного знания, и для меня это время было целым университетом. Я распознавал все научные знания с практическим применением этих знаний, и эта закалка осталась у меня на всю жизнь.

Просматривая прошлую литературу, я встретил один из некрологов, в котором писали, что убийство его, будто бы, было причиной его властолюбия. Это явная ложь, и, наверно, это исходит от лица тех людей, которые с завистью и с ненавистью смотрели на полезную, плодотворную, бескорыстную работу великого патриота Родины, который как отшельник отдал свою жизнь народу, науке и этим самым увековечил свою память.

Русский народ и Советская власть оценила работу Великого Ученого, и в настоящее время Печерский край, так же процветает, как вся наша страна, идущая по пути к коммунизму. Память о Журавском я глубоко храню, т. к. он первый открыл мне путь из мрака к свету.

М.А. Мжачих. г. Харьков п/о № 23 до востребования.

Я не знаю, увековечена ли память о Журавском в Усть-Цильме, имеется ли какой-либо музей.

Случайно я встретился с дочерью Андрея Владимировича, которая проживает в г. Харькове, и я обнаружил кое-какой материал о его жизни, одну серебряную нагрудную медаль и, возможно, ряд др. материалов, которые могли бы быть полезными для увековечивания памяти. Я с удовольствием помог бы собрать имеющиеся материалы, или начать организовывать музей. Прошу сообщить.

С тов. приветом Мжачих.

Литература:

1. Журавский, А.В. Результаты исследований «Приполярного Запечорья» в 1907 и 1908 годах / А.В. Журавский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – 35 с.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СЛЕД НА ГЕОГРАФО-БИОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КОМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА*

В 1921 г. была образована Автономная область Коми (Зырян). На бескрайних просторах в крупных селениях работали редкие начальные школы. В 1932 г. открылся Коми государственный педагогический институт (далее – КГПИ) с четырьмя отделениями (факультетами), в том числе естественным. На факультете сформировались три кафедры: химии, бота-

* Очерк написан совместно с А.С. Жаковым.

ники и биологии. Практически сразу в учебных планах появился курс географии. В 1934 г. стал создаваться ботанический сад, растения собирали громадными усилиями со всей страны. Сад просуществовал более 70 лет. В 2014 г. при слиянии КГПИ и Сыктывкарского государственного университета ботсад руководством института был «сдан» городскому хозяйству. В 1939 г. впервые организована кафедра географии и геологии, ее возглавлял талантливый геолог Иван Борисович Борозденко (погиб на войне). Потом она исчезала как структурное образование и создавалась снова. В 1964 г. факультет естествознания был преобразован в естественно-географический в связи с появлением на нем специализации по профилю «география и биология». Была создана кафедра географии под руководством А.М. Вяткиной, которая просуществовала до 2014 г., долгие годы являясь единственной в республике специализированной географической образовательной структурой. Сейчас кафедры географии в структуре Сыктывкарского университета, с которым был объединен пединститут, не существует. Более того, в 2018 г. впервые с 1964 г. не был произведен набор на специальность «учитель географии».

В 1944 г. в Сыктывкаре была создана База АН СССР (затем Коми филиал АН СССР, Коми научный центр УрО РАН). Сейчас в структуре Центра шесть академических институтов. Почти во всех ведутся работы, которые смело можно назвать географическими. Сложилась ситуация, при которой в Республике Коми множество организаций занимаются географическими проблемами, но единого структурного географического образовательного подразделения не существует.

В настоящее время среди преподавателей Института естественных наук подавляющее большинство – это выпускники региональных вузов. Почти полностью разрушена система переподготовки кадров и повышения квалификации, влияние центральных заведений на образовательный процесс ничтожно. Сейчас вуз определяет учебные планы, каждый преподаватель составляет УМК по своему усмотрению, главное, с соблюдением формальностей. Авторы на примере многолетнего существования педагогического коллектива географо-биологического факультета КГПИ рассмотрели участие в нем выпускников Ленинградского государственного университета (далее – ЛГУ) и Ленинградского государственного педагогического института (далее – ЛГПИ), внесших свой вклад в процесс географического образования в республике.

Общепризнанные центры географической науки в Петербурге – Санкт-Петербургский государственный университет и Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Отсюда в прежние годы распространялись по всей стране выпускники, каждый из которых, осознанно или нет, уносил знания, опыт, умения и передавал их

своим ученикам. Влияние центров на периферию может происходить многими способами. Приведем некоторые из них:

1. Издание книг и учебников. Самый замечательный пример – это учебники С.В. Калесника «Основы общего землеведения», «Общая гляциология», «Общие географические закономерности Земли», знакомые каждому географу в стране.

2. Осуществление каких-либо крупных проектов и проведение работ. В 1964 г. был издан замечательный Атлас Коми АССР под руководством С.В. Калесника. В его создании принимали участие как ленинградские географы – Л.К. Давыдов, О.А. Дроздов, М.М. Ермолаев, А.Г. Исаченко, А.А. Корчагин, так и сыктывкарские – П.П. Вавилов, В.А. Витязева (впоследствии Почетный доктор СПбГУ), А.А. Чернов и др. Многие из них работали на территории Республики Коми, а М.М. Ермолаев отбывал здесь ссылку.

3. Преподавание профессора центрального вуза местным студентам. Во время войны в КГПИ работал профессор Г.Г. Шенберг. Многие бывшие студенты отмечали, что тогда в институте встречали двух профессоров в костюмах и с тросточками – П.В. Виттенбурга и Г.Г. Шенберга. Именно тогда в г. Сыктывкаре был создан мощный центр академической науки. Можно было даже защищать диссертации (Г.А. Чернов).

4. Самый действенный способ передачи научной информации – это распределение и определение на работу выпускников ленинградских вузов (на примере КГПИ – это Н.А. Шумилов (ЛГПИ), Э.С. Щербаков (ЛГУ), А.П. Обедков (ЛГУ) и многие др.). Особенно активно в географии идет процесс передачи знаний при проведении полевых практик и исследований. Надо отметить, что несколько последних десятилетий существования факультета полевые дальние практики у студентов проводили выпускники ленинградцы – Н.А. Шумилов и В.И. Силин.

5. Многие преподаватели КГПИ имели возможность учиться в аспирантуре и защищать диссертации в советах столичных вузов. В 1955 г. Н.А. Шевелев, после окончания аспирантуры, в ЛГПИ защищает диссертацию на тему «О локализации условного голосового рефлекса у собак». В дальнейшем в ЛГПИ и ЛГУ многие преподаватели защитили свои диссертации (Н.И. Шумилов (ЛГПИ), А.П. Обедков (ЛГУ) и др.).

В истории КГПИ можно выделить три периода контактов естественного факультета КГПИ с вузами Ленинграда: I – время становления института до войны, II – военное время, III – послевоенное время. К сожалению, в эпоху капитализма многие контакты были утеряны. Практически за 20 лет ни один географ из столичных учебных заведений не пришел на работу в КГПИ.

I период

Попов Иван Васильевич, с 1913 по 1918 г. учился в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете на естественном отделении физико-математического факультета. В 1932–1933 гг. – в аспирантуре при ЛГПИ. С 1933 по 1950 г. работал в КГПИ. Многие годы возглавлял кафедру химии.

Худяев Александр Федорович, с 1931 по 1936 г. учился на геолого-почвенно-географическом факультете ЛГУ. По окончании университета преподавал в КГПИ. В годы Великой Отечественной войны погиб на фронте.

Цвеленьев Леонид Алексеевич, в 1937 г. окончил обучение на биологическом факультете ЛГУ. В 1938 г. – старший преподаватель биологии. В 1939 г. призван в РККА. Погиб на фронте.

II период

Шенберг Гергард (Георгий) Густавович, известный географ, профессор. Карьеру географа начинал под руководством П.И. Броунова в Петербургском университете, работал в ЛГПИ. В 1938 г. был осужден на 3 года (отправлен в Казахстан). После отбывания срока ссылки получил разрешение на преподавание в КГПИ. В 1946 г. покинул г. Сыктывкар и в дальнейшем преподавал в г. Могилеве.

Цвангер Валентина Григорьевна, с 1935 по 1940 г. обучалась на географическом факультете ЛГУ по специальности «экономическая география». С 1941 по 1946 г. работала на кафедре географии КГПИ. Дальнейшая судьба неизвестна.

III период

Екимова Инна Владимировна, в 1954 г. окончила биологический факультет ЛГПИ. В КГПИ работала с 1981 по 1987 г. в должности доцента кафедры зоологии.

Жилова Нина Алексеевна, с отличием окончила географический факультет ЛГУ по специальности «географ-картограф». На кафедре географии КГПИ работала с 1975 по 1996 г. Все выпускники до сих пор отмечают высочайшую квалификацию Нины Алексеевны как картографа.

Зюбина Анастасия Павловна, с 1963 по 1968 г. училась в ЛГПИ на географическом факультете и в 1978–1979 гг. преподавала на кафедре географии КГПИ «Методику географии».

Медведская (Телицина) Антонина Константиновна, в 1947 г. окончила химическое отделение ЛГПИ, поступила в аспирантуру. С 1950 по 1954 г. работала на кафедре химии в КГПИ.

Новиков Викторин Петрович, в 1934–1939 гг. учился на биологическом отделении ЛГПИ. Прошел всю войну. В 1947 г. поступил в аспирантуру при кафедре ботаники ЛГУ, по окончании которой в 1950 г. защитил

диссертацию на тему «Действие недостатка воды в почве в разных стадиях развития овса». С 1950 по 1965 г. работал на естественном факультете КГПИ, в 1965 г. прошел по конкурсу на должность доцента кафедры ботаники в ЛГПИ.

Новикова Наталья Сергеевна, в июле 1945 г. поступила на 3 курс естественного факультета ЛГПИ и после его окончания была оставлена в аспирантуре при кафедре зоологии и дарвинизма. В КГПИ работала с 1950 по 1965 г.

Обедков Анатолий Павлович, в 1982 г. с отличием окончил географический факультет ЛГУ (кафедру экономической географии). Затем там же обучался в заочной аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Особенности формирования и пути совершенствования территориальной организации Тимано-Печорского нефтегазопромышленного комплекса». С 1992 по 2007 г. работал доцентом, заведующим кафедрой географии КГПИ.

Силин Владимир Иванович, в 1988 г. окончил географический факультет ЛГУ (кафедру физической географии). В 1993 г. в ЛГПИ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морфометрия Северного Урала и экология ландшафтов (на примере бассейна р. Щугор)». С 1991 по 2014 г. работал доцентом, профессором, заведующим кафедрой географии КГПИ.

Телицин Алексей Анатольевич, в 1937 г. обучался на химическом отделении Ленинградского пединститута. Прошел всю войну. С 1946 по 1950 г. учился в аспирантуре при ЛГПИ. Защитил диссертацию на тему «Влияние скорости нагружения на соотношения между химическим составом и твердостью». С 1950 по 1954 г. работал заведующим кафедрой химии в КГПИ. Впоследствии служил в Карело-Финском университете.

Шумилов Николай Александрович, учился на географическом факультете ЛГПИ до 1964 г., после чего там же поступил в аспирантуру и защитил диссертацию на тему «Принципиальная схема динамики последнего горно-долинного оледенения». Всю жизнь проработав в институте, Н.А. Шумилову удалось воспитать множество учеников, в том числе кандидатов наук.

Щербаков Эдуард Степанович, в 1959 г. окончил геологический факультет ЛГУ. В КГПИ работал с 1978 г.

Многие преподаватели не учились в ленинградских вузах, но имели честь защитить там диссертации.

Новикова Ирина Дмитриевна, в 1994 г. в ЛГПИ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Формирование познавательной самостоятельности учащихся при изучении раздела “человек и его здоровье” в курсе биологии средней школы».

Руссак Раиса Васильевна, в 1963 г. поступила в аспирантуру при кафедре методики преподавания географии, где училась под руководством А.П. Даринского и готовила диссертацию на тему «Преемственность между начальной и средней школой в обучении основам физической географии».

Свердлова Елизавета Львовна, в 1976 г. в ЛГПИ защитила кандидатскую диссертацию, в которой рассмотрела проблемы клубнеобразования.

Сенькина Клара Серафимовна, в 1967 г. поступила в аспирантуру на кафедру методики естествознания ЛГПИ, которую окончила в 1970 г., защитив диссертацию на тему «Система самостоятельных работ учащихся по зоологии в средней школе».

В настоящее время в Институте точных наук Сыктывкарского университета преемницей кафедры географии является кафедра естественно-научного образования, которая принимает абитуриентов на обучение по специальности «география и биология». К сожалению, среди сотрудников кафедры нет выпускников ни Санкт-Петербургского государственного университета, ни Российского государственного педагогического университета.

Научная разноплановость выпускников центральных вузов, отсутствие системы ротации преподавателей не привели к организации в стенах Коми пединститута географических научных школ.

Влияние преподавателей на учебный процесс, формирование будущих специалистов оценить практически невозможно. Существование различных научных школ, индивидуальных техник и стилей преподавания позволяет студентам выбирать ту модель будущей преподавательской работы, которая им ближе по характеру, темпераменту, наличию теоретических и практических знаний. Приведенные выше примеры показывают, что научные интересы преподавателей были порой очень разноплановыми, однако педагоги, которые соприкасались с Ленинградской географической школой, несли в себе частички той атмосферы, которая царила в культурной столице России.

Представленная работа является шестой частью в серии «Очерков...», опубликованных в разные годы и в разных организациях. В книгах нет одинаковых сюжетов, поэтому тем, кто заинтересуется историей научных и краеведческих исследований на Европейском Севере, автор предла-

гает познакомиться с другими изданиями, размещенными на сайтах Национальной библиотеки Республики Коми и Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (<https://illhkomisc.ru/library/drugie-nauchnye-izdaniya>).

Силин, В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края / В.И. Силин. – Сыктывкар, 1996. – Ч. 1. – 123 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2017/09/silin.pdf>

Силин, В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края / В.И. Силин. – Сыктывкар, 1996. – Ч. 2. – 173 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2017/09/silin1.pdf>

Силин, В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края / В.И. Силин. – Сыктывкар, 1998. – Ч. 3. – 176 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2017/09/silin2.pdf>

Силин, В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края / В.И. Силин. – Сыктывкар, 2003. – Ч. 4. – 150 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2017/12/silin4.pdf>

Силин, В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края / В.И. Силин. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. – Ч. 5. – 189 с.; фотографии. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2017/12/silin5.pdf>

Силин, В.И. Зарисовки по истории географических и краеведческих исследований Коми края / В.И. Силин. – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – 235 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/monografija.pdf>

Силин, В.И. Географические исследования на территории Коми края в конце XVIII – начале XX вв. / В.И. Силин. – Сыктывкар, 2019. – 212 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2020/02/silin-v.i.-geograficheskie-issledovaniya.pdf>

Силин, В.И. Сведения о Севере в первых географических словарях Российской империи [Электронный ресурс] / В.И. Силин. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 186 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2022/11/svedeniya-o-severe-v-pervyh-geograficheskikh-slovarjah-rossijskoj-imperii14.pdf>

Силин, В.И. История географических и краеведческих исследований Европейского Северо-Востока России. Библиографическое издание [Электронный ресурс]. – 2025 – 3067 с. – <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2025/04/ukazatel.pdf>

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Николаевич Тюрнин (1943–2022)	5
Первым ли был на реке Алазее Дмитрий Зырян?	24
Судьба барельефа (А.А. Кейзерлинг и П.И. Крузенштерн)	34
История заселения бассейна реки Ижмы	37
Экспедиция Василия Боровского в Печорский край 1853 года ...	41
Атлас Архангельской епархии как демографический источник..	48
Поездки по Вологодской губернии епископа Палладия	52
Сложно на Руси быть пастырем!	60
Жизнь и путешествия Н.Н. Оглоблина	85
Взгляды Н.Н. Оглоблина на ситуацию в России после Революции 1905 года	114
Жизнь и деятельность писателя, географа, охотника Игнатия Михайловича Воропая	123
Переписка В.А. Варсанюфьевой с Н.А. Емельяновой и О.А. Баян	143
Анатолий Антонович Смилигинс	156
Надо все помнить... ..	160
Судьба двух членов Русского географического общества (И.П. Минаева и И.М. Картавцова)	176
П.Н. Вереха – один из первых библиографов литературы о лесе	181
Эссе об А. Бирштадте (судьба одной картины)	187
Коми край в Российских атласах конца XVIII – первой половины XIX века	195
Выходец из Ижмы Ф.М. Истомина	200
Религиозная ситуация на Печоре в описаниях Ф.М. Истомина ...	204
Письмо из 1959 года (материал к биографии А.В. Журавского)..	208
Ленинградский след на географо-биологическом факультете Коми государственного педагогического института	215

Научно-популярное издание

Владимир Иванович Силин

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ КРАЯ

Часть 6

*Работа подготовлена в рамках реализации государственного задания
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Государственная политика развития
Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической,
экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.»
(FUUU-2025-0026)*

Редактор – К.А. Попова
Оригинал-макет – Д.В. Осипова, Е.Н. Старцева
Дизайн обложки – Д.В. Осипова
Корректura английского текста – Е.С. Кузьмина

Лицензия № 0047 от 10.01.1999. Подписано в печать 24.09.2025.
Уч.-изд. л. 16,0. Усл.-печ. л. 14,0. Формат 60×84 1/16.
Тираж 500 экз. Заказ № 47.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, Российская Федерация, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.